ФЛАМЕНКА

Annotation

«Фламенка» – старопровансальский роман XIII века.

Владетельный сеньор Арчимбаут Бурбонский через послов делает предложение дочери графа Ги Немурского, юной и прелестной Фламенке. Граф согласен, и на Троицу в Немуре играется пышная свадьба. Супруг чрезмерно увлечен Фламенкой, однако королеве удается отравить сердце Арчимбаута. От ревности Арчимбаут почти сходит с ума и запирает Фламенку вместе с двумя ее служанками в тесной башне замка. Никому не доверяя, он сам становится грозным стражем жены. Прекрасный и юный (хотя и успевший уже приобрести главнейшие достоинства рыцаря и ученого клирика) граф Гильем Неверский, услышав печальную историю Фламенки и заочно влюбившись в нее, отправляется в Бурбон, чтобы помочь ей…

Средневековая литература
Фламенка

«Фламенка» – старопровансальский роман XIII века.

Владетельный сеньор Арчимбаут Бурбонский через послов делает предложение дочери графа Ги Немурского, юной и прелестной Фламенке. Граф согласен, и на Троицу в Немуре играется пышная свадьба. Супруг чрезмерно увлечен Фламенкой, однако королеве удается отравить сердце Арчимбаута. От ревности Арчимбаут почти сходит с ума и запирает Фламенку вместе с двумя ее служанками в тесной башне замка. Никому не доверяя, он сам становится грозным стражем жены. Прекрасный и юный (хотя и успевший уже приобрести главнейшие достоинства рыцаря и ученого клирика) граф Гильем Неверский, услышав печальную историю Фламенки и заочно влюбившись в нее, отправляется в Бурбон, чтобы помочь ей…

……………………………… [2]
Затем он прямо говорит:
«Пусть ваш ответ не будет скрыт
В сердцах: коль благо мне от бога
Дано – чему я рад премного, -
Не всем ли благо то дано?
Союза я желал давно
С эн [3] Арчимбаутом [4] – и сейчас
Его послы уверить нас
Пришли, что он того же чает:

10[5]

Кольцом сеньорским [6] извещает,
Что взять готов Фламенку [7] ныне.
И я занесся бы в гордыне,
Когда бы вздумал «нет» сказать.
Но и король [8] дает мне знать,

Что за себя он дочку просит,
Ради другой ее не бросит.
Однако, вот меня что ранит:
Фламенка – и славянкой станет!
Хозяйкой замка дочь моя,

Чтоб с ней раз в год видался я,
Была б мне более желанной,
Чем королевою венчанной
Да чтоб не видеть никогда.
Отцом для дочери беда
Творимая – отца не минет,
Коль дочь навек меня покинет.
Но я вас дать совет просил».
– «Сеньор, коль н'Арчимбаут вам мил,
Открыться вы должны ему.

Так шпага в мире никому
Из лучших рыцарей не шла.
Его душа чиста от зла.
И если помощь вам нужна,
То от него придет она
Скорей (подсказывает сердце),
Чем от Эсклауса [9] иль Венгерца [10].
Пусть госпожа к вам поспешит
И, как с Фламенкой быть, решит,
Поскольку ей судить дано

Рассудок с чувством заодно.
А мы пойдем, чтоб ждать конца
Беседы у дверей дворца».

Велел придти супруге граф,
Фламенку вместе с ней призвав.
Те в комнату его явились
И рядом в кресла опустились.
«Мы, госпожа, – он произнес, -
Ответа ищем на вопрос:
До вас дошла, должно быть, весть,

Что оказал король нам честь,
Взять в жены дочь благоволя.
Иметь супругом короля
Красавице – сочту за благо».
– «Сеньор, пусть грудь пронзит мне шпага,
Когда на то согласье дам!
Я с ужасом внимаю вам:
Хотеть, чтоб стала далека
Нам та, что сердцу так близка?
……………………………… [11]
Богатого села он стоит [12].

Весь день в дороге проведя,
В Бурбон [13] явились, там найдя
Эн Арчимбаута, чья угрюма
Была, стремясь к Роберту [14], дума.
Их встретив, стал он весел сразу,
И, вняв о графе Ги рассказу,
Рассказа о Фламенке ждал.
И каждый рыцарь утверждал,
Что во сто раз она милей,
Чем говорит Роберт о ней.

Их полный выслушав отчет:
«Прекрасно, – молвил он, – ну вот,
Исполню все я, слажу дело.
Роберт, ты вел себя умело,
И рыцари любезны мне:
Они старались наравне
С тобой, и будут всем дары -
Господь нам помоги! – щедры.
Но быстро может срок истечь,
Нам время следует беречь,

Чтоб не забыть чего-нибудь.
С рассветом в воскресенье – в путь:
Сто рыцарей; скакать велим
Оруженосцам четверым
При каждом; всем значки одни;
Пусть подберутся так они,
Чтоб вежеством не уступать им
Друг другу, юностью [15] и платьем.
Герб и доспех пускай блестит,
Покрасим вновь седло и щит,

Все в цвет один, равны во всем,
И орифламму [16] понесем.
(То был его сеньорский знак,
Его турнирный главный стяг.)
Проверим пятьдесят нам нужных
Мулов, чтоб не было недужных.
Брать скороходов не хочу… [17]»
Как только речь он завершил,
Роберт о деле поспешил
Дать графу знать, гонца послав.

Знаток дорог и переправ
В Немур [18] скакал без остановок:
В речах учтив, в манерах ловок,
Все графу доложил, как есть.
Граф ото всех скрывает весть,
Лишь сыну признается он:
«Я, милый сын, весьма смущен,
Устроить мы долиты прием,
Срок близок: н'Арчимбаут о том
Дал знать, что будет не поздней
У нас, чем чрез пятнадцать дней».
Сын отвечает: «Прочь тревоги!
Все выйдет к лучшему в итоге.
Давать и тратить можем мы,
Нисколько не прося взаймы.
В казне довольно серебра
И злата, я смотрел вчера:
Так стала за пять лет полна,
Что чуть убавится она.
Как нет другой такой приятной,
Красивой, как сестра, и знатной,
Так будет наш прием ни с чьим
С времен Адама не сравним.
Сзовите всех друзей на пир,
С врагами заключите мир.
Клянусь, глава любого дома
В Германии – из-за приема
Охотней дом оставит свой,
Чем для прогулки верховой».

– «Любезный сын, рукой умелой,
Молю, все сам веди и делай.
Будь щедр дать в долг или в подарок.
Ста солов ждут – дай десять марок [19],
Пять марок ждут – на десять множь,
И ты в достоинство войдешь».
– «Сеньор, посланья мы составим,
Гонцов стремительных направим:
Вблизи ли кто живет, вдали -
Чтоб все на наш прием пришли».
Гонцов послали пятерых,
Был первым Саломон из них,
Еще Гиот, еще Роби,
Еще Жират, еще Коли.
И не сыскать через семь дней
Было по Фландрии по всей
Средь графов, герцогов, баронов -
Не слышавшего их резонов,
Тем на прием увлечь способных,
Что не было ему подобных.
Любезны графовы призывы
К друзьям, к врагам – миролюбивы,
Чтоб званых не недоставало
И не являлся кто попало.
Сам Арчимбаут, собравшись, смог
Опередить на три дня срок.
Достойным званьем он привечен -
«Благой сеньор»; учтиво встречен,

Честь воздана ему сполна.
Вдруг он Фламенку зрит: она
Воспламенила сердце в нем
Огнем любовным под замком
Нег столь пленительных, что пылу
Из плена тела не под силу
Уйти, и нет следа вовне,
Тогда как тело все в огне.
Он изнутри горел, но в дрожи
Снаружи стыл – с горячкой схоже
Вела себя его беда.
Он мог бы умереть тогда,
Лекарства быстрого не видя:
Его нашел он в чистом виде
И оказавшимся не гадким
На вкус, но столь благим и сладким,
Что человека в мире нет
Такого, чтобы много лет
Болеть сухоткой ног и рук,
Но после вылечиться вдруг
Тем средством – не был бы готов он;
Энц Арчимбаут, весьма взволнован,
Страдая от любовной хвори,
Мученья чувствовал и горе,
Не в силах ждать до воскресенья.
Аббат иль клирик исцеленье
Могли б дать в пятницу-субботу:
Отверг отсрочку б он и льготу -

Будь индульгенций то покупка -
Ибо в наклад была б уступка.
На Троицу, в субботу, вся
Собралась знать, и начался
Прием в Немуре, пышный, славный.
В Ланьи, в Провене [20] сроду равный
Не выпал ярмарке успех,
Где бурый был и серый мех,
И шелк, и шерстяные ткани.
Явились богачи заране -
Свершив кто восьмидневный путь,
Кто близкий – лишь бы чем хвастнуть.
И столько графов и комторов
Сошлось, вассалов и сеньоров,
Баронов – знатен и богат
Любой, и все блистать хотят -
Что в городе для них нет мест:
Располагаются окрест
Они внутри большого круга,
Средь ослепительного луга.
На брусьях ставят и канатах
Палатки из полотнищ, взятых
С собой, беседки возводя
На случай ветра и дождя.
Всех: желтых, белых и багряных -
В пять сотен пар шатров был стан их.
На шишках золотых орлы:
Лишь солнце выглянет из мглы,

Долина вся воспламенится.
Жонглеров [21] там была станица:
Будь сердцем столь они кипучи,
Как были их слова летучи,
Дамаск [22] им сдался бы тотчас.
Иссякнул в городе запас
Нарядов – все пошло туда.

Там можно было без труда
Дар получить любой, сказав:
«Прошу себе не я, но граф».
Прием роскошно был устроен.
Тот званья богача достоин,
Кто больше тратит на гостей.
Быть хочет каждый всех щедрей
И всем, кто примет, что-то дарит.
Не нынешний он вовсе скаред:
Один раз даст, и взятки гладки,

Вот благородство и в упадке.
Тому едва ль кто изумится,
К единой цели мир стремится,
И ведомо ли вам, к какой?
Порок отправил на покой
Все то, что с Благородством схоже.
Скончалась Доблесть, Радость тоже.
– Но почему? – А потому,
Что Стыд сам при смерти. – Ему
От Знанья ждать ли исцеленья?

Клянусь, что нет. Благоволенье -

Сегодня рыночный товар;
Простой совет, не то что дар,
Дается человеком, лишь
Когда приносит то барыш
Ему иль другу, иль когда
Врагу довольно в том вреда.
Чтить Юность – тоже, значит, грех.
Что спорить, коль стоит при всех
Любовь с поникшей головой.

Но я рассказ продолжу свой.
Воскресным утром, в ранний час,
Три ночи не смыкавший глаз
Эн Арчимбаут обут-одет
Уж был, когда ему привет
От имени Фламенки граф
Принес, немедля услыхав
В ответ: «Сеньор, так щедр к вам бог,
Что слову вняв *Фламенка*, мог
И я почувствовать подъем».

– «Ну что ж, вставайте и пойдем,
Чтоб видеть дочь, в ее покои.
Есть мускус там и амбра, кои,
Равно как безделушки, ждет
Она принесть вам в дар». – «Влечет
Меня вам следовать, сеньор,
Как никогда до этих пор».
Взят графом за руку был он,
К Фламенке в комнату введен
И ей торжественно представлен.

Был вид не скорбный ею явлен
Скорей, но робкого испуга.
– «Вот ваша, – молвил граф, – супруга,
Берите, н'Арчимбаут, ее».
– «Желанье это и мое,
Лишь бы ее не вызвать гнева».
В ответ им улыбнулась дева
И говорит отцу: «Отдав
Меня так просто, сколько прав
У вас, вы показали ясно.
Но вам угодно – я согласна».
Словцом «согласна» восхищен
Столь н'Арчимбаут и упоен,
Что он к руке ее прильнуть
Дает своей и сжать чуть-чуть.
На этом надо им расстаться.
Теперь он знает, где справляться
О сердце, где искать потери.
Взор к ней подняв, идет он к двери,
Глазами просит разрешенья
Уйти; к нему пренебреженья
Нет у Фламенки: взгляд не строг,
И речь нежна: «Храни вас бог.»
Епископы – их пять, аббаты -
Их десять, ризы всех богаты,
Ждут свадьбу у монастыря.
Эн Арчимбаут считал, что зря
Столь длинны части ритуала.
Но вот сиеста миновала,
И стал Фламенке мужем он,

Лобзаньем первым награжден.
Когда ж обедня отошла,
Не для обеда у стола
Сошлись [23] сначала, но едва ли
Кто проиграл. Там подавали
Все мыслимое на пиру.
Все вспомнить – смелость не беру
Я на себя, выходит пресно,
Поскольку было, мне известно,
Там все, что ум изобретет,
И все, что пожелает рот.
Граф с н'Арчимбаутом угождали
Гостям, глаза ж того блуждали
Там, где душа его была.
Он хочет, чтоб из-за стола
Все поднялись, едва поев.
Жонглеры тянут свой напев:
Тут – пробуют струну сперва,
Там – подбирают в лад слова.
Все это н'Арчимбаута бесит,
И если ночь не перевесит
Его теперешних убытков,
То ни микстур нет, ни напитков,
Чтоб мог вернуть здоровье он.
Но был с лихвой покрыт урон:
В постели, ночью этой самой,
Он деву сделал новой дамой.
Он мастер был высокой марки,

И не было такой бунтарки,
Чтоб, взявшись, не заставил пасть
Ее, в его отдавшись власть.
Фламенку приручив умело
(Сопротивляться не умела
Она, слаба и безмятежна),
Целует он, сжимает нежно
Ее, стремясь, возможно сколь,
При том не причинить ей боль.
Как бы там ни было, в ответ
Ни жалоб, ни протестов нет.
Уж восемь дней, как длится брак.
Епископы, аббаты (всяк
Нес посох) девять дней гостили,
Их на десятый отпустили
Довольных всячески и всем.
Эн Арчимбаут, счастливый тем,
Что он желанным обладает,
Отныне лишь о том мечтает,
Чтоб было чтить ему по силам
Избранницу и быть ей милым.
Будь стыд в душе его слабей,
Свой гребень он поднес бы ей,
И зеркало, и сам венец [24].
Поняв, что близится конец
Приема и не век же весь
Он может оставаться здесь,
Вступает с графом он в беседу:

«Чтоб свой прием устроить, еду
Домой, сеньор, я сей же час;
Препоручаю богу вас,
Пришлите дочь свою ко мне
Поздней – условимся о дне».
Отъезд сердечен был и скор.
Примчавшись на бурбонский двор,
Уже он обо всем хлопочет.
Столь пышный дать прием он хочет,
Чтоб больше не было речей,
Что где-то был прием щедрей.
Шлет королю [25] об этом весть,
Прося, чтоб оказал он честь
Прибытьем скорым на прием,
И с королевою вдвоем.
А пожелают по пути
Попасть в Немур, то привезти
Фламенку, чем навеки он
Уважен будет и пленен.
В Берри и Пуату [26] таких
Баронов не было, чтоб их
Гонец с печатью и письмом
Не навестил; в Бордо самом
Посланцы побывали, в Блае,
В Байонне, письма всем вручая.
Все званы, ждут его приема,
Никто не остается дома.
Меж тем фасады всех домов он

Украсил, город драпирован
По стенам тканью дорогой,
Коврами, шелком и парчой.
Чтоб было в дар без просьб добро:
Монеты, кубки, серебро
И золото, ковши, сукно -
Всем, кто готов принять, дано,
Их припасать велит хозяин.
И вплоть до городских окраин
Вид улиц приводить в порядок.
Ни в тушках кур, ни куропаток,
Ни в дрофьих или журавлиных,
В гусях ли, утках иль павлинах,
В косулях, кроликах и ланях,
В медвежьих тушах и кабаньих -
Ни в чем нужды не усмотреть.
И прочая не хуже снедь.
В гостиницах всего в достатке,
Чтоб в зелени никто нехватки
Не знал, ни в воске, ни в овсе.
Здесь под рукою вещи все,
В которых надобность случится.
Лаванды, перца, смол, корицы,
Гвоздики, имбиря, муската
Запасы стали столь богаты,
Что в стенах городских, сиречь
На каждом перекрестке, сжечь
Их можно было полный чан.

Проходишь мимо, воздух прян -
Так в Монпелье [27] под Новый год
Не пахнет в лавке, хоть толчет
Там бакалейщик свой товар.
Ждало плащей пять сотен пар,
Пурпурных, с прошвой позолоты,
По тысяче – щиты и дроты,
Гора мечей, кольчуг гора
Близ постоялого двора,
И сотни резвых жеребцов.
Все это н'Арчимбаут готов
Дать рыцарям, чтоб все подряд
Вооружались, коль хотят.
Король же, завершив дела,
В дорогу тронулся; была
Фламенка с ним; теснясь в пути,
На лье не менее шести
Вилась баронов кавалькада.
Гарцуя впереди отряда,
Сын графа на коне летел,
Поскольку встретиться хотел
С эн Арчимбаутом он всех прежде.
Тот в пышной вышел к ним одежде.
И сотни рыцарей вокруг
Толпились, горожан и слуг,
И каждый короля был рад
Зазвать к себе: «Тенист мой сад,
Просторен дом, просторен двор.

Пожалуйте мне дар, сеньор,
Сказав, что здесь пожить согласны».
– «Упрашивания напрасны:
Фламенка, – он в ответ, – со мной;
Возьмите свиту на постой».
– «Сеньор, бароны и приют,
И угожденье здесь найдут».
Размещена без шума свита,
Дверь дома каждого открыта.
Покои королевы – редкой
Красы; Фламенка ей соседкой.
Немало жалоб было там,
Что позволения от дам
На долгий получить прием
Нельзя: они ездой верхом
И духотой утомлены.
Но, отдохнув, опять полны
Явились свежести и сил.
Когда девятый час пробил,
Все, за столом обильным сидя,
Вкушали рыбу в разном виде
И прочее, что можно есть
В день постный; сверх того, не счесть
Плодов июньских: вишен, груш.
Фламенке послана к тому ж
От короля бекасов [28] пара,
Она в словах, достойных дара,
Благодарит после еды.
Ни в чем там не было нужды,
Пожалуй, в братии лишь нищей,

Чтоб оделить их лишней пищей.
Назавтра был Иоанн Святой [29]:
Над этим – праздник никакой
Иметь не может перевеса.
Епископом Клермонским месса
Великая пропета; слово
О том прочел он, как святого
Сам возлюбил господь наш бог,
Назвавши «больше, чем пророк» [30].
Затем он объявил запрет
Для всех строжайший, как обет:
Нейти с двора пятнадцать дней -
Срок не короче, не длинней
Король для празднеств дать желал им.
Он не глухим вещал, а шалым:
Все не скрывали, что влечет
Их здесь остаться хоть на год,
И, срок король им удлини,
Рот заморозили б они
Ему [31]. Вот все, кто мессу слышал,
Едва король из храма вышел
С Фламенкой в паре, поспешили
Им вслед. Толпа длиной в три мили,
В которой рыцари близ дам
Держались, шла к дворцу, а там
К столам их пиршественным ждали.
Лишь рыцарей в огромной зале
Не меньше тысяч десяти
Могло легко места найти,

Притом никто был не забыт
Из дам, девиц и из их свит,
Из компаньонов их и слуг,
Затем толпившихся вокруг,
Чтоб исполнять приказ сеньоров,
И тысяча пятьсот жонглеров.
Умывшись, все друг против дружки
Не на скамьи, а на подушки,
Обтянутые шелком, сели.
Не спрашивайте, тонки все ли
Салфетки были им даны
Для рук, – все гладки и нежны.
Удобней дам садиться просят
И яства на все вкусы вносят,
Над списком нет нужды трудиться:
В избытке все, на что пшеница,
И виноград, и корнеплоды,
Плоды и молодые всходы
Идут; что мы привыкли есть
И можно в воздухе обресть,
В земле и средь морских глубин, -
Так что для зависти причин
У тех, кто как бы обделен,
Нет к тем, кто многим предпочтен.
Похвал достоин был уход
За всеми, но гостей с пятьсот
С Фламенки не сводило взгляда,
И хоть сильна была отрада

Пленяться прелестью лица,
Все возраставшей без конца,
Но лицезренье красоты
Пустыми оставляло рты.
Ей, видит бог, претило это!
Но тот, кому случалось где-то
К ней обратиться с парой слов,
Затем поститься был готов.
И многие встают, не ев.
Подобными средь дам и дев
Фламенке быть хотели все.
Как солнце в блеске и красе
Неповторимое, она
Сияет в их кругу одна.
Лица ее столь свежи краски,
Во взоре столько нежной ласки,
Столь веселы и сладки речи,
Что слывшая живой до встречи
С ней, или более прекрасной, -
Неловкой делалась, безгласной,
Стеснявшейся красы своей,
Мол, чтобы выглядеть милей,
Что толку вон из кожи лезть
Там, где такая дева есть.
Всех затмевает и бледнит
Всечасный блеск ее ланит,
Горящих весело и живо.
Чтоб столь была она красива,

Знать, не жалел усилий бог;
Тем, кто ее увидеть мог,
Она желанней лишь была.
Коль красоте звучит хвала
От женщин, верьте слову их.

На свете нет трех дам таких,
Чтоб были прочие согласны
Признать, что впрямь они прекрасны.
Нам, дескать, лучше знать, что вам
Звать любо красотою дам:
Мужчинам только бы была
Учтива дама и мила,
И ласков был ее прием,
Но кто неубранной, пред сном
Иль после, мог ее узреть,

Тот, коль умен, не станет впредь
Дар слугам жаловать подобный [32].
Так речью жалобной и злобной
Унизить, умалить хотят
Они господних суть наград
Отмеченным его любовью.
Но у Фламенки на злословье
Нет жалоб, дамы с ней не злы,
Остерегаются хулы,
И сдерживает их лишь то,

Что порицать не знают что,
Ибо, найдя хоть тень изъяна,
Они б взялись за дело рьяно.

Окончив трапезу, опять
Помыли руки, с мест вставать
Никто не стал, внесли вино,
Как было там заведено.
Убрали скатерти затем,
Подушек, чтоб досталось всем,
И вееров внесли без счета,

И каждый, как кому охота,
Устраиваться мог, и вот
Жонглеров наступил черед:
Привлечь вниманье все хотят
Настройкой струн на разный лад,
Игрой, неслыханной дотоле.
Исполнить новый на виоле
Напев, кансону, лэ, дескорт [33]
Искусней прочих каждый горд.
Лэ жимолости [34] там на вьелле [35]

Играют, здесь – лэ Тинтажеля [36];
Там – песнь влюбленным совершенным,
Здесь – сочиненную Ивеном [37].
То лютни, то виолы чьей-то
Звук слышен, то рожка, то флейты;
Тут – голос жиги; рядом – роты [38];
Один – слова, другой – к ним ноты;
У тех – свирель, с волынкой – эти,
На дудке – тот, тот – на мюзете;
Тот – на мандоле [39], там – звенят

Псалтерий с монокордом [40] в лад;
У тех – театр марионеток;
Жонглер ножами – быстр и меток;
Тот – пляшет с кубком, тот – скользит
Змеей, тот – делает кульбит,
Тот – в обруч прыгает; кого,
Не знаешь, выше мастерство.
Кого ж истории влекли
Про то, как жили короли
И графы, мог узнать о разном;

Там слух не оставался праздным,
Поскольку кто-то о Приаме [41]
Вел речь, другой же – о Пираме [42];
Тот – о Парисе и Елене [43],
Ее прельщении и плене;
Там – об Улиссе говорили,
О Гекторе и об Ахилле [44];
О том, как поступил Эней
С Дидоной [45] и как тяжко ей
Остаться было одинокой;

Как весть Лавиния [46] с высокой
Послала башни со стрелой,
В чем помогал ей часовой;
О полиниковой затее,
Об Этеокле и Тидее [47];
Еще о том, как Аполлоний
Остался в Тире и Сидоне [48];
Звучал рассказ об Александре [49],
Затем – о Геро и Леаидре [50];
Как Кадм [51], из дому изгнан быв,

Осуществил закладку Фив;
Повествовали о Язоне [52]
И о недремлющем драконе;
О силе, что дана Алкиду [53],
О том, как к гибели Филлиду
Влюбленность в Демофонта гонит [54];
И как Нарцисс [55] прекрасный тонет
В ручье, где отразился он;
Как над Орфеем верх Плутон
Взял [56], у него жену отняв;

Как филистимский Голиаф
Тремя камнями был убит,
Которые пустил Давид [57];
И о Самсоне – как Далила [58]
Его во сне волос лишила;
А также и о том, как много
Сражался Маккавей [59] за бога;
Как Юлий Цезарь [60] мог, шла речь,
Понт в одиночку пересечь,
Творца помочь не попросив,

Чтоб знали, что не боязлив.
Про нравы Круглого Стола [61],
Где всем оказана была
Честь королевская за дело
И благородство не слабело:
Тот – про Гавела вел рассказ,
Про рыцаря со львом, что спас

От гибели Люнетту; кто-то -
Про заключенье Ланселота
За то бретонкою в тюрьму,
Что немила была ему;
Про Персеваля – как верхом
Он появился пред дворцом;
И про Эрека и Эниду,
Про Угонета и Периду;
Про тяготы, что Гувернал
Из-за Тристама испытал;
И про кормилицу, что тело
Фенисы омертвить сумела;
О Незнакомце там Прекрасном
Звучал рассказ, а здесь – о красном
Щите, что взял герольд, нашед
Под дверкой тайной; был Гифлет
Помянут; и Калобронан;
И как за то, что грубиян,
Кей-сенешаль немало тягот
У Ле Дельеза вынес за год
В тюрьме; дань отдали Мордрету
И, жертве Вандров злых, д'Ивету,
Оказан коему прием
Был Рыболовом-Королем;
О мерлиновой сказ судьбе
Гремел; и как служить себе
Старик-с-Горы Убийц заставил;
И как сам Карл Великий [62] правил

Германией до дней раздела.
Иных история задела
О Хлодвиге и о Пипине [63];
О Люцифере [64], что в гордыне
Низвергся с высей благодати;
Слуга нантейльский вспомнен кстати
И Оливье верденский [65]; спет
Из Маркабрюна [66] был куплет;
И рассказали, как Дедал
Учил летать и как летал
Гордец Икар [67] и утонул.
Все, как могли, старались. Гул
Неумолкающий виольный
И от рассказов шум застольный
Слились над залом в общий гам.
Тут говорит король гостям:
«Вы, рыцарственные сеньоры!
В еде оруженосцы скоры,
Велите им седлать коней,
Нам предстоит турнир, живей!
Но перед тем бы я желал
Устроить куртуазный бал,
Начать его велю жене
С Фламенкой, столь любезной мне.
И сам я танцевать готов.
Вставайте все, а меж столов
Жонглерам место есть как раз».
И за руки взялись тотчас

Все: дамы, рыцари, девицы -
Прекрасны были многих лица.
Вовеки ни Бретань [68] не знала,
Ни Франция такого бала.
Настроивши виолы, двести
Жонглеров заиграли вместе,
По двое на скамейки сев,
И танца зазвучал напев
За нотой нота, точно в лад.
Все дамы за собой следят,
Плетут любовных сеть засад,
И что безудержно хотят
Понравиться, скрывают плохо,
Их выдает лукавство вздоха,
Что к небесам летит, иль взгляда.
В любви такая всем отрада
Была, что каждый мнил, что он
В рай заживо перенесен.
Не видел свет, даю вам слово,
С тех пор, как есть любовь, такого
Собранья красоты. Услышь
В тот миг король, что и Париж,
И Реймс его врагом захвачен,
Он танца не прервал бы, мрачен,
Ни вид его б не стал унылей.
Бал Радость с Юностью открыли
И дама Доблесть, их кузина.
Нашла на Скаредность кручина,

Под землю впору б уползти,
Но встала Зависть на пути:
«Что, дама, за беда? Взгляни,
Танцуют, веселясь, они:
О! о! вся пышность их – обман,
Не каждый день Святой Иоанн.
Они насытились и скачут,
Но кто-то траты их оплачет.
Здесь многие полюбят нас
Чрез месяц лишь, и что сейчас
Услада им, сочтут уроном».
– «Добро пожаловать, – со стоном
Ей Скаредность в ответ, – я снова
Жить после ваших слов готова.
Желаю вам все ваши лены [69]
Избавить от любого плена,
И власти подчинить своей
Баронов, графов, королей,
Маркизов, клириков, крестьян,
И рыцарей, и горожан.
А что до дам, дарить их вам
Я не хочу: лишаться дам
Не стану, просто так отдав
Вам то, на что у вас нет прав.
Но об избравших рас не спорю -
Что толку предаваться горю,
Нам причиненному людьми».
Тут больше тридцати восьми
Оруженосцев оседлали

Коней, эмблемы к ним вначале
И колокольцы прикрепив.
К турниру прозвучал призыв.
Окончен бал, что лишь однажды
Увидеть удается; каждый
Оруженосцу снаряженье
Велит нести без промедленья.
А дамы не бегут украдкой,
Но с милой сдержанной повадкой
Идут в веселой череде

К окну взглянуть на сцену, где
Сойдутся рыцари в бою,
Чтоб им явить любовь свою.

Хоть н'Арчимбауту то непросто,
Он девять сотен девяносто
Семь пеших рыцарей направил
К двору и королю представил:
На всех чулки из шелка в розах.
И пожеланьем: чтобы слез их
Лишь плен любви отныне стоил, -

Король, как даром, удостоил,
А королева одарила
Их тем, что то же повторила.
В тот день в доспехах был король -
Носивших их достойно столь
Троих бы не нашлось, даю
Вам слово; был к его копью
Рукав, не знаю чей, привязан [70];
Вид королевой не показан,

Что огорчилась, хоть рукав
Был вывешен не для забав,
А как любовный явно знак.
Но про себя сказала так,
Что, чей то дар, узнай она,
Заплатит дама ей сполна, -
Сей дар одну лишь не порочит [71].
Как быть, Фламенку сердце прочит
В дарительницы рукава.
Хоть королева неправа,
Дать н'Арчимбауту знак велела,
Что у нее к нему есть дело.
И вот уж он пред ней стоит,
При нем копье его и щит.
Значок, турнирному бойцу
Вручаемый, ему к лицу.
Приблизясь к королеве, он
Вмиг спешился, его поклон
С приветствием учтивым слит.
Взяв за руку, она велит
Ему садиться у окна:
«Я, – молвя, – н'Арчимбаут, больна.
Коль не дадите вы совета,
Беду лишь усугубит это».
Он говорит: «Дай вам господь
Страданья ваши побороть».
Жест делает она такой,
Чтоб тронуть правою рукой

Фламенку, так как у окна
Сидела рядом с ней она:
«Нельзя ль с эн Арчимбаутом мне
Поговорить наедине?»
Та ей в ответ, беды не чуя:
«Того же, что и вы, хочу я».
Близ окон, где сидят они,
Графиня де Невер в тени
Под пальмами стоит укромной.
Но от волос ее не темный
Струится блеск, а ярче злата,
Вот чем была она богата.
Фламенка приступает к ней,
Предпринимая без затей
Беседы вежливой попытку,
Подушкой подложив накидку,
Чтоб дальше был обзор и шире
Ристаний славных на турнире.
А королева в тот же миг,
К эн Арчимбауту скорбный лик
Поднявши, молвит: «Милый друг,
Не муж ли на меня недуг
Наслал, нося открыто знак
Любви? По поступивши так,
Он напоказ не только мною -
И вами пренебрег, не скрою».
Эн Арчимбаут увидел сразу,
Что ко Фламенке эту фразу

Она относит, мол, рукав
Дан ею. Эту мысль поняв,
Ответил словом он таким:
«Клянусь вам тем, кто столь любим,
То не бесчестья знак греховный,
Но символ радости любовной:
Долг исполняет наш король -
Мне б так! Но где велела роль
Лишь радость показать ему,
Хотел бы я любовь саму.
Он видит в том лишь развлеченье».
– «Понадобится утешенье
Вам это, н'Арчимбаут, скорей,
Чем пролетит пятнадцать дней».
– «Не вмешивайте ревность в дело,
Без повода и неумело».
Не поднимая головы,
Она в ответ: «Ревнивым вы
Все ж станете, бог нас рассудит.
Тем более, причина будет».
– «К чему мне наставленья эти?
Подобные я знаю сети,
Наш бесполезен разговор».
Тут к ним жонглер спешит: «Сеньор,
Король наш препоясать хочет
Мечом [72] – и дела не отсрочит -
Тибаута, графа де Блуа [73].
Тибаута просьба такова,

Чтоб вы стояли близ него,
Когда начнется торжество».
Эн Арчимбаут кладет поклон,
Не выказав, сколь угнетен,
Чтоб до красотки не дошло.
Ах, грех какой, какое зло!
И королевы то вина,
Что н'Арчимбаут лишится сна,
Покоя обрести не сможет,
Что сердце злая боль изгложет,
И не вернуть ничем здоровья,
Как лишь лечением любовью.
Увы, настудит исцеленье,
Коль подтвердятся подозренья.
Едва пред королем встал он,
Как граф Тибаут был посвящен
И с ним четыреста – они
Все были из его родни.
Дон Арчимбаут, скорбя, ушел
От королевы, столь тяжел
Был новости зловредной гнет.
Оруженосца он зовет:
«Вели звонить к вечерне; нужен
Нам времени запас – на ужин
Король пойдет лишь после храма».
Но к окнам сшедшиеся дамы,
Желавшие, чтоб без заминки
Шли рыцарские поединки, -

В крик, услыхав колокола:
«Еще часов не подошла
Пора [74], а тут вечерня уж!
Пусть ту из нас оставит муж,
Кто в храм пойдет в такую рань,
Оставив рыцарскую брань!»
Но тут король прошел, явив
Сколь нравом добр он и учтив,
Туда, Фламенка где стояла,
И вышел вместе с ней из зала.
Бароны поспешили вслед;
Избрали темой для бесед
Любовь все кавалеры, в храм
Сопровождая милых дам.
Хор службу спел на голоса,
Король немедля поднялся.
Расположенье вновь свое
К Фламенке показав, ее
Взял, по обыкновенью, руку,
Чем отягчил супруги муку,
И н'Арчимбаут был раздражен,
Хоть виду и не подал он.
Вот ужин. В сотах ли пчелиных,
Во фруктах, в пирожках ли, в винах,
В жарком – ни в чем нехватки нет.
Фиалки, свежих роз букет,
Для охлажденья лед к вину
И снег – чтоб не мешало сну.
Пора и отдохнуть – устав

От всех сегодняшних забав,
В преддверье завтрашних событий.
С утра, продолжить разрешите,
Вдоль улиц скачут новички
Из рыцарей, надев значки.
Пришпоривает всяк коня,
В лад колокольцами звеня.
От этой суеты растет
Круг н'арчимбаутовых забот,
А сердце так тоска спирает,
Что он решил, что умирает.
Отбросить подозренья хочет
И королеву лишь порочит
За то, что смутная тревога
В него вселилась без предлога.
Беду искусно он таит,
Всем вход в казну его открыт,
Ею даяния щедры,
Он счастлив, коль берут дары.
Семнадцать дней и больше длился
Прием, никто бы не решился
Определить: из этих дней
Всех интересней и пышней
И всех радушней был который.
Могущественные сеньоры
Дивились, сколь запас богат
Был у хозяина для трат.
Лишь на двадцатый день дворец
Король покинул наконец -
Знать, королева не желала

На месяц продолженья бала
В уверенности, что влюблен
Серьезно во Фламенку он.
А он любил ее не страстью -
Он мнил, что радуется счастью,
Пожатье ли увидев рук,
Лобзанье ли, ее супруг:
Король не находил в том зла.
Пора отъезда подошла,
Хозяин слышит хор похвал,
Довольны все, жонглерам дал
По стольку он, что кто был беден,
Теперь богат, брось даже петь он.
Эн Арчимбаут всех проводил их,
С тоской расстаться ж он не в силах,
Вернулся, а она уж ждет.
Ему сжимает сердце, жжет
Беда, звать Ревность ту беду.
Из-за нее он как в бреду,
Такие думы все на ум
Идут, что не избыть тех дум.
Когда домой вернулся он,
Друзья, решив, что поврежден
В нем разум, разбежались вскоре.
Заламывал он руки в горе
И плакал из-за пустяков.
Не думал прежде, что в альков
К жене захочет он ворваться,

Чтобы, прибивши, поквитаться.
Но обнаружил, что она
Была там вовсе не одна:
Сидело множество вокруг
Дам, городских ее подруг.
Оттуда вышел, как больной,
Он, повернувшись к ним спиной, -
Стонать на лавку в уголку
Лег, словно боль была в боку.
Жизнь сделалась ему постыла:
Коль осужденье б не страшило,
Весь день с постели б не сходил.
Всех сторонясь, всегда уныл,
Стенал: «Я был безумен. Что же
Я сделал, взяв жену? О боже!
Иль дом не благ был у меня?
Да, благ! Будь проклята родня,
Которая всегда заманит
Взять то, нам отчего добра нет!
Теперь у нас жена, жена!
Увы! мне сила не дана
Гнет ревности перенести!
Не знаю, как себя вести!
Красотка эту хворь наслала
И, видит бог, ей горя мало!
Ну что ж, ее я огорчу.
Как сделать то, чего хочу?»
Впрямь злая блажь им овладела.

Ни кончит, ни назначит дела,
В дверь выйдет – тотчас же войдет,
Снаружи жар, на сердце лед,
Вдруг взор ревнивый стекленеет,
Вдруг, петь задумав, он заблеет,
Вдруг крик раздастся вместо вздоха.
Работает рассудок плохо,
И хочется бубнить ему
Вздор, непонятный никому.
Весь день брюзжит он и бранится,
Ему страшны чужие лица.
Коль кто врасплох его застанет,
Он притворяется, что занят,
Свистит для вида и сквозь зубы
Цедит: «Не знаю, почему бы
Мне вас не вышвырнуть, коль так!»
То в пальцах скручивать кушак
Начнет, то напевать бай-бай,
То танцевать шаляй-валяй.
Глаз обратив тайком к супруге,
Другим велит, чтоб воду слуги
Для омовенья рук несли
К обеду: в смысле – чтоб ушли
Все подобру бы поздорову.
Он ткал уток и плел основу,
Шагая вдоль и поперек.
Когда же более не мог,
Просил: «Сеньор, угодно ль сесть

К столу вам – оказали б честь
И нас обрадовать могли вы
И показать, сколь вы учтивы».
Тут он глаза по-песьи пялил
И без улыбки зубы скалил.
Будь по его, всех гнал бы вон!
О встречном думает, что он
Его жену склоняет к блуду:
Будь проклят богом он повсюду!
Беседует ли кто с женой,
Он чует замысел дурной.
«Я сам на это их подначил,
Но и король давно все начал:
Уже к отъезду из Немура,
Поняв, что это за натура
И что нет дам ее прелестней,
Позволил вольным быть себе с ней.
Жди я, что так он поведет
Себя, – немедля б запер вход:
Кто хочет, ходит взад-вперед
Теперь – и кто еще придет?
Вон, как ко всем она радушна
И напоказ – нам не послушна.
Чтоб увести, ей лгут безбожно!
Быть пастухом ей невозможно,
Поскольку тот пастух негож,
Кто плох к себе, к другим хорош.
Как – увести! Сказать легко:

Король едва ли далеко
Зашел, ей пожимая руку.
Увы! родился я на муку!
Коль плохо нес я оборону
При ней, то и поднять колонну
Не мог бы пред Святым Петром [75],
И повалить Пюи-де-Дом [76],
Коль тщетны все мои потуги
С девчонкой сладить. Без супруги
Жить лучше, чем, что ты учтив
И юн, из-за нее забыв.
Клянусь, сменять добро на зло
Меня безумье увлекло.
А королева, предсказав
Мне ревность, злейшей из отрав
Дала – пророчица, исчадье
Злых сил – не дав противоядья!
Из бывших прежде ни с одним
Ревнивцем, впрямь, я не сравним:
С мою – их муки не потянут.
И буду точно я обманут.
Звучит здесь «буду» невпопад,
Я знаю, что уже рогат!»
И, на себя в безумной злобе,
В жару дрожит он и в ознобе,
Рвет волосы, кусает губы,
Бьет по щекам, сжимает зубы,
Взгляд, жалящий Фламенку, дик.

Он с наслажденьем бы остриг
Ее волос тугие пряди.
«Н'Изменница [77], чего я ради
Не колочу вас, не душу,
Прически вашей не крушу?
Вы отрастили хвост, но он
Вот-вот пойдет вам на шиньон,
Чтоб я не вырвал сам его.
А вам-то будет каково
Знать, что он ножницами срезан!

И станет, видя, что исчез он,
Печальна свита волокит,
Что нынче только и твердит:
«О, кем столь чудный видан локон!
Блеск золота затмить бы мог он».
Я знаю взор их воровской,
Пожатье рук, толчки ногой.
Каких вы ищете интриг?
Я хитрость лучше вас постиг,
Но тем я слаб, а вы сильны,

Что худо мне вам хоть бы хны
Во мне все мышцы и все кости
И жилы все болят от злости;
Стерплю ль, чтоб вы, чья в том вина,
Не получили долг сполна?»
– «Сеньор, что с вами?» – лишь спросила
Она в ответ. – «Что с вами?» Мило!
Источник мук моих вы всех.
Клянусь Христом! мне – смерть, вам – смех!
А грех – на этих ухажерах.

Господь свидетель, на запорах
Все двери здесь они найдут.
Следить за дамой – зряшний труд,
Коль не свести ее в тюрьму,
Куда нет входа никому,
Лишь господину или стражу,
Тогда предотвратишь покражу.
Увы! ты скорбен, зол, угрюм,
От ревности в расстройстве ум,
А сердце от любви горит,
Взлохмачен, шелудив, небрит.
Твоей щетине безобразной
Фламенка предпочла бы грязный
Хвост белки или терна ветки.
И сам в бесчестье ты, и предки.
Но будет. Лучше умереть,
Чем за потачку стыд терпеть,
И лучше уж прослыть ревнивым,
Чем рогоносцем терпеливым.
Да, лучше числиться завзятым
Ревнивцем, чем страдать рогатым».
Уже весь край не держит в тайне
Того, что он ревнивец крайний.
И вся Овернь про то поет
Стишки, кансону, эстрибот,
Куплет, сирвенту, ретроенку [78],
Как любит н'Арчимбаут Фламенку.
И вот, чем больше он их слышит,
Тем больше лютой злобой пышет.

Не думайте, что из друзей
Он осуждающих – сильней
Любил; нет, он кричал им гневно:
«Сеньор, речь ваша задушевна.
Пусть я ревнив, но, видит бог,
Уместен ли за то упрек?
Кто не ревнив, тот пожил с наше ль?
Те, чьи смешки звучат и кашель,
Ревнивей были бы меня,
Коль видели б день изо дня
Созданье, сладостное столь.
Ни император, ни король
Женой меня прельстить не может.
Хоть я кляну свою, не множит
Она тех мук, что есть уже.
Но умный – будь настороже,
Беде напасть врасплох не дай.
Что как нагрянет негодяй,
В любовном раже куры строя,
Не зная, что любовь такое,
И дурь ей в голову втемяшит?
Пусть, что неправ я, каждый скажет,
Но все ж опять не промолчу:
Жить ни за что так не хочу!
Да и страшна ль бесчестью речь?
Блажь – ей служить, ее стеречь,
Не стоит моего труда.
Кто хочет пусть идет сюда,

Но моего расположенья
Пускай не ждет, ей разрешенья,
Клянусь, не дам на разговор
Ни с кем, кто б ни был визитер:
Граф ли отец, сестра ли, мать,
Жослин ли брат – им не видать
Ее!» Когда ж он друга бросит,
Ибо укоров не выносит,
То сам себе под нос бубнит:
«Вот, он за то меня бранит,
За что звучать бы похвале;
Не знает толка он в хуле;
Он ищет славы краснобая,
Меня ревнивцем называя.
Но хоть слова его и тонки,
За мудрость этой побасенки
Я глупость не отдам свою.
В Болонье [79], иль в другом краю
Их учат этим экивокам?
Чем нынче лезть ко мне с упреком,
Сказал бы: «Друг, побольше прыти!
За вашей милой последите -
Фламенку я в виду имею, -
Чтоб, честью одолев своею,
Не провела, как хочет, вас».
Слов этих было б в самый раз.
Но говорун – ни ну, ни тпру,
А вкривь и вкось несет муру:

Мол, ты ревнив, прими на веру.
Он что, пронзает взором сферу [80]?
Глуп выдумщик таких речей,
Их слушатель – еще глупей!
Он в этом деле бестолков.

Но, может быть, от дерзких слов,
Что ныл он, в дом забравшись мой,
Я не оправлюсь и зимой!»
Затем он вскакивает в спешке,
Бежит ретиво, при пробежке
Полами меховыми машет,
Как баба, что в галопе пляшет,
Повыше юбки подобрав,
И поднимается стремглав
На башню. И Фламенку там

Находит в окруженье дам,
Ее охране безотлучной.
Он гневается, злополучный:
«Здесь кто-то есть, кто не наказан!»
Тут оступается как раз он
И по ступеням кувырком
Вниз скатывается, при том
Лишь чудом шеи не ломая,
Удел злосчастный, доля злая!
Он темя трет, затылок гладит,

То приподнимется, то сядет,
Сапог упавший надевает,
Застегивает гульф, зевает,

Потягивается устало,
Крестясь: «Ей, господи! начало
Хорошее, счастливый знак!»
Затем идет искать кушак,
Так на жену взглянув украдкой,
Что той становится не сладко.
«Я, – шепчет, – спятил, я в бреду.
Другой такой я не найду!
И что ж не выбрал ты манеры
Вести себя, не принял меры?
Не можешь? – Смог бы. – Как? – Прибей!
Прибить? Но станет ли нежной
Она, прибавится ль добра в ней?
Иль сделается лишь злонравней:
Я до сих пор еще не слышал,
Чтоб толк битьем из дури вышел,
Напротив, злее после кар
Горит в безумном сердце жар:
Оно в плену любви – не страшен
Ему плен крепостей и башен,
И своего оно в свой срок
Добьется, как будь страж ни строг!
Мой замысел таков: на голод,
На солнцепек, по и на холод
Ее в каморку помещу.
Ее любя, я не прощу
Себе, коль ей уйти от стражи
Удастся; сам пойду я в стражи:

Таких, за совесть, не за страх
Мне верных, нет и в небесах.
Лишь это в силах сделать я.
Здесь вдоволь пищи и питья.
Езда претит мне верховая,
Я растолстею, отдыхая:
Что ж, нужен старику покой,
Да без заботы бы такой:
Совсем не отдых, прямо скажем,
Быть старику девчонке стражем.
Где взять я хитростью смогу,
Где силой – но устерегу.
Весь опыт нужен будет мне,
Не влезть на башню по стене,
Пусть посидит там взаперти.
Девицу нужно мне найти,
Иль двух, чтоб находились с нею;
Повесят пусть меня за шею,
Коль без меня она хоть в храм
Пойдет, хоть к мессе, хоть к часам,
Будь то великий праздник даже»,
Срывается он с места в раже,
Бежит на башню прямиком,
Уже и камнетес при нем.
Велит пробить, как для затвора,
Лаз узкий вроде коридора,
Чтоб выход к кухне был в стене.
Забыв об отдыхе и сне,
Он занят только этим лазом.

Уж ревность отняла и разум,
И сердце, одолев беднягу.
Меж тем он в сторону ни шагу,
Но день за днем ее питает,
Растит и с ней в союз вступает.
Отныне он не моет лоб,
Похожа борода на сноп
Овса, который плохо связан,
Ее дерет и рвет не раз он
И волосы пихает в рот.

Когда от ревности трясет
Его, он словно пес шальной.
Ревнивый – то же, что больной.
Писателям из Меца [81] сил
Хватило б вряд ли и чернил,
Чтоб описать тех действий пыл
И все, что н'Арчимбаут творил.
Едва ли Ревность бы сама
Сошла от ревности с ума,
Как он; смолкаю тут, и впредь

Даю ревнивцам преуспеть
В воображенье диких дел
И злобных мин – то их удел.
Меж тем красавица в смятенье:
Угрозы все и нападенья
Ревнивца выносить должна,
Ей меньше смерти жизнь ценна.
Коль плохо днем, то ночью хуже:
Тоска сжимает только туже.
И утешаться нечем ей

В той смерти, в горести своей.
При ней две девы пребывали,
Всегда, подобно ей, в печали.
Живя, как пленницы, в затворе,
Они ей скрашивали горе
Учтивой службой, как могли,
И в благородной к ней любви
Позабывали о тоске
Своей. Зажав ключи в руке,
Ревнивец часто появлялся.

Надолго он не оставался,
Но, не затеяны ли шашни,
Следил, и целы ль стены башни.
Девицы ставили на стол
Что было, так как он завел
Через окошко, не мудря,
Как в трапезной монастыря,
Заране ставить все, откуда
Те брать могли питье и блюда.
После обеда всякий раз

Он выходил, как напоказ,
Гулять; но были все стези
Его протоптаны вблизи,
Ибо на кухню заходил
Он и внимательно следил
За тем, что делает жена,
И часто видел, как она
Изящно режет хлеб, жаркое

И подает своей рукою
Двум девушкам, а заодно
Еще и воду и вино.
И заключен был тайный сговор,
Чтоб не проговорился повар,
Что с них шпион не сводит глаз.
Но не хватило как-то раз
Вина девицам за обедом,
И был им тот секрет неведом,
Когда из-за стола одна
Пошла к окошку взять вина.
И н'арчимбаутова засада
Открылась ей: таясь от взгляда
Ее, он вышел, но уже
О том сказала госпоже
Алис, девица, коей равных
Нет и средь самых благонравных.
Была другая, Маргарита,
Благоусердьем знаменита.
Старались оказать почет
Они Фламенке и уход
Создать. Ей выпало без счета
Невзгод, преследует зевота
Ее, и вздохи, и тоска,
И все по воле муженька.
Слез выпила она немало.
Но бог – за то ль, что так страдала, -
Ей милости явил свои,

Не дав ребенка и любви,
Ибо, любя, но не питая
Ничем любви, она до края
Дошла бы в горести своей.
Вовек не полюбить бы ей,
Когда б Любовь – чтоб не уныла
Была – ее не обучила
Тайком себе, но до поры
Ей не открыв своей игры.
Ей смерть мила. Из башни тесной
Открыта дверь лишь в день воскресный
Иль в праздник. Даже малословных
Бесед никто с ней, из духовных
Или из рыцарей будь он,
Не вел, ведь в церкви отведен
Темнейший угол был Фламенке:
С двух от нее сторон по стенке,
Пред ней же сбитый из досок
Заборчик частый столь высок,
Что доходил до подбородка,
И там она сидела кротко.
Могли с ней вместе две подружки
И сам ревнивец быть в клетушке,
Но он любил вовне сидеть,
Как леопард или медведь,
Всех озирая с подозреньем.
Ее, лишь в ясный день, за чтеньем
Евангелия, стоя рядом,

Вы б различили острым взглядом.
Ей подношенье отнести
Нельзя, к священнику ж пути
Не дать – все ж мудрено супругу,
Однако целовала руку
Лишь сквозь какой-нибудь покров.

Податчиком ее даров
Был н'Арчимбаут, ее защита.
Священник, так как было скрыто
Лицо, рука же под перчаткой,
Ее не видел и украдкой
Ни в Пасху, ни пред Вознесеньем.
К ней служка шел с благословеньем [82],
И он-то бы увидеть мог
Ее, коль было бы вдомек.
Эн Арчимбаут, лишь *missa est* [83]

Звучало, поднимал их с мест:
Полуденной молитвы [84] глас
Глушил он, и девятый час,
Когда кричал: «Вперед! вперед!
Меня обед давно уж ждет.
Довольно мешкать, поспешим», -
Не дав молитв окончить им.
Так шли дела два с лишним года.
Встречала новая невзгода
Их что ни день, росла печаль.

Меж тем, под вечер ли, с утра ль,
Не останавливаясь, кроет

Себя эн Арчимбаут и ноет.
Был славен ваннами Бурбон;
Вход для купанья разрешен
И местным был, и чужестранным
Гостям; прибиты плитки к ваннам
С пометой, прок в какой каков.
Здесь делался совсем здоров
Хромой иль вообще недужный,
Курс этих ванн принявши нужный.
А чтобы в час любой для всех
Купанье было без помех,
Хозяин хлопотал о том,
За плату ванну сдав внаем.
Тек в каждую воды поток,
Горячий, словно кипяток;
Холодной же воды подачей
Вы охлаждали жар горячей.
Там ванны были против хвори
Любой; на крепком дверь запоре,
Как в доме – стены, нет прочней.
При каждой комната, чтоб в ней
Для освеженья или сна
Прилечь – кому на что нужна.
С владельцем ванны, всем известной
Своим богатством, в дружбе тесной
Был н'Арчимбаут, и так как ванна
Была близ дома, постоянно
В ней с давних пор купался он.

Всегда следил Пейре Гион,
Той ванны и других хозяин,
За чистотой; пол был надраен,
Блестело все; особам знатным
Сдавал он их: вход был бесплатным
Для н'Арчимбаута и свободным.
Он иногда считал угодным
Жене доставить развлеченье
Иль выказать расположенье
И брал с собой; но было кратко
Оно, так вел себя он гадко:
Она должна была в одежде
Стоять подолгу в ванной, прежде
Чем он везде не сунет нос;
Затем он прочь трусил, как пес,
Что выставлен, визжа, за дверь
И кость начнет стеречь теперь.
Он ванну запирал ключом,
Который был всегда при нем,
И в комнате сидел наружной.
Когда же выйти было нужно
Фламенке, девушки звенели
Бубенчиком, для этой цели
Подвешиваемым внутри.
Эн Арчимбаут спешил к двери
И выпускал их, но тотчас
Набрасывался всякий раз
На госпожу, как озверелый:
«Вы год не выходили целый!
Мне Пейре Ги прислал вино,

По вкусу было б вам оно,
Но гнев вы распалили мой,
Я отношу вино домой.
Вы видите, который час!
Обедать уж пора, а вас
Все нет. Даю вам обещанье:
Я на год вас лишу купанья,
Коль это повторится снова».
Тут тычется он бестолково
В дверь ванной – нет ли там кого,
Ибо от зренья своего
Подвоха ждет: бедняге мнится,
Что кто-то там в углу таится.
Но объясняет Маргарита:
«Сеньор, уж госпожа помыта
Была и вышла бы, но сами
Мы, услужая нашей даме,
Купаться стали вслед за ней,
Зато и вышло все длинней.
Вина и грех лежат на нас».
– «Мне что, – он говорит, – я пас, -
Кусая пальцы. – Даже гусь
Не плещется, как вы. Но злюсь
Я вовсе не на ваш заплыв».
Алис, на госпожу скосив
Глаза, в ответ: «Сеньор, как странно,
Вы чаще принимали ванны
И мылись дольше госпожи», -
И собственной смеется лжи,

Ибо о том не шел с тех пор,
Как он женился, разговор.
Ногтей и косм уже не стриг,
Он жил одним: как он в тайник
Отправится и пошпионит.
Ничей упрек теперь не тронет
Его: не сбреет он вовек
Усов – как славянин или грек.
Так думает нагнать он страх:
«Жена, такого, при усах
И бороде, меня боясь,
В любовную не вступит связь».
В те дни, когда, свиреп и шал,
Эн Арчимбаут так ревновал,
В Бургундии был рыцарь, в коем
Природа самым лучшим кроем
Свой разверстала матерьял,
Чтоб он со временем крепчал.
Не пожалев трудов и знаний,
Прекраснейшее из созданий
Она явила – мир воочью
Узрел достоинств средоточье:
Красив, умен и храбр был он.
Авессалом и Соломон [85],
Стань существом они одним,
Сравниться не могли бы с ним.
Парис и Гектор и Улисс [86],
Когда б втроем в одно слились,

Не стали б вровень все ж ему
По доблести, красе, уму.
Чтоб описать столь превосходных
Людей, и слов-то нет пригодных.
Но хоть частично, как умею,
Исполню эту я затею.
Златые локоны волнисты,
Чело высоко, бело, чисто;
Густы, изогнуты, черны
С разлетом брови и длинны;
Глаза смеющиеся серы;
Изящно вырезанный, в меру
Длинен и тонок нос прямой
И с арбалетной схож лукой;
Лицо округло, краски живы.
Средь майских роз, как ни красивы,
Таких и самых свежих нет,
Чтоб этот повторили цвет,
Где белое смешалось с алым
В подборе, прежде небывалом.
А уши розовые, лепки
Искусной, и крупны, и крепки;
Прекрасен также рот точеный,
Во все, что произнес, влюбленный;
Во рту белеют зубы ровно,
Все из слоновой кости словно;
Чуть-чуть раздвоен подбородок,
Став лишь милей, – но контур четок;

Прямая шея – сгусток силы,
Не выперты в ней кость иль жилы;
В плечах широких мощь – они
На вид атласовым [87] сродни,
Предплечий мышцы не малы

Отнюдь, но плотны и круглы;
Ладони тверды, и суставы
У длинных пальцев не костлявы;
Грудь широка и узок стан;
В ногах не сыщется изъян:
Хоть бедра мощны, но не тяжки,
И стройны выпуклые ляжки;
Коленки плоски; все в порядке
И с икрами: продолги, гладки;
Ступня крута, подъем высок -

Его догнать никто не мог!
Тот, кто теперь знаком вам ближе
Со слов моих, учась в Париже,
Все семь искусств [88] там превзошел,
И сам сколько угодно школ
Открыть бы мог по всей стране.
Читать и петь он наравне
Мог в церкви с братьей клерикальной.
Домерг, учитель фехтовальный,
Так научил его колоть,

Что видел он, где шпаге плоть
Открыта, за любой защитой.
Красивый столь и родовитый,

Прямой и умный человек
Никем не видан был вовек.
Семь футов рост, плюс до руки
Два фута, встань он на носки,
Чтобы на стенах место для
Свечи найти иль фитиля.
В семнадцать лет и день всего
Он – рыцарь. Посвятив его,
В дар герцог, дядя, от щедрот
Дал ливров тысячу семьсот;
Король дал столько ж; такова
И доля графа де Блуа [89];
Тысячу триста – брат; в подарок
Дал император тыщу марок;
Кузен, король английский, дал
Тысячу фунтов. Капитал
Без опасений был положен
На ренту, где доход надежен.
Неверскому Раулю [90] братом
Он приходился и был взят им
В круг, где ему был каждый рад.
Каких ни делает он трат:
На посещение дворов ли,
Иль на служенье – в том торговли
В помине нет. Коль дар обещан
И не дан – тягостная вещь он.
Кто дар задерживать горазд,
Ни даст, как должно, ни продаст.

Дар в срок же славен и ценой,
И благодарностью двойной.
Так – дар, что был одним сперва,
Теперь идет один за два,
И сводит радость от даренья
На нет всю тягостность прошенья.
Зато и дар, что даст Гильем,
Всем столь приятен, ибо тем,
Что прежде просьбы дан, хорош он,
В предвиденье ее предложен.
К себе располагал он всех,
Все верили в его успех:
Маркизы, графы, короли.
Того несчастным бы сочли,
Кто не пленен им – пусть его
Не знал бы, в дар бы ничего
Не получил, но слышал верный
О нем рассказ. Нет соразмерной
Хвалы тому, как он ведет
Себя. Не описать за год
Всех за день им свершенных дел.
Сколь благ и сладостен удел
Дам, что беседу с вам вели
И восхищаться им могли.
Рожденный под звездой счастливой,
В компании славолюбивой
Турнирный захватив трофей -
Пленив бойцов, забрав коней, -
Все раздает он или тратит.

Любой, кого копьем он хватит,
Оказывался на земле.
Противника, держась в седле,
Он поднимал одной рукою
И, коль хотел, возил с собою.
При нем ни жезлов, ни булав,
Но падал, слова не сказав.
Без чувства тот, кому тяжелый
Удар нанес рукой он голой.

Любил он блеск турнирных дней,
Дам, игры, птиц, собак, коней,
Друзей и всякую забаву,
Что людям доблестным по нраву.
Стать лучше, если взял он всем,
Ему нельзя. Итак, Гильем
Неверский [91] прозывался он.
Что до дескортов, лэ, кансон,
Сирвент и прочих песен, фору
Он мог любому дать жонглеру.
Сам Даниэль [92], при всем уменье

Своем, с ним не идет в сравненье.
Как постоялец – нарасхват
Он шел, давая сверх доплат
К счетам раздутым при отъезде.
Был о его прибытье вести
Хозяин рад, придать спеша
Блеск дому: ждал он барыша.
Безвестный ли, иль знаменитый
Жонглер, быв под его защитой,
Не голодал, не холодал.

У многих он любовь снискал,
Даря им лошадей иль платье.
Сродни подобные занятья
Сеньору д'Альга [93], чьи старанья
Найти б должны были признанье,
Будь справедливость здесь в ходу:
По доброй воле людям мзду
Дает он часто и с лихвой:
Известно мне, что годовой
Доход он за день раздает,

И дней таких по сотне в год.
Начав хвалить его за это -
Хотя любить эн Бернадета
Ему побольше не мешало б,
Притом, что от того нет жалоб, -
Для остального б рисковал
Я нужных не найти похвал.
Но о Гильеме речь: он бога
И слуг его любил премного,
Мирян и клир. Все шли гурьбой

К нему в гостиницу: любой
Не как в приюте получал
Лишь хлеб и воду – он встречал,
Одежды пышные даруя
И лошадей в роскошной сбруе;
Давал им средства на дары
Другим и для любой игры,
Три месяца мог длиться отдых,

Молчал хозяин о расходах,
Уверенный, что все затраты

Дождутся нескупой оплаты,
Когда на родину вернут
Турнирный зов иль бранный труд
Гильема, верх куртуазии,
В ком свойства так сошлись благие,
Что их на тысячу дели,
Всех безупречными б сочли.
Он ум имел столь благородный
И для ученья столь пригодный,
Что как наука ни трудна

Была, ему легка она.
В любовь еще не вовлечен,
О ней не знал всей правды он.
Верней, он знал о ней по слухам.
И вот, прочтя единым духом
Писателей, осведомленных
О поведении влюбленных,
Он понял с самого начала,
Что если юности пристала
Любовь, то, значит, и ему.

Он хочет сердце потому
Отдать любви, что вступит с ним
В союз, не дав прослыть дурным.
Покоя это не дает
Ему. Тут слышит он, как тот,
Кто для себя решил сберечь

Фламенку, стал ее стеречь.
О том, что лучше и прекрасней
Она, а также куртуазней
Всех в мире, – верит он рассказу,

Считая, что влюбился б сразу,
Как с ней вступил бы в разговор.
Пока он грезил так, Амор [94],
К нему приблизившись вплотную,
Стал убеждать напропалую
В манере нежной и игривой,
Что даст он шанс ему счастливый
На стоящее приключенье.
И проповедь, и поученье
Лишь то внушить ему хотели,

Что всех он ловче и умелей:
«Тебе и рока смысл, и знака
Открыт; смысл радости, однако,
Мной в башне, что ее таит
К твоей же выгоде, сокрыт.
Ревнивец держит ту в секрете,
Которой лучше нет на свете
Средь предназначенных любви,
Но ты, ты плен ее прерви:
И рыцарь ты, и клирик вместе,

Так что ищи ее в том месте
……………………………… [95]
От той, где спал он ночь, усадьбы
Лье за пятнадцать был Бурбон.

Амор, разя со всех сторон,
Дать отдыха ему не хочет:
Он бдит, он спит – Амор хлопочет.
С разгар ли бденья, или сна
Над ухом речь его слышна,
Приказывающая грозно
Вставать немедля – слишком поздно.

Взять легче верх в такой войне,
Застав бойца наедине,
Под грузом лат, в турнирной брани,
Врагом таранимый, тараня
Врага, клянусь, он все б свои
Забыл заботы о любви.
Есть, мне известно, взгляд, и верный:
Довольство и досуг чрезмерный
Любви на пользу, как ничто.
Коль кто-нибудь не верит в то,

Пример Эгиста [96] пусть возьмет,
Он правду знал на этот счет:
Гони любовь, покой гоня [97].
И тот безумец для меня,
Кто хочет, пребывая праздным,
Утехам предаваясь разным,
Добиться у любви отставки.
По кто о смерти иль удавке
Мечтает для нее, иль плене
Хотя б – тот откажись от лени.

Есть поговорка: где досуг

Полней, там злей любви недуг.
Любовь, чтоб мучился Гильем,
Влечет его к себе ничем:
Мол, пусть не видя насладиться.
Хотел бы он найти провидца,
Чтоб предсказал, что ждет его.
Но и не хочет он того,
Желая приключенья прежде,
Ибо в уверенной надежде
Не та же сладость, что в мечтах,
В свершенье коих вмешан страх.
Едва заря сменила тьму,
Гильем, когда еще к нему
Придти с побудкой не успели,
Встал, чтобы дня не ждать в постели.
Все вкруг коней, меж тем, хлопочут,
Седлают и вьюки торочат,
Уж можно трогаться в дорогу,
Но в церковь помолиться богу
Идет Гильем и молит так:
«Мне уделите ваших благ,
Господь, от злых избавьте ков
И на ночь приготовьте кров».
Вернувшись, видит он, что свита
Жарким позавтракать досыта
Решила, хлебом и вином.
Хозяин принимает в нем
Участье: пусть без проволочек
Возьмет чего-нибудь кусочек.

Гильем в ответ: «За завтрак сесть
Нет времени, не стану есть.
Они же молоды, еда
Необходима им – стыда
Тут, кстати, нет – в начале дня».
И первым, вспрыгнув на коня,
Он отправляется в дорогу.
Оруженосцам на подмогу
Спешит хозяин: в седла он
Подсаживает их; вдогон
Они за господином мчатся.
Никто так рано повстречаться
Им у заставы городской
Не мог, кто знал бы, на какой
Проселок иль большак свернуть,
Но, впрочем, им известен путь,
Поскольку прежде проезжали.
Гильем в мечтах, но не в печали -
Ведь от бесед избавлен он.
К полудню прибыли в Бурбон,
Он ищет лучшую средь местных
Гостиницу и самых честных
Хозяев: что честнее нет,
Чем Пейре Ги, – любой сосед
Ему внушает; все хвалили
И нрав жены его, Бельпили.
Ему показывают дом,
Тот, не найти изъяна в ком,
Их, на крыльце у двери сидя,
Встречает, но встает при виде

Гильема с вежливым приветом.
«Сеньор, – тот молвит, – в доме этом
Я б разместился, если можно:
Средь граждан нет – коль мне неложно
Сказали – равных ни слуги,
Ни рыцаря сеньору Ги».
– «Сеньор, болтают что невесть,
Но, уверяю, надоесть
Не может вам, здесь захоти
В теченье лет хоть десяти

Вы жить; у вас в распоряженье
Отныне эти помещенья,
Гостиницы, конюшни – тут
Найдет сто рыцарей приют».
Спасибо; въедет он чуть позже.
Все на Рамбергу [98] непохоже
В хозяйке: тонкость, нежный лик,
Радушье; легок ей язык
Фламандский, также как бургундский,
Бретонский, также как французский.

Она, увидев, сколь достоин
Гильем, пригож, изящен, строен,
Спросила, кто сей господин,
Как звать его. Тогда один
Из свиты ей ответил прямо:
«Гильемом благородным, дама».
– «Добро пожаловать, сеньор,
Возросший быстро! До сих пор

Никто не видел в мире целом,
Чтоб юный был столь крепок телом.

Блаженна мать, которой он
Рожден и вскормлен и взращен!
Поесть успели вы едва ли,
Все, между тем, готово в зале.
Хозяин обещал вот-вот
Придти, обед давно уж ждет.
И вы, и мы – все будем сыты,
Будь с вами даже больше свиты.
Мы ставим для любой особы,
Прибывшей к нам, условье, чтобы

Не связывать: пускай пробудет
Здесь день, а дальше – как рассудит».
– «Обычай здешний, – молвит он, -
Я чту; исполню, как закон,
Любое ваше изволенье».
– «Спасибо. Ждет вас омовенье».
Вот свита лошадей ввела
В конюшни, сбрую заперла,
Ключи с собою унеся.
Удобно разместилась вся

Компания; их кормят, поят,
Хозяин их доверья стоит.
Теперь – любовь! Ведь заперта
С Гильемом рядом в башне та,
Что в сердце заперта его,
Хоть долго ей не знать того,

Плененной, но и взявшей в плен
Его, кто с радостью взамен
Возможность созерцать нашел
С той самой точки, где за стол

Он был посажен, – башню с ней.
Он ест, но алчет лишь сильней
За сердцем вслед туда попасть.
Что ненасытна эта страсть,
Ненаполнима сердца бездна,
Тем, кто желанья полн, известно,
Особо ж, коль достичь отрады
Любовной не дают преграды.
После обеда руки моет
Гильем и ждет, когда устроит

Ему тех самых ванн показ
Хозяин. «Эта вам как раз
И та, – тот начал, – все равно».
Интересует лишь одно
Гильема: положенье окон -
Чтоб ясно башню видеть мог он
Из них, фламенкину тюрьму.
Одна из комнат – по нему:
«Вот эта – лучшая бесспорно.
Здесь и уютно, и просторно».

Хозяин молвит: «В добрый час!
Никто не потревожит вас
В приюте этом, здесь вольготно.
Снимал и граф Рауль [99] охотно

Его, как приезжал в Бурбон,
Но здесь давно уж не был он -
Сеньор мой, прежде славный, круто
Вдруг изменился: с той минуты
Ни разу он, как стал женат,
Ни шлема не носил, ни лат,
Ему и слава надоела,
И жизнь; вы, верно, в курсе дела».
– «Да-да, я слышал от кого-то,
Но это не моя забота.
Болезнь меня, к несчастью, гложет,
И коль никто мне не поможет,
Как поступить, не знаю сам».
– «Сеньор, здесь будет все по вам. -
Сказал хозяин. – Бог любовью
Вас не оставит и здоровье
Вернет. Не спорьте вы со мной.
Здесь не бывало, чтоб больной
Хворь после ванн не превозмог.
Коль он тут пробыл должный срок».
В жилище чисто, снабжено
Необходимым всем оно:
Помимо печки и постели
Предметы есть для всякой цели.
Гильем велит перетаскать
Сюда и запереть всю кладь;
Хозяин скромен и воспитан
И потому уйти спешит он.

Тут, вызвав свиту, повелел
Остерегаться низких дел
Гильем и строго наказал им
Не выдавать намеком малым,
Кто он, – придумав немудрено
Сказать, что он из Безансона [100].
Не из-под палки по приказу
Справляли службу чтоб, но сразу;
Чтоб провиант был обеспечен;
Чтоб каждый был другим привечен;
И все, кто господа, кто слуги,
Забыли в мыслях друг о друге,
Ибо с хозяином сидят
Теперь; чтоб не стеснялись трат
На рацион разнообразный;
Чтоб соблюдали куртуазный
Манер в служении примерном
И обрели служеньем верным
Друзей и мзду, и всем видна
Тем самым стала их цена:
«Служа себе, служите мне».

– «Сеньор, мы вам верны вполне».
В послепасхальную субботу
Всех, кто любовную заботу
Забыл, в бездушье соловей
Винит. Запела средь ветвей
Вдруг иволга в рассветный час:
Не удалось Гильему глаз

Сомкнуть всю ночь, не мог он спать,
Как ни мягка была кровать,
Как ни свежа, бела, просторна.
Свободный только что, покорно
Он принял плен, он крепостной.
«Амор, – он молит, – что со мной
Вы сделали? Где рыцарь славный?
Ко мне в советчики недавно
Пойти вы предложили сами.
Что ж ожиданье длить? Ведь с вами

Завету верность я храню:
Оставив всю свою родню,
Бреду безвестен, нелюбим,
Как чужестранный пилигрим,
По незнакомому мне краю.
Дни напролет в тоске вздыхаю,
Желаньем сжат и обездолен.
Я притворяюсь будто болен,
Но перестану быть притворой,
Коль не пройдет недуг, который

Во мне: и не недуг он, столь
Сладка мне эта злая боль.
Я зла лишусь, коль обуян
Не буду злом. Есть у мирян
Пословица, она мудра:
Добра и только – суть добра,
Но сущность зла – не только зла.
Ваш слух закрыт: не проняла
Вас ни одна еще из пеней
Моих. Вовеки утешений

Слова с губ ваших не слетят.
Но правы вы, я виноват,
Что, быв легко сражен напастью,
Поверил своему несчастью,
[…] [101] в труде ища безмездном.
Что должен с сердцем быть железным
Влюбленный, докажу сначала.
Кого любовь манит, пристало
Тому быть тверже, чем магнит:
«Магнит» сложнее, чем «манит»

Составлен, а чем проще штука,
Тем и прочней, гласит наука [102].
Все элементы долговечны,
А вещи сложные увечны,
Их элементы ненадежны,
Поскольку противоположны.
Любовь же элемент есть чистый,
Простой и ясный и лучистый,
Два сердца вдруг она в одно
Сливает, в них входя равно:

Внутри одна, но две снаружи,
Связь двух сердец, меж тем, все туже.
Но, будучи поделена
Неравно, не жилец она:
То сердце, где ее нехватка,
На вещи, что претят ей, падко,
Ведь наполненье – цель сердец;
И настает любви конец,
Поскольку силы на исходе;
Делиться не в ее природе:

Коль кто-то заявил права
На сердце – в нем любовь мертва.
Ей нужно сердце целиком,
Лишь при условии таком
Она в нем длится. Не приправа
Любовь, коль только не лукава.
Итак, она проста, чиста,
Беспримесность – ее черта.
Магнит же тверд, но простотой
И чистотой не славен той.

Лишите «г» *магнит*, отныне
Уж он *манит*; и по-латыни
Взять первый случай – *adamas*:
Из *ad* составлен и *amas*.
Прижившись в языке вульгарном,
«И» стало вместо «а» ударным.
Но сколь ценнее «а», чем «и»,
Ценнее столь особы, чьи
Дела любви угодны, тех,

Кто рад поднять любовь на смех,
Не понимая в ней ни звука;
Чужды им знанья и наука.
Тут тратить без толку слова:
Как перед лебедем сова
Иль сыч – пред теми эти души.
Да слышит, кто имеет уши!
Меж тем, пора вставать, рассвет,
В постели мне покоя нет».
Крестясь, встает и молит чинно
Святых Генезия, Мартина,
Георга, Власия [103] и пять
Иль шесть еще, кого признать
Должны мы рыцарями тоже,
Призвать все милосердье божье
К нему. Еще раздетый, в створ
Окна распахнутого взор
Бросает он на башню с той,
Кто бед и слез его виной,
И, поклонившись, говорит:
«На [104] Башня, ваш прекрасен вид;
Попасть бы внутрь, где, знать, светло
И чисто, но чтоб не могло
Случиться н'Арчимбаута близ,
Ни Маргариты, ни Алис!»
И наполняют эти пени
Бессильем руки и колени;
На сердце хлад, бледны ланиты.

К нему спешит один из свиты,
Боясь, что упадет хозяин
Без чувств, – и мог бы, опоздай он.
Гильема, сколько было сил,
За голову он обхватил
И на постель кладет опять.
Вот может быстро как зажать
Любовь людей в своих тисках.
Слуга испытывает страх,
Ни пульса не найдя, ни вены,
Ведь унесла любовь за стены
Той башни чувства все его.
Фламенке ж не узнать того,
Что некто здесь в нее влюблен.
Ее в объятьях держит он,
Столь ей учтиво потакая
Во всем и нежно так лаская,
Что это незаметно ей.
Когда б она узнала, чей
Бесплотный тот порыв столь сладок,
А на ревнивца бы припадок
Напал, не проходящий в срок,
Тогда б никто в словах не мог
Достойно передать усладу,
За упование в награду
Ей данную. Коль общей стать
Могла б той грезы благодать,
Она была б на то согласна,

Ибо в обманности соблазна,
В мечте о том, чему, как прежде,
Не быть и впредь, в пустой надежде
Тень удовольствия сквозит.
Любовь, свой нанеся визит
Гильему, возвращает телу
Рассудок; предается делу
Дневному вновь оно; светло,
Хоть веки смежены, чело
И все лицо, столь ярок пыл
Зари; когда же он открыл
Глаза, сияя, солнце встало.
Гильем прекрасен, щеки алы.
Из мест, где был, выходит он,
Как будто удовлетворен,
Что отдохнул, трудом тяжелым
Измучившись, и встал веселым.
Слуга так плакал, что потоки
Слез замочили лоб и щеки
Гильемовы. «Сеньор, вы спали
Так долго, что в большой печали
Я был», – он молвил и утер
Глаза салфеткою. Сеньор
Ему в ответ: «Твоих скорбей
Источник – в радости моей».
Впрямь, то, что в горе ты великом,
Напрасно выражать лишь криком.
Рубаху и штаны Гильем

Надел; на беличью затем
Накидку сел он у окна.
По руку правую стена
Той башни. Смотрит, обуваясь,
Он на нее не отрываясь.
Одет изящно: на ногах
Не башмаки, но в сапогах

Любил ходить он остроносых,
Должно быть, из Дуэ привез их.
Не станет шерстяных чулок
Носить, коль не обтянут ног.
Он ахи испускал и охи
И прибавлял при каждом вздохе:
«Держать ее в плену – злой грех.
О, существо прекрасней всех,
Достоинств редких средоточье.
Не дайте умереть, воочью

Узреть вас перед тем не дав!»
Велит нести кафтан. Стремглав
Бежит за ним слуга, в ком толку
Не на одну б хватило пчелку,
Кто деятельней и живей,
Чем ласочка иль муравей.
Принесен таз с водой. Сперва
Гильем умылся; рукава
Затем пришил [105] изящным швом
Иглой серебряной; потом

Накинул плащ из шерсти черной

И оглядел себя – зазорный
Не мог замечен быть изъян
В наряде тех, кто шел из ванн.
Тут входит Пейре Ги как раз:
«Сеньор, дай бог, чтоб всякий час
Дня, доброго уже в начале,
Был добр для вас. Вы рано встали!
А мессу, между тем, поздней
Начнут: быть пожелав на ней,
Опаздывает госпожа».
Гильем ответствует, дрожа:
«Пойдемте лучше прямо в храм
И совершим молитву там,
А после воздухом подышим,
Покуда звона не услышим».
– «Не откажу, – тот молвит, – славный
Сеньор, вам в этом; в мере равной
Во всем, что вам придет на ум».
Гильем хранил в одной из сум
Дорожных новый пояс: в пряжке,
Французской ковки, без натяжки
На марку серебра почти,
Коль на весы ее снести.
На славу пояс был сработан,
Хозяину его дает он.
Тот кланяется куртуазно:
«Сеньор, столь дар несообразно
Богат ваш, помоги мне бог,
Что буду думать, чем бы мог

Вас отблагодарить: роскошен
Подарок, я им огорошен.
Словно гостинец новогодний,
Он всех полней и превосходней:
С массивной пряжкой вещь из кожи
Ирландской стоит здесь дороже
Любых сокровищ; больше им
Доволен я, чем золотым».
Хозяин был отменных правил,
Женитьбой же себя избавил
Удачно он от всех хлопот
О тех, кто у него живет.
Хоть в монастырь они вдвоем
Идут, но каждый о своем
Задумался: ведь у Гильема
Любовь – единственная тема,
А у другого постоянны
Две темы – прибыли и ванны,
И мысль, что гость принять захочет
Хоть завтра их, его уж точит.
Встал на колени, как вошел
Во храм, Гильем и на престол
Апостола Климента [106] строго
И пылко стал молиться богу;
Марию-Деву помогать,
Святого Михаила рать
И всех святых усердно молит,
Три раза *Отче наш* глаголет,
Затем молитовку – творенье
Отшельника – перечисленье

Семидесяти двух имен
Творца, в каких открылся он
Евреям, римлянам и грекам.
Молитва эта человеком
Руководит, любить творца
Настраивая и сердца
Уча добру. Кто с нею дружит,
От бога милости заслужит;
Для тех немыслим злой конец,
Кто отдает ей пыл сердец,

Иль, записав, у сердца носит.
Гильем молитву произносит
И открывает наугад
Псалтырь, и попадает взгляд
На стих знакомый: *Возлюбих*: [107]
«Бог знает нужды чад своих», -
Шепнув, отводит от страниц
Глаза и опускает ниц.
Затем осматривает храм;
Но он, гадая, где бы там

Сидеть удобно было даме,
Не знал, что помещали в храме
Ее в курятне на запор.
Хозяин молвит: «Эй, сеньор,
Да вы молитв знаток дотошный!
А здесь у нас алтарь роскошный
И редких множество мощей,
Вы, просвещенный книгочей,

Об этом знать должны тем паче».
– «Да, это так, мой друг, иначе,
Меня отрадой не даря,
Пройдет и чтенье псалтыря,
И пенье по молитвослову,
И поучительное слово».
– «О сударь, нет цены вам, право.
Будь мой сеньор такого ж нрава,
Достойный был бы вам уход
Оказан тотчас и почет;
Но ревностью он взят от нас.
Что он ревнив, видать на глаз,
И неизвестно почему,
Ведь в жены существо ему
Досталось всех нежней, прелестней,
Никто не может наравне с ней
Стать ни в поступках, ни в словах.
А он от ревности исчах,
И даже здесь свою красотку
Он гонит за перегородку».
– «Не знает, что творит; едва ль
Чего добьется, но не жаль
Его, пусть так», – сказал Гильем.
И через площадь вслед за тем
Они идут, за город, в сад,
Где, нежным дням и листьям рад,
Выводит соловей рулады.
Гильем прилег, ища прохлады,

Под пышной яблоней в цвету.
Хозяин, видя бледноту
Его, решает, что недуг,
Шла речь о коем, красок вдруг
Его лишил, и бога молит:
Пусть выздроветь ему позволит
И цель осуществить свою.
Гильем внимает соловью,
Молитв хозяина же ухо
Не слышит. Впрямь, лишает слуха
Любовь и делает слепцом
Или немым или глупцом
Того, кто мнит, что в деле смыслит!
Не зрит, не слышит и не мыслит
Гильем; губ не сомкнет, не смежит
Век, рук не вскинет; душу нежит
Свист соловья, пленивший слух,
И вот он слеп, и нем, и глух,
Поскольку то, что нежит души,
Так прочно запирает уши,
Что не возьмет ничто преграду.
Должны, чтоб разделить отраду,
Вернуться чувства вглубь сердец.
Сеньор наш сердце, и отец:
Плени его добро иль зло,
Все чувства, что произошло,
Спешат узнать; чем сплав их туже
Внутри, тем человек снаружи

Беспомощней, как будто разом
Погасли чувства в нем и разум.
А коль добро и зло извне
Их тянут внутрь, не странно мне,
Что если сердце заняла
Любовь – состав добра и зла, -
То к господину вскачь они
Примчатся, только помани.
И так у чувств заведено,
Что если призвано одно,
У остальных лишь та забота,
Чтоб сделать для него хоть что-то,
Что облегчит несенье службы.
Заботы же свои им чужды.
Коль эту мысль принять, то выйдет,
Что кто захвачен чем-то – видит
И постигает меньше тот;
Пусть даже кто его толкнет,
Не ощутит он – за собой
Такое замечал любой.
Меж тем, пел соловей все тише
И пенье оборвал, заслыша,
Что стали бить колокола.
Хозяин молвит: «Подошла
Пора идти на мессу нам».
От дум освободясь, и сам
Гильем их слышит: «Что ж, я с вами,
Стать до начала мессы в храме

Хотелось бы, пока народ
Еще не весь туда войдет».
– «Сеньор, мы доберемся скоро
Туда и станем среди хора,
С запинкой я могу чуть-чуть
Прочесть и певчим подтянуть».
– «Благословение на вас!
Но что ж открылись лишь сейчас

Вы мне? Тем докажу свою
Любовь, что я вам подпою».
Доходят вместе без помех
До церкви, слыша ото всех:
«Спаси господь!» – кого ни встретят;
Так в дни пасхальные приветят
Друг друга люди сердцем чистым.
Заходят в храм, идут к хористам,
Откуда видеть мог Гильем
Всех через узкий ход, никем

Не видимый извне; он ждет,
Напрягши взор, когда войдет
Фламенка, думая, что сразу
Сумеет, доверяясь глазу,
Узнать, она ли, не она ль.
И было б так, когда б вуаль [108]
Ее лица не прикрывала.
Теперь он только в покрывало,
Как ни ловчи, упрется взглядом.
А ведь узнай она, что рядом

С ней в церкви друг таится лучший,
И при враге нашла бы случай
Ему из-за перегородок
Дать вдруг увидеть подбородок,
Или хотя бы отклонить
Вуаль, будто от носа нить
Или от глаза отводя;
Не побоялась бы, входя
Во храм, рукой перекреститься
Открытой, взор вперяя в лица,

Пока б он на того не лег,
Кто от любви к ней изнемог.
Гильема сердце сильно бьется,
Никак он дамы не дождется.
Он видит в каждой новой тени,
Пересекающей ступени,
Эн Арчимбаута. Люди в храме
Выстраиваются рядами.
Но вот вся паства подошла
И третьи бьют колокола,

И тут-то после всех возник
В дверях безумец, видом дик,
В щетине, ряжен как попало,
Рогатины недоставало,
Чтоб стал он чучелом вполне,
Какое ставят на холме
Крестьяне против кабанов.
И рядом с тем, чей вид таков,
Красавица Фламенка шла,
Хоть сторонилась, как могла,

Настолько был ей гадок он.
Вот стала на порог – поклон
Отдать смиренный. В этот миг
Гильем Неверский к ней приник
Впервые взором – хоть плохая
Была возможность; не мигая,
В томленье, на судьбу в обиде,
Вздыхал он, черт ее не видя.
Но тут Амор шепнул: «Ее
Спасти – намеренье мое.

Но покажи и ты свой норов,
Однако не бросая взоров,
Чтоб не заметил кто-нибудь.
Я научу, как обмануть
Ревнивца так, чтоб проклял он
Тот день, когда на свет рожден.
И за вуаль, и за тебя
Я отомщу». Гильем, скорбя,
Поскольку дама в то мгновенье
Зашла в закут, стал на колени.

Священник начал *Окропи мя* [109],
Гильем, призвав господне имя [110],
Прочел весь стих; клянусь, доселе
Здесь ни читали так, ни пели.
Священник с клироса к народу
Сошел, ему крестьянин воду
Священую [111] принес, и он
Направо двинулся, в загон
Эн Арчимбаута. Пеньем всем

Вдвоем с хозяином Гильем
Руководил; но были зорки
Его глаза, и вид каморки
Сквозь узкий ход ему открыт.
Иссопом капеллан [112] кропит,
Лия подсоленную влагу
Фламенке на голову, благо
Открыла волосы сеньора,
Чтоб омочить их, до пробора;
И кожа у нее была
Нежна, ухожена, бела.
Горели волосы светло,
Поскольку в этот миг взошло
Любезно солнце и по даме
Скользнуло беглыми лучами.
Гильем, хотя узрел лишь малость
Сокровища – Амора шалость -
Возликовал в душе, столь славен
Был *signum salutis* [113] и явен.
Всем новый нравился хорист:
Охотно пел и точно, чист
Был голос и звучал чудесно.
А стань, что рыцарь он, известно,
Нашли б, что пение под стать
Ему. Священник стал читать
Confiteor[114], в алтарь вошед,
С ним Никола-причетник: лет
Четырнадцати быть он мог.

Из хора знали назубок
Гильем с хозяином да двое
Детей то пенье непростое.
Гильем свою со всеми в лад
Выводит партию, но взгляд
Его направлен вглубь закута.
Пришла Евангелья минута [115],
И дама встала. В это время
Один из горожан, в Гильеме
Боль пробудив, пред нею встал…
Но сдвинуть господу угодно
Его, и госпожа свободно
Гильему, наконец, видна:
Рукой крестящейся она
Завесу отвела немножко
Пониже, пальцем сжав застежку
Плаща. Гильем мечтал, сколь дивно
То было б, если б непрерывно
Евангельское чтенье шло,
Коль это ей не тяжело.
Ему же мнится, что оно
Стиху на Новый год [116] равно.
Вновь дама крестится, вновь он
Рукой открытой восхищен.
Как будто сердце вдруг взяла
Она в ладонь и унесла.
Так нежная сдушила страсть
Его, что трудно не упасть:

В холодный пруд войдя по грудь,
Пловец не может ни вздохнуть,
Словно лишился сердца, легких
И печени, ни даже легких
Слов вымолвить, но лишь ой! ой!
Кричит, как будто он немой, -
Таков Гильем в секунду ту.
И, на ближайшую плиту
Склонясь, он не встает с колен,
Как будто молится, согбен,
А то, в каком волненье он,
От всех скрывает капюшон,
И, дескать, головокруженья
Вина, что выслушано чтенье
Евангелья, не стоя, им.
Он оставался недвижим,
Покуда поднят не был служкой,
Благословившим друг за дружкой
Его с хозяином. Взойдя
На хоры, все вокруг крестя,
Взял бревиарий [117] Никола
(Где мудрость собрана была
Евангелий, псалмов, молений,
Стихир, припевов, поучений),
Благословенье им даруя
Фламенке; и при поцелуе
Гильем сквозь щель, куда войдет
Мизинец лишь, заметил рот,

Что нежен был, и мал, и ал.
Амор изысканный внушал
Не унывать, ведь в этот миг
Он гавани благой достиг,
Притом не веря, что за год
Добьется этаких щедрот
От той, что зренье красотою
Утешила; а ум мечтою.
Когда на хоры Никола
Вернулся, занята была
Гильема мысль одной интригой:
Как завладеть желанной книгой.
«Друг, – начал он, – месяцеслова
И святцев [118] нет ли в ней? Какого
Июня Троица – из дат
Существеннейшая для трат [119]?»
– «Да, есть», – тот книгу подает.
Гильем же лунных фаз расчет
Или эпакту [120] не стремится
Узнать: листает он страницы,
Желая все, ради одной,
Исцеловать, когда б такой
Порыв от всех остался таен,
Ведь рядом с ним сидел хозяин.
Но мысль пустил он к цели кружно:
«Сперва других наставить нужно,
Чтоб быть наставлену потом».
И говорит: «Каким стихом

Благословлять здесь повелось
Мирян? Из псалтыря, небось?»
– «Да, так, сеньор, и только что
Я сделал так», – и пальцем то
Отметил место он. Молиться
Гильем немедля стал, страницу
Целуя много сотен раз.
Казалось, без помех сейчас
Весь мир в своей он держит власти,
И раздели он на две части
Так зренье, чтоб глаза от щели
Не отрывались и глядели
Внутрь книги, то-то было б славно -
И было так. Средь этих явно
Грез пребывал он, и беда
Внезапно грянула, когда
В слух *Ite, missa estm* вошло:
Как это было тяжело.
Выходит н'Арчимбаут, не глядя
На тех, кто рядом с ним и сзади,
Не дав присесть иль помолиться
Фламенке; также и девицы,
Ей преданные, торопливы.
Напомню, что они красивы,
И для замужества их нет
Помех – меньшой пятнадцать лет.
Ушли. Гильем, оставшись, ждет
Священника, чтоб кончил тот
Полуденной молитвы чтенье,

И с ним, тотчас по завершеньи
Ее, вступает в разговор:
«Мне дар, который я, сеньор,
Мечтал от вас, когда приеду,
Иметь, дадите вы, к обеду
Пожаловав. И впредь, – любезник
Прибавил, – вы наш сотрапезник».
– «Согласье принесет, – изрек
Хозяин, – вам немалый прок».
Священник же и сам приятных
Компаний, собранных из знатных
Особ, ценитель был всегда
И, помолчав, ответил да.
Гильем благодарит сердечно
Его, а он Гильема встречно.
Втроем в гостиницу идут,
Где ждет их трапеза; до блюд
На сей раз я не любопытен,
Хоть вкусен был обед и сытен.
Но вот стол чист, и, словно нем,
Двух слов не вымолвит Гильем.
Знать, мысль его далеко бродит.
Поднявшись с места, переходит
Он в комнату, чтоб отдохнуть
И взором к башне той прильнуть.
Его постель была готова,
И, рассмотрев всю башню снова,
И комнату, и залу, он
Прилег и погрузился в сон,
И все пересмотрел во сне,

Что уместилось в этом дне.
Поднялся поздно он с постели.
Хозяин хочет, чтоб успели
Придти священник с Никола.
Что верность качеством была
Отца Жюстина, всем известно.
Гильем сказал ему любезно:
«Сеньор, неужто всякий раз
К столу вас приглашать? У нас
Вы гость на целый день сегодня».

– «Согласен, коль вам так угодней».
Обычай мест блюдя, в дни Пасхи
Там норовил затеять пляски,
Поужинав, иль хоровод
Развеселившийся народ.
Деревья майские сажали [121]
В ту ночь, звенели смехом дали.
Гильем с хозяином стояли
Средь сада: в городском квартале
Звучало пение кансон,

С окраин птичий перезвон
Летел из-под листвы зеленой.
Знать, сердцем огрубел влюбленный,
Коль звукам тем не удалось
Разбить его, пройти насквозь,
И нанесенные любовью
Рубцы не засочились кровью.
Закрылись заполночь дома.

Хозяин тонок был весьма
И молвил: «В это время все
Домой уходят: по росе
Не погуляешь беззаботно».
Гильем вернулся неохотно
К себе и лег в постель, где днем
Он отдыхал; глубоким сном
Объята свита; и с собой
Вступает он в нелегкий бой,
Не раз шепча: «Амор, Амор!
Надежды нет, коль до сих пор
Подмога ваша не поспела.
Скорее отправьте к сердцу тело,
Их вместе в башне хороня,
Иль потеряете меня.
Без сердца человек мертвец,
Так вот: займетесь, наконец,
Вы мной, иль быть должны готовы
Дурить влюбленного другого,
А я уйду: куда? не знаю! -
Как все, к неведомому краю,
Узнать, дана ль такая вам
Власть, как на этом свете, там.
Не ждите моего возврата
За утешеньем: не отрада
Моя вы, но беда, увы.
О дама Милосердье, вы
Спасеньем прежде были скорым.

Иль не при вас в меня Амором
Был пущен и вонзился дрот,
Что, сердце распаляя, жжет?
Знать, наконечник был отравлен.
В два места ранен я: направлен
В глаза и в уши был ужал,
Что мукою моею стал.
Быть надо лучником умелым,
Чтоб точным так владеть прицелом
И чтоб застряло в жертве, чье
Он сердце выбрал, острие:
Ранений не видны места,
Поверхность гладка и чиста,
Как будто здесь стрелы иль дрота
Не пролетало. Оттого-то
Боль раненого не томит,
Но силы он и аппетит
Теряет с той поры, и сон.
И выздровеет ныне он,
Лишь коль засевший в сердце дрот
Амор в предмет любви метнет
Из состраданья, при условье,
Что с той же силою; здоровье
Вернется к раненым обоим,
Коль будет свидеться дано им.
Страсть раненого сладит с мукой
Другого, сердце им порукой,
Ибо не быть ему в покое,

Пока не поразит другое.
Как исцелиться мне, когда
Ни мне творимая беда,
Ни я не представали взору
Любимой? Как ее Амору
Пронзить тем дротом, что во мне,

Коль нет нам ни наедине
Встреч, ни в толпе. Услышь, узри
Она меня, поговори,
Тронь – и Амор, проникнув к ней
Одним из четырех путей [122],
Чтоб я восстал, ее сразит.
Нельзя же видеть, что грозит
Мне гибелью при ней печаль,
И чтоб меня не стало жаль.
А ведь такое быть могло бы -

О жесткости одной особы
Рассказывают очевидцы:
Пообещать и отступиться
Безжалостно – ее метода,
Хоть поощряла два-три года
Приемы, встречи и беседы,
И чует рыцарь вкус победы,
А дамой отстранен как раз он,
Прощенье сам просить обязан
За то, что вздумал, что она

Любить его была должна.
Что тело изгнано – не повод

Для сердца вслед, держась за повод,
Бежать – в нем вера, что затравят
Его, коль до того заставят
Уйти, как та, близ коей тьма
Часов проведено, сама
Его не выгонит. Когда же
Влюбленный узнает, что в стражи
Взят новый друг, а он за право
Служить так мучился, то здраво
Взглянув на вещи, к ней идти,
Ей попадаться на пути
Не хочет он. И коль мужи
Такие в муке льнут ко лжи
Шесть лет, семь, восемь, девять лет,
Чего я жду, уже задет
Стрелой Амора? худшей раны?
Жест неблагоразумный – рано,
Пока еще меня не гонят,
Отсюда уходить. Но понят
Мой случай мною слишком поздно.
Обдумать должен был серьезно
Я все, пока не начал путь.
Теперь уже не повернуть:
Амор мне не защитник ныне.
Но я готов его в кручине
Ждать и во власть его себя
Отдать, страдания терпя:
Страх – слабости вина прямая.

День завтрашний – календы мая [123],
Амору самая пора
Дать дар не меньший, чем вчера.
И славно это торжество,
И день двух главных, сверх того,
Апостолов [124], двоим же вышним
Едва ли будет рыцарь лишним.
Мне будет праздник, коль увижу
Ту, к коей быть хочу всех ближе
И коей я себя предам».

Сон был наградой тем словам:
Едва закрыл глаза он, в самой
Желанной комнате, пред дамой,
Амор поставил в сновиденье
Его, и, преклонив колени,
Молил он: «Сжальтесь, поимейте
Чуть состраданья, пожалейте!
Свет качеств совершенных, чьи
Сияют на весь мир лучи;
Высоких доблестей господство,

Ум, красота и благородство,
Манеры ваши, куртуазность,
Слов и приемов сообразность,
И хор похвал вам – привели
Меня сюда; благоволи
Вы согласиться – ваш я буду,
Сему свершиться дайте чуду.
Позвольте вашим быть слугой -
И мне не нужен дар другой:
Быть здесь по вашему приказу -

И все. А что открылся сразу,
То трактовать меня как хвата
Не надо: страстью сердце сжато.
Велит кричать мне «сжальтесь!» – страсть,
Когда б наговориться всласть
Мог с вами я и видеть снова
И снова, никогда б такого
Я не сказал: словцо и взгляд
Вам бросить – выше всех наград.
Как знать, когда я вас опять
Не взором сердца увидать
Смогу, и потому зараз
Спешу всего просить у вас.
Я дерзок как бы второпях.
Быть дерзким заставляет страх.
Но здравоумье ваше стойко,
И вот, смелеет страх настолько,
Что вдруг делюсь я с вами всем».
Едва мольбу прервал Гильем,
Она в ответ: «Кто вы, сеньор,
Чьей речи сладостен напор?
Вопрос мой неучтив, но в стиле
Таком досель не говорили
Мне ни признаний многословных,
Ни одного из слов любовных».
– «Я, дама, раб, слуга ваш дерзкий:
Меня зовут Гильем Неверский,
Сюда пришел вам сдаться в плен
И умолить, не встав с колен,

Чтоб дали худший или лучший
Вы для беседы с вами случай.
Я гибну, дайте мне совет».
– «Но у меня совета нет,
Сеньор; условья таковы,
Что пусть люблю я вас, ни вы
Любви без близости не рады,
Ни я – страданью без услады.
Когда б я стала вам мила
И наслажденье дать могла,
А все ж держала бы в кручине,
То это был бы грех гордыни.
Но коль хочу, а не могу,
В вину не ставьте мне тугу.
Мои возможности так слабы:
Помочь хотела б – не могла бы.
Я разлюбить меня прошу -
С любви не быть тут барышу:
Амор порвал со мною связь.
И то мне милость, что, томясь
По Божьей воле под запором,
Я не тревожима Амором [125]».
– «Ах, что мне делать [126], коль отказ
Получен, нежная, от вас,
В ком весь мой мир, а что в остатке
Оказывается – перчатки
Дешевле? Кто совет подаст
Мне нужный, в колдовстве горазд,

Должно быть, ибо мысли эти
Скрывал бы я от всех на свете,
Любимая; секрет рассказан
Лишь вам, кем я сражен и связан,
Вы – мысль моя, мои расчеты,
Моя отрада и заботы.
Коль не хотите брать к себе
Меня и печься о рабе,
И я отказываюсь твердо
От жизни, ибо сердце гордо
И жить не станет лишний час,
Не получив его от вас».
– «Смиренье ваше благородно,
Сеньор, вам, видно, впрямь угодно
Меня всем сердцем почитать.
Коль я могла б совет вам дать,
Дала б охотно, слову веря,
Ведь сердце у меня не зверя,
Не из железа или стали.
Не допущу, чтоб мертвым пали
Вы, рыцарь, коль могу спасти.
Легко вам сердце обрести
Мольбами и его разрушить,
Коль вас оно согласно слушать.
Такая нежность, если молит,
Броню холодную расколет.
Неблагодарной нужно даме
Быть, чтоб не тронуться мольбами,

Ибо лишь ту, чья суть груба,
Не тронет нежная мольба.
И сердце то оледенело,
И до себя ему лишь дело,
Коль нежностью его ласкает
Мольба, оно ж никак не тает,
Поскольку с нежностью смешалась
Любовь горячая и жалость.
Не чистой, знать, муки пирог,
Коль в нем она за долгий срок
Добиться не могла смягченья,
Прибавки или облегченья.
Господь внимает и святые
Мольбе, покорны ей стихии.
В том будет не моя вина,
Коль тронет и меня она,
При том что сил набралась в месте.
Где Радость, Доблесть, Чувство вместе
Сошлись, в приюте лучших благ.
Итак, совет мой будет благ,
Усердно вымолен он вами:
Кто мне благословенье в храме
Дает, коль было бы вдомек
Ему, поговорить бы мог
Со мной, произнося лишь слово
За раз, поскольку для второго
Нет времени; когда ж опять
Возникнет случай, должен ждать

Без слов он, что скажу в ответ.
Таков возможный ход бесед.
И в ваннах Пейре Ги, куда
Хожу купаться иногда,
Возможно было бы подкоп
Подземный сделать тайно, чтоб
Он вышел к комнате желанной,
И милый друг, как только в ванной
Я буду, мог бы им придти.
Я лишь наметила пути,
Но что означено вчерне,
Обдумать вы наедине
С собой должны – принять ничью
Я помощь в деле не хочу,
Ведь это, уступив напору,
Я ради вас сдаюсь Амору.
Свою вам верность доказать я
Хочу, вас заключив в объятья
И поцелуй вам, друг мой, дав.
В вас виден благородный нрав,
Вы – куртуазности пример:
Должна почтить на свой манер
Любая дама вас бесспорно
И вашу власть признать покорно».
Его ласкает и целует
Она и радости дарует
Словами, жестом, взором, всем.
Едва лишь выслушал Гильем

То, как она об этом судит,
Его Амор сейчас же будит:
«Гильем, иль вновь тебе угодней,
Чем что-то делать, спать сегодня?»
И отвечает он уныло:
«Ах, что за счастье посетило
Меня; и грех на вас, Амор,
Что был конец его столь скор.
Сном милость мне явив вначале,
Вы у меня ее забрали,
Подняв до наступленья дня.
Прошу вас усыпить меня,
Амор, ну ненадолго хоть!
Нет, лучше сон перебороть,
Ведь радость есть в грядущем дне -
Все вспоминать, что снилось мне».
И, часто вспоминая сон,
Дает со смехом клятву он:
«Груш никогда я есть не стану,
Коль этот сон ведет к обману,
О чем – дай бог сдержать обет -
Узнает давшая совет».
И так всю ночь провел он эту.
Когда же срок пришел рассвету,
В тот миг, как в спальне солнце ало,
Взошед над миром, засияло,
Совсем не выспавшись, он встал,
Но не настолько все же вял,
Чтоб не открыть окошка прежде,

Чем даже подойти к одежде.
В нем все, кто цвет лица его
Увидел бы, нашли б сродство
С влюбленным: бледен, голубое
Вкруг глаз, и в пульсе перебои
Из-за того, как похудел.
Знать, не имел с любовью дел,
Кто не решит никак проблему,
Откуда вдруг пришла к Гильему
Хворь, что пройти не может вскоре,
Как все естественные хвори.
Ведь хворь любви терпеть невмочь:
Длись приступ только день и ночь,
Истреплет в этот промежуток,
Как те за восемнадцать суток.
И я скажу вам почему:
На душу бросившись саму,
Недуг любви ее ретиво
Терзает и без перерыва.
Пусть мысль любви туда-сюда
Метнется, цель ее всегда
Одна и та же: выбрав вас,
Боль не отпустит ни на час;
Другие ж хвори после вспышки
Дают минуты передышки.
Природа, тела госпожа,
Его в своих руках держа,
Как на лекарства ни обильна,
С любовью справиться бессильна,
Забыв, какие средства благи.

И, сердце возвратив бедняге,
Душе внушает: «Хоть и схожи
Познанья паши, дама, все же
Ищите нужный вам состав,
Но не беря ни смол, ни трав,
Ни снадобий, что мне известны,
Для вашей раны бесполезны
Они». Любовь наносит раны
Рассудку; жертвы, ею пьяны,
Лекарств не ищут ей в угоду,
Отталкивая тем природу.
Любовью раненый лишен
Бывает красок, должен он
Быть тощ и бледен, слаб и хил,
Но в то же время полон сил.
Рассудок близок к сердцу столь,
Что состраданьем эту боль
Сперва он в сердце предваряет
И тотчас ею одаряет.
Когда бы сердца боль не жгла,
В любви не видели бы зла,
Меж тем, сердечной суть печали,
Не ошибаясь, злом назвали.
Столь стоек приступ боли жгучей,
Что мази нет на этот случай.
Любое средство на потребу
Больным – известно было б Фебу,
Во врачеванье чудодей

Он был и первый из врачей.
Узнав любовную кручину:
«Всем служит, но не господину
Сей дар», – сказал он; этот стих [127] -
Свидетельство, что никаких
Средств от любви не знал и он.
Поэтому не удивлен
И я, что повредили муки
Красу Гильема. Мыл он руки,
Когда хозяин, стан склоняя,
К нему вошел: «Властитель рая
Помилуй вас и защити!»
– «Благую часть вам обрести
Дай бог от вашего же слова.
Звонил ли колокол, иль снова
Мы прогуляемся с утра,
Как это сделали вчера?»
– «Как вам угодно. Но особу
Просил бы вашу я на пробу
Абсенту отхлебнуть сейчас,
Его пить в мне в самый раз».
– «Пусть принесут, велите, что ж».
– «Он тут уж, и весьма хорош».
Тогда Гильем велит достать
Свой кубок: из него под стать
Пить императору – всех чаш он
Массивней и резьбой украшен;
Вес серебра в нем марок пfive

И столько ж за отделку дать.
Гильем хлебнул, после чего
Вручил хозяину его:
«Будь ваш он с этого момента,
В нем, право, лучше вкус абсента.
Приятней мне, чтоб эта чаша
Впредь не моя была, а ваша».
Сперва не мог хозяин слов
Найти; смеяться он готов
От радости, ушам не веря.
Гильем просил, не лицемеря,
И кубок взял он, из сосуда
Пить этого клянясь, покуда
Он целый, и каких бы цен
Ни назначали, иль в обмен -
Не отдавать его, будь краше
Иль тяжелей другие чаши.
К жене он с кубком подошел,
Та спрятала его в чехол,
Чехол в ларец. Идут, меж тем,
Оруженосцы есть. Гильем
С хозяином приходят в храм
И молятся, но их мольбам, -
Столь остр во всем меж них разлад,
Хоть к одному отцу летят, -
Быть сестрами не суждено,
Все разно, имя лишь одно.
Не забывал Гильем о деле

И в угол тот прошел, где пели
Они вчера; отдав поклон
Священнику учтиво, он
Стал боком, взгляд направив прямо
Туда, войдет откуда дама.
В разгар трезвона, видом дик,
Эн Арчимбаут, сей проводник
Прелестной дамы, входит с нею.
Гильем к проходу тянет шею,
Как ястреб, видя куропатку.
Он не в себе, но по порядку
Прочел, меж тем, стих за стихом,
Блуждая взором, весь псалом.
И вот, судьба небезучастна
К нему, и в неф он не напрасно
Глядел: Фламенка у портала,
Молясь, подольше постояла,
Обыкновенью вопреки,
Перчатку с правой сняв руки,
И, чтоб откашляться, у рта
Вуаль спустила, и уста
Гильем увидел. Взором льнет
Он нежно к ней, чрез узкий ход
Сопровождая неотрывно.
Да, понедельников, столь дивно
Начавшихся, не выпадало
Ему досель. Не запоздало
И солнце бросить луч на стенку

И ниц склоненную Фламенку -
Другое солнце – им зажгло.
Без тучки, павшей на чело,
Весьма некстати, от вуали,
Тот угол освещать едва ли
Так было бы необходимо
Лучом особенным, помимо
Сиявших от лица Фламенки,
Которая об этой сценке
В тот миг не ведала совсем.
Вот бревиарий взял Гильем,
Но, приковав к странице рот,
Он взор направил в узкий ход,
Где весь его был интерес.
Будь по его, во время месс
Евангелье и *Agnus*[128] лишь
Читали: ведь она, услышь
Их, поднялась бы, для чего
И был он здесь. На мотовство
Пошел бы он, отдав именье
За то, чтоб не страдало зренье
От загородки, а вуаль
Сжечь было б на костре не жаль.
Когда собрался Никола
Благословлять, то мысль пришла
К Гильему – указать псалом
Сейчас, чтоб не искать потом:
«Друг, есть такое место, оным

Благословляйте впредь – ученым
Вам должно быть в делах таких.
Так вот, всегда берите стих
Буди же мир в силе твоей [129].
Чтоб дело стало вам ясней,
Пусть будет смысл его открыт:
Псалтырь слагая, царь Давид
Стих этот повторять – наказ
Дал Соломону – в день хоть раз.
Тот взял за главное из правил
Его и в добром мире правил».
– «Так, – молвил Никола, – сеньор,
И буду делать с этих нор».
– «Но после принесите снова
Мне книгу, ведь молитвослова
Употребленье обиходно,
Я научу вас, коль угодно».
Благословленье местом тем,
Что указал ему Гильем,
Прильнувший вновь к проходу взором,
Дал Никола, и книгу в скором
Довольно времени опять
Счастливец мог в руках держать.
И, спрятавшись под капюшон,
Ко лбу подносит книгу он,
К глазам, к щекам и к подбородку
И смотрит в щель за загородку,
Чтоб видеть, был ли той замечен,
Чей взор всем этим мог привлечь он.
Влюбленный верит в самом деле,

Что все его откроет цели
Другое сердце, все желанья,
Страдая в миг его страданья.
И выбрал бы для всех сердец
Амор единый образец,
Будь справедлив он: но, забыв
О праве, будь-ка справедлив.
Гильем прикидывал, какого
Хватило б времени, чтоб слово
Сказать, как Никола ни мало

Стоял пред той, что целовала
Лист, дабы взять благословенье,
И, голову склонив в смиренье,
К нему устами льнула. Мига,
Пока пред ней лежала книга,
Распорядись он им толково,
Достаточно, чтоб бросить слово,
На взгляд его. Дождался еле
Эн Арчимбаут, чтоб мессу спели,
И, голову задрав, наддал;

За ним Фламенка – без похвал
Жонглеров, без достойной свиты,
Лишь две девицы как пришиты
К ней: услужить ли чем-нибудь,
Собрать ли в путь, одеть, разуть -
Всегда Алис и Маргарита
Готовы: быстро, деловито
Все сделают для госпожи,
Что им она ни прикажи.

Когда народ из церкви вышел,
После часов, чтобы услышал
Лишь Никола, промолвил глухо
Ему Гильем, но прямо в ухо:
«Не опоздайте, нам пора,
Приятна трапеза с утра
Пораньше». Никола: «Я мигом», -
Ответил. Книгу к прочим книгам
Тогда Гильем, закрыв, придвинул
На верхней полке; храм покинул
Затем с хозяином он вместе,
Который рад был этой чести.
Вчерашних майских лес дерев
Был убран стайкой юных дев;
Они, загадки распевая,
С куплетом, что в календы мая
Звучит, перед Гильемом прямо
Прошли: «Благословенна дама,
Что с другом будет не жестока
И не прервет, боясь упрека
И ков ревнивого врага,
Прогулок в рощу, в сад, в луга,
И приведет в свою светлицу,
Чтоб лучше милым насладиться,
А севшему на край кровати
Ревнивцу скажет: Как некстати
Пришли вы портить нам досуг!
Сейчас в моих объятьях друг,

Уйдет он, как календы мая!»
Гильем Творца молил, вздыхая,
Чтоб знаменательный запев,
Который слышит он от дев,
Был в самом деле не случаен.
Вошли в гостиницу; хозяин
Сказал: «Имеете ль желанье
Взглянуть на ванну, что заране
Готовить я велел для вас?»
Гильем ответил: «Не сейчас.
Принятья ванн в разгар календ
Я б избегал, не тот момент.
Мы завтра их принять вольны,
Как раз девятый день луны».
Ему хозяин добродушно:
«Приказам вашим мы послушны».
Тут входит эн Жюстин: замечен
Гильемом тотчас он и встречен
Объятьями и лаской: «Мне
Хотелось бы наедине
Остаться с вами на минуту».
И обращается к кому-то
Из свиты: «Комнату открой,
И поживее; все долой
С постели: мех иль одеяло
Класть в эту пору не пристало,
Коль не велю я сам покров
Накинуть». Живость этих слов

Священника развеселила
…………………………… [130]
«Сеньор священник, – он ответил, -
Недугом бог меня отметил,
Но и богатством. Я б хотел
Вам подарить мой плащ: он бел,
Он нов, он с меховой отделкой,
Он оторочен черной белкой;
А добрый Никола – с опушкой
Плащ, тоже белый, но мерлушкой
Подбитый, что слугою сшит
Моим, принять пусть поспешит».
Священник молвит: «Благодарен.
Но я б считал, что не одарен,
Когда бы плащ с таким подбоем
Решил принять, но что разбоем
Добыл его у вас, мой друг,
Еще не сделав вам услуг».
– «Извольте дар принять, сеньор,
Все возраженья ваши вздор,
Услуг вы сделали довольно».
Так заставлял он, что невольно
Тот уступил и, не ропща,
Согласье дал на дар плаща.
Поев, в свои покои, с тем,
Чтоб отдохнуть, ушел Гильем,
Коль только отдыхом зовется,
Когда несчастный то трясется,

То вскакивает, то от пота
Весь мокр, то нападет зевота,
То вдруг застонет, то вздохнет,
То чувств лишится, то всплакнет.
Гильем и отдыхал вот так.
Когда ж ночной спустился мрак,
Покинул комнату свою
Он, чтобы в роще соловью
Внимать, но приступами боли
Все злее мучим он, все боле.
Чем боль любовная больней,
Тем больше наслажденья в ней;
Чем меньше боль, тем больше мук.
Здесь как в игре, в которой, вдруг
Поддавшись, мы ценой потери
Большой – теряем в меньшей мере.
Хозяин в дом зовет опять,
Дан ужин в честь Жюстина; спать
Гильем идет, в постель он лег,
Но успокоиться не мог,
Вставал, в окно глядел тревожно:
«Увы, – он молвил, – сколь ничтожны
С любовью рядом – состоянья
Богатые, любые знанья,
Ум, рыцарство, происхожденье,
Куртуазия, поученья,
Все чувства, красота, семья,
Мощь, доблесть, мужество, друзья!

Бессилен сам Амор пред ней,
И в страхе я: ведь будь сильней
Любви Амор – притом, что ту
Я, как никто на свете, чту -
Помог бы – мы в одном с ним стане -
Он мне в моей с любовью брани;
Любовь – болезнь, и с нею в доле
Амор – производитель боли,
От их вражды ничтожный прок,
Коль одного в другом исток,
И случай здесь важней порядка,
Хитра аморова повадка:
Где б должен быть – оттуда прочь
Бежать; где мог бы – не помочь.
Я ту люблю, которой мил
Тот, что другую полюбил,
И – мне она, он ей, ему
Та – не достался никому
Никто; любовь, входя в разлад
С собой, находит новый лад:
Мы тянем равно, цели разны,
И в разногласье мы согласны.
Итак, любовь, судя и правя
Людьми, заботится о праве:
Влюбленный в ту, кем нелюбим,
Отмщен соперником своим
Я, ибо он ее любовь
Не больше ценит, чем морковь [131].
Но обвинять я б не посмел

За то, что у нее прицел
Другой: нельзя нам сговориться -
Нет ни посланца, ни девицы,
О страсти чтоб моей донесть;
Бумаге не доверишь весть,
Ибо на страже башни страж,
Которому даров не дашь, -
Эн Арчимбаут: он и конвой,
И господин, и часовой.
Коль я себе не дам совета,
Никто не сможет сделать это.
Не зря ж мне было сновиденье
К утру, и после пробужденья
Не мог заснуть я: не премину
Ту мысль внушить я дон Жюстину,
Что должен в служки взять меня,
А Никола пошлю, ценя
За то, что в нем видна порода,
В Париж учиться на два года.
Хозяину скажу, чтоб дом
Мне сдал на время целиком,
А управителям моим -
Чтоб камнетесам четверым,
С кирками, с молотками, в деле
Искуснейшим, придти велели
Ко мне средь ночи: ход просечь
Заставлю их при свете свеч.
Коль им до ванн хороший путь,
Заделав входы, дотянуть
Из комнаты моей удастся,

Велю святыми им поклясться,
Что никому про этот труд
Не скажут. Как они уйдут,
Я выздоровевшим притворюсь
И сам немного развлекусь:
Хозяина верну обратно,
Но пусть бедняге непонятно
Останется, зачем был он
Спроважен мной и отдален,
Коль не затем, что мне удобней
Так жить и отдыхать способней;
И, щедрой одарив рукою,
На все глаза ему закрою.
Бельпиль, мою хозяйку, страсть
Которой – шить, иль ткать, иль прясть,
Разумницу и мастерицу,
Привлечь, в дар дав ей багряницу
Всю в звездах золотых, я б мог.
Ее на долгий стало б срок
Сокровищем такое платье,
К которому хотел бы дать я
И шкурки беличьи из тех,
Чей свеж и переливчат мех.
Но если хочет, чтоб морока
Была вся эта не без прока,
Амор, пусть как-то даст мне знать!»
Тут он бросается в кровать,
Но простыни сбивает в ком -

Амор воюет люто, в нем
Огонь желаний распалив.
Гильему мнится, что призыв
К нему доносится аморов,
Угроз смешенье и укоров:
«Раз без нужды ты сделал сам
Так, чтобы две мешало вам
Стены, нарушил ты закон
Влюбленных [132]». Подбегает он
К окну и башню всю до крыши
Оглядывает, в грезах слыша,
Что кто-то имя там назвал
Его. Он, как влюбленный, шал:
Вскочил, прилег и под напором
Сна в разговор вступил с Амором:
«Что ж, усыпляйте, ибо в деле
Подачи снов вы преуспели,
Пусть я увижу ту во сне,
Что наяву запретна мне.
О вас, о дама, речь моя:
Коль сном смогу настичь вас я,
Уж то-то будет мне пожива.
Хочу твердить без перерыва:
Вы, вы! И, как во сне зову
Вас, донна, так и наяву.
На сон смежая веки, сердцу
Велю быть с вами по соседству
Всегда; да, с вами, дама, с ва…!» -

«Ми» не договорил. Едва
Заснул он, как пришел успех:
Он даму видит без помех.
Признаться, часто так бывает,
Что видит сон, какой желает,
Любой, кто засыпает с тем, -
Что знал по опыту Гильем.
Проснувшись хоть и поздно, споро
Собрался он и прибыл скоро,
Чтобы прослушать мессу, в храм,
Ибо ее по будним дням,
Как знал он, начинают рано.
Оттуда поспешил он в ванны,
Покинув их часам лишь к трем:
Он изучил подробно дом,
Пока удачное нашел
Для хода место. В ваннах пол
Из туфа мягок был и хрупок:
На нем писать или зарубок
Наделать нож простой бы мог,
Не нужен был и молоток.
Близ очень темного угла
Стена той комнаты была,
В которой он, по счастью, спит,
Там должен быть и ход прорыт.
В расслабленном он вышел виде
Из ванн, спешащего увидя
Священника и Никола

С эн Пейре Ги. Затем пришла
Хозяйка в комнату, на диво
Мила, приветлива, учтива,
И в честь ее решил он дать
Обед: их – четверо, с ним – пять.
После еды послал Гильем

За багрецом для дамы с тем,
Чтоб выказать благоволенье:
Слуга достал без промедленья
Ткань из сумы дорожной. В Фивах
Или Фессалии [133] – красивых
Таких не знали; доброхот
Хозяйке весь кусок дает;
«Здесь ткани, госпожа, в избытке
И для плаща, и для накидки,
Хочу, чтоб вам она пошла;

И столько ж, коль меня от зла
Избавить господу угодно,
Дарить вам буду ежегодно».
Мех переливчатый велел он
Ирин есть, в Камбре который сделан,
Прево аррасского подарок [134],
До четырех ценою марок.
При этом льстиво, будто мед
На языке, он речь ведет:
«Прошу не даром это счесть,

Но лишь задатком: вещи есть
Не хуже у меня – они

Все ждут вас». – «Боже сохрани,
Такой задаток дара стоит.
Сеньор, пусть так господь устроит,
Чтоб я и муж, который здесь,
Вам услужить сумели. Весь
Отдать вам наших сил запас -
Желанье каждого из нас.
Так не смущаясь же просите,

Благой сеньор, чего хотите;
……………………………… [135]
Коль вам мешает, что шумим мы,
Есть годные у нас дома
Еще: нам с вами жить весьма
Удобно будет как соседям,
А скажете, назад мы въедем».
– «Спасибо, дама, я словам
Столь добрым рад; должно быть, вам
Известно, что больному надо.

Но может крыться здесь досада
Для мужа вашего: стеснен
Пусть буду лучше я, чем он».
В ответ хозяин: «Неудачи
Вы добивались, не иначе,
Такою речью; ей под стать
И сам ваш замысел считать,
Что вещь, которая отрадна
Для вас, мне может быть досадна.
Охотно съедем со двора:

Приказ, чтоб завтра же с утра -
Господь здоровье вам пошли! -
Прибраться в комнатах пошли,
Дам нашим людям; подметут
Пусть низ и верх, придав уют
Жилью, и я, клянусь Творцом,
Немедля въеду в этот дом».
– «Назад вернуться вы свободны
В любое время: коль угодно
Творцу, я выздоровею вскоре,

И вы, как только я от хвори
Избавлюсь, въедете сюда.
Я на недуг свой от стыда
Не жалуюсь, хоть он меня
И мучит: маслом у огня
Мне натираться будет надо,
Скрываясь от чужого взгляда.
И я прошу, чтоб сей же миг
Мне кудри дон Жюстин остриг,
Тонзуру [136] сделав поприлежней,

Пускай не меньше будет прежней
Моей; я грешен: в том мой грех,
Что волосами, без помех,
Зарос мой венчик незаконно,
Ведь я каноник из Перонна [137]
И возвращусь туда в свой срок;
Пусть будет венчик мой широк.
Есть у меня и знанье, слава
Творцу, церковного устава,
И к обыденной службе дар,

И подучусь, еще не стар!»
Священник стал от скорби нем,
Когда про волосы Гильем
Сказал; светился каждый локон,
Как будто золотой листок он,
Которые золотобит
До блеска в Монпелье плющит [138].
Энс Пейре Ги, тоски не пряча,
Стоял пред ними, горько плача.
И дама стала на колени,

Поникнув в горестном томленье,
И слезы так лились из глаз,
Что щеки покраснели; таз
Немедля Никола добыл,
Всяк услужал по мере сил.
Из дома удалилась свита,
Чтоб плакать и стенать открыто
По поводу столь скорбных дел
И причитать, кто как умел.
Взмах ножниц, острых, но не слишком

Больших, пригодных, словом, к стрижкам, -
Священник волосы остриг;
Стал венчик ровен и велик,
Когда виски и шею сзади
Обрил он. На Бельпиль, взяв пряди,
Их не сожгла, но, зная толк
В плетенье, в белый чистый шелк
Их спрятала – для галуна:
На петли к платью в дар она

Отдаст, как будет весь готов он,
Его Фламенке: зацелован
В нем будет каждый волосок,
Пока пойдет в шитье шнурок!
Гильемом вытащенной чарки,
Без ножки, с позолотой, марки
Четыре, знать, была цена.
Им в дар священнику она
Дается при словах: «Посмею
Вручить я плату брадобрею».
Звучит священника отказ:
«Оставить вещь себе – для вас
Беда, вы это нам внушили».
– «Ее иль примете вы, или, -
Сказал Гильем, – мы с этих пор
Не станем видеться, сеньор».
– «Сеньор, разрыв мне ни к чему:
Настаиваете – приму».
Хозяин и хозяйка, выйдя
Из комнаты в тоске при виде
Того, какая гостя мука
Томит, не издают ни звука.
Их постояльцы на дары
Досель так не были щедры:
Шлет за подарком он подарок,
Их за три дня на тридцать марок.
Священник верный при Гильеме,
И Никола с друзьями всеми,

Но просит их уйти он сам
И воли не давать слезам:
«Показываете вы плачем,
Как рады вы моим удачам!»
Над ним заклятие изрек
Священник так: «Пошли вам бог
Счастливый случай, дай узреть
Лишь то, что любо; чем бы впредь,
Скажите, мог я быть полезным?
Любыми средствами любезным
Вам сделаться хочу весьма.
Во мне ни чувства, ни ума,
Ни качеств нет, достойных вмале
То заслужить, что вы мне дали.
Но, верьте правде этих слов,
Для вас все сделать я готов».
– «Сеньор, коль по своей охоте
Причетником [139] меня возьмете,
Я буду рад; а Никола,
Чья благота мне столь мила,
Советую послать в Париж
Учиться: свеж умом малыш,
Он за два года то усвоит,
Что дома за три. Это стоит
Четыре марки, плюс расход
На платье новое раз в год.
Впустую не привык болтать я:
Вот золото, а вот на платье

Двенадцать марок серебра,
Накупит вдоволь пусть добра».
Захвачен радостью врасплох,
Священник молвил только: «Ох!»
«Сеньор благоизбранный, – тотчас
Прибавил он, сосредоточась, -
Молюсь о том блаженном дне,
Когда вы повстречались мне!
Меня всего больнее ранит
То, что племянник мой не занят
Ученьем эти годы здесь.
Мной вам он отдан, ваш он весь,
Хочу, чтоб впрямь вы занялись им.
В писании стихов и писем
Он преуспел, но мастерства
В нем станет больше раза в два
Через два года. Что ж до вами
Желаемого места в храме,
То господин вы днесь и впредь -
Мне исполнять, а вам велеть».
Гильем в ответ: «О том ни слова!
Желанье знаете мое вы,
Быть служкой положил себе я.
Пойдет насмарку вся затея
Иначе: мне бы понемногу
Служить смиренно вам и богу,
И мест, коль разберусь я в службе,
Не надо мне других по дружбе.

Чем больше знаков и потуг,
Чтоб выделить меня из слуг,
Тем только больше мне вреда,
А вам, благой сеньор, труда.
Плащ с капюшоном мне просторный
Скроить велите, шелк ли черный
Найдя, иль серое сукно,
Шерсть штофную ли – все равно,
Чтоб я в нем скрылся весь – от шума
Мирского и шурум-бурума
Приемов, все в них мишура
Или тщеславия игра:
Те, что особенно охочи
До выигрыша, нищи к ночи».
Так поучал и н'Изенгрин [140],
Но знай священник суть причин,
Ответить мог бы он, как Лис:
Белин, всего остерегись!
Отправились искать в округе,
Кто сшил бы плащ. «Коль вышло б, – слуги
Сказали, – стал бы богомольным
И не сидел в кругу застольном,
Словно послушник из Сито
Или Шартреза [141], ни за что
В одежде новой господин».
Вот, наконец, Гильем один:
Что ж, из задуманного он
Исполнил многое; и в сон

От ванн и доброго винца,
Которым угостил жильца
Хозяин, понемногу клонит.
Но тотчас он Амором донят:
В насмешку тот его величит,
Мол, наконец он принят в причет,
Хотя, как всякий служка честный,
Знай наизусть он *Царь небесный*
И *От апостола* [142] хлопот

Избег бы: он же наперед
Знал, до тонзуры. Коль укор
Позволил сделать бы Амор
За то, как судит он и правит,
Сказали б, что он слишком давит,
Не допуская действий явных.
Но нет над ним господ иль равных,
Вот он по-своему и ладит
И всех людей, как хочет, рядит.
В четверг хозяин съехал; сразу

Искать рабочих по приказу
Гильема послан в Шатильон [143]
Гонец был, но, кем нанят, он
Не знал и людям при расчетах
Открыть не мог бы, кто зовет их
……………………………… [144]
Врубаться в камень и скалу,
За что по стольку им отвалят,
Что все наемщика похвалят.
А чтоб охотнее копали,

По десять марок им вначале
Он дал, чем не превысил прав
Своих, на месяц их наняв.
Гонец в Мулене [145] жил; Гильем
Уверен был, что он ни с кем
Без нужды дела не обсудит
И к самой ночи дома будет.
Уехал Никола в субботу:
Учиться может он в охоту -
Груз золота и серебра,
Достаточный для школяра,
При нем был. Высоко обритый,
С тонзурой, плащ накинув сшитый,
Гильем вечерню отстоял:
Вверх задирался, словно мал
Сперва был плащ, когда он руки
На бедра клал; но той науке
Во время службы постепенно
Он обучился, и отменно
Плащ под конец на нем сидел.
Садиться в храме он не смел
И, смысл в священническом слове
Ловя, всегда был наготове.
Священник же считал, что он
На это свыше вдохновлен
И просвещен, должно быть, богом:
Досель столь юный не был в строгом
Столь послушанье; с каждым днем
Все больше стати было в нем,
Он делался благочестивей

И проще, словно ангел вживе
Спустился на землю с приветом.
Дар божий видит в служке этом
Жюстин: на свете лучших нет,
Он им накормлен и одет,
И столь в нем велико старанье,
Словно живет на покаянье.
Гильем после вечерни вник
В то, что за утренею лик
Ответствует [146]; но для почину

Его не надо было в спину
Бить иль ногтями руку рвать [147] -
Он пел священнику под стать.
Но вот прочитан и пропет
Урок; в гостинице обед
Их ждал; вернулся в храм затем
Священник, вместе с ним Гильем,
Который начал разговор,
Задав прямой вопрос: «Сеньор,
Не здесь ли спать мне надо будет?»

– «Нет, звон к заутрене разбудит
Пусть вас; коль первый же удар
Прогнать не сможет сонных чар,
Довольно будет, если встретим
Вас, друг мой, здесь хотя бы с третьим».
– «Сеньор, но есть ли кто-нибудь,
Чтоб прислужить вам? вас разуть?»
– «Нам, кроме мальчика, мой друг,

Прислуживающего, слуг
Других не надо; лишь бы в храме
Вы мне прислуживали сами
И были столь же богомольны,
Как прежде, – этого довольно».
Гильем бредет, про пыль и грязь
Как бы забыв и не стыдясь
Заполнившего город люда,
Определяя, кто откуда:
Из Франции или Бретани,
Бургундии или Шампани,
Нормандии и прочих стран -
Сюда приехал ради ванн.
Вся эта ночь без сна прошла
Ударили колокола,
Он встал и одного из свиты
Позвал; и вот уже закрыты
И комната его, и дом.
Амором он несом, ведом,
Амор не знает передышки,
Амор – мастак в бритье и стрижке,
Амор на смену платья скор.
Ты можешь все, Амор, Амор!
Не выдумать, Гильем что выбрал:
Тонзуру ради дамы выбрил!
Надеть всегда влюбленный рад
Изящней и пышней наряд,
Богато выглядеть и броско,

Изысканна его прическа.
А брат Гильем – как патарен [148]:
Служенье господу взамен
Служенья даме. Глуп, жену
Заставив силой жить в плену,
Ревнивец: ходу хитрость силе
Не даст, ее хитро осиля.
Неподозрителен ничем,
Словно затворник, жил Гильем:
В храм прибегая утром рано,
У дон Жюстина, капеллана,
Он, осенясь крестом, из рук
Брал колокольчик. И не вдруг
Благовестил, хоть ловким он
Был звонарем; но только звон
Затихнет первый, бил он снова
В колокола, и от второго
В восторге стены колоколен
И храма были. Столь доволен
Им дон Жюстин, что предложил
Набраться после службы сил
И в комнату за колокольней
Провел, где отдыхать привольней,
А спал в ней прежде Никола,
И устлана она была
Вся камышом. Гильем не может
Заснуть: теперь его тревожит,
С какими подойдет словами

Он в миг благословенья к даме.
«Амор, – зовет он, – где вы? что вы?
Иль что сказать ей, не готовы
Мне посоветовать? Иль нет
Вновь дела до моих вам бед?
Оглохли? разума и прыти
Лишились? онемели? спите?
Иль просто тешит вашу спесь,
Что ни на что ни я, ни весь
Мир этот не имеет прав?
Иль сделаете, как, послав
Апостолов, сказал господь:
«Никто себя не озаботь [149]
Тем, как ответствовать царям,
Ибо открыто будет вам»?
Апостол и перед владыкой
Не знал боязни столь великой,
Как я: страшусь попасть впросак
Пред той, что мне желанна так,
И все же дело я посмею
Начать: удастся ль вам затею
Осуществить, чтоб без осечки
Все выразить в одном словечке
Я мог, сказав его украдкой?
Оно должно быть просто, кратко
И, брошенное впопыхах,
Понятно той, что сердце в прах
Повергла. Мне, меж тем, на ум

Оно нейдет: чем больше дум
О нем, тем дальше я от цели.
Безумье быть сейчас в постели!»

Тут он выходит, на замок
Дверь закрывая: под порог
Ключ, как условлено, им спрятан,
Откуда дон Жюстином взят он
Мог быть. Послал слугу Видаля

За солью и водой вначале
Гильем, чтоб освятить ее
Поздней, и, рук прервав мытье, -
Ибо священник пробудился, -
Принес воды, чтоб он умылся.
Вот ими начат первый час;
Потом пропели третий [150]; враз,
Как повелось, в колокола
Забили – к мессе подошла
Вся паства. И особняком,

Когда был храм набит битком,
Энс Арчимбаут пришел, последний;
Вмиг отменил бы – чтоб с обедней
Покончить – праздники все сплошь он
И воскресенья. Весь взъерошен,
Глядел он дьяволом с картины:
Его любви не без причины
Боялась так Фламенка – дама
Быть может в ужасе, коль прямо
В глаза ей смотрит дьявол сам.

Она за мужем входит в храм,
Опять в своем как бы чехле.
Гильем все видит; на земле
Он ничего не соизмерит
С тем, что пред ним. Кто мне не верит,
Тот для меня сам пустобай,
Каких он клятв мне ни давай.
Гильем был в службе дока, он
Евхаристический канон
Знал проскомидии под стать [151].

Священник проповедь читать
Не стал, ни праздников седмичных
Не объявил. На мелодичных
Гильема голос был; когда
Он *Agnus Dei* [152] без труда
Пропел, то, по обыкновенью,
Взял дискос для благословенья [153]
И дал хозяину сперва,
На хорах бывшему; едва
Придя к нему, был дискос дан им

Внизу стоявшим горожанам
И обошел весь храм. Интригу
Гильем затеял: ищет книгу
Свою, а сам настороже;
Взял дискос н'Арчимбаут уже,
Когда в закут, где под замком
Был клад, пошел он прямиком -
Ведь н'Арчимбаута целовать
Не мог он, ни благословлять.
Слез с хоров – господи помилуй,

Ибо досель с такою силой
Его тревога не гнела.
К Фламенке, не подняв чела
И глаз, чтобы куда не надо
Не бросить ненароком взгляда,
Идет, решив, что все готово
К тому, чтоб хоть промолвить слово,
Коль не затеять разговор, -
И пусть ведет его Амор:
«Коль путь туда он не наметит,
Где моему желанью светит
Надежда, веры нет ему;
Попытку все ж я предприму.
Амор ловить умеет случай,
Но чем желанье в сердце жгучей,
Тем действует ленивей он».
Вот каково, когда влюблен.
И наконец Гильем пред дамой.
Она псалтырь целует; в самый
Тот миг он прошептал: *«Увы!»* -
Не поднимая головы,
Но так, чтоб дама услыхала.
Гильем удачным счел начало
И прочь пошел, склонясь смиренно.
Сто рыцарей одновременно
Сразить в турнире он сумей
И захвати пятьсот коней,
Столь полно б не был он доволен -

Влюбленному дарить не волен
Никто такое торжество,
Как та, что в сердце у него.
Священник даром не судачил,
Спев мессу, но молитву начал
Полуденную, как всегда.
Гильем, держа псалтырь, туда,
Как будто чтеньем одержим,
Глядел; но, расставаясь с ним,
Поцеловал листок сто раз,
Гордясь своим *увы*! Тотчас
Наружу н'Арчимбаут выходит
И, как всегда, жену уводит,
Стремясь покинуть храм скорей.
Гильема взор и сердце к ней
Влеклись, вобрав в себя влеченье
Его. Сложил он облаченье
И, спрятав чашу в верном месте
И дискос, удалился вместо
С хозяином, за ними вслед
Священник. Кончился обед,
Ушли хозяин и Жюстин,
И в доме вновь Гильем один.
Прошел, когда поели слуги,
Он в комнату, где на досуге
Мечтал, – чуть не сказал: в альков.
Ногами дрыгать он готов
От счастья, что дан ход затее;

Будь дольше, было бы полнее
Оно: вот он уже в тревоге -
Ведь у влюбленных на пороге
Задержка счастья коротка,

Точь-в-точь у двери игрока.
Сменило песню сердце вскоре:
«Увы! что ж не умру я в горе?
Амор, меня ты чуть продвинул,
Очко вместо шестерки кинул [154]!
Был ей неслышен и врасплох
Застал мой непонятный вздох,
Разбиться сердцу было впору.
Не прятала бы дама взора
И голову могла поднять

И не закрылась бы опять,
Когда бы звуки достигали
Ее ушей. Клянусь, в вуали
Моих причина неудач.
Будь проклят этой тряпки ткач!
Кто их придумал – будь повешен!
Или не мог быть холст разрежен,
Чтоб свет для взора не потух
И не закрылся глухо слух?
Куда отныне я влеком?

Увы! искать поддержки в ком?
Кто б знал! Не я. Ни в ком? В Аморе?
Чужие он не лечит хвори.
– Твой грех [155]. – Как так? – Был промах. – Чей?

– Дал говорить тебе я с ней.
– Да, но без толку; разве прок
Из разговора я извлек?
– Толк был; иль вспомнишь ты мороку,
Из коей вышло столько ж проку?
Рот дамы к псалтырю приник
Пред тем, как скрыться ей в тайник,
И ты увидеть мог спроста
Ее прелестные уста.
– Все правда. В близости от дамы
Я большей не был чем когда мы
Одной касались вместе книги.
Но знай мы наперед о миге
Таком, и не стесняй нас страх
И не на стольких бы глазах,
Куда бы лучше речь звучала.
Все знают о слезах Тантала [156]:
От голода и жажды он
Страдает, в воду погружен;
Вода а ж подбородок мочит,
Кругом плоды, а пить захочет -
От уст бежит поток воды,
И то же самое плоды.
За то он страшно так наказан,
Что как-то раз презрел наказ он.
Я ж тем наказан, что стези
Моей судьбы прошли вблизи
Сирены [157], чье очарованье -

В неповторимом сочетанье
Достоинств. Зов их слыша, стражду
В желании, терплю и жажду
И голод, рядом с нею стоя.
Безумье совершив, его я
И выпью, путь проделав свой,
Один, без помощи чужой.

Пусть я один переболею,
Но выздроветь чтоб вместе с нею,
Ибо свела б на нет порыв
Она, моей не разделив
Услады; быть должно лишь так,
Чтоб мог в любви найти я смак:
Когда один другому лаком,
Страсть отдает особым смаком.
Пусть буду, как сейчас, желать я
Ее и заключу в объятья
И к ней прильну, но вдруг догадка
Придет на ум, что ей несладко
Иль терпит кротко страсть саму
Она, не зная почему, -
И смака не найду я. Надо,
Чтоб страсть мою ее услада
Дарила смаком невзначай -
Один другого услаждай!
А тот, кому все одинако,
Любовного не знает смака.
Кто этих слов не понял, тот
И поговорки не поймет:
Пусть ублажат тебя так само,
Как ты, во сне целуя даму.
Однако нет прямой причины
Скорбеть или желать кончины.
Коль вещь сомнительна, умей

Хорошее увидеть в ней.
И мне про даму думать мило,
Что слышала она, но скрыла, -
Любая дама осторожна,
Как говорят, и, знать, неложно,
Ибо, покуда не расчислит
Всего, открыться не помыслит.
Что чужестранец я, поняв,
Она подумала: «Лукав
Прислужник этот со своим
Увы!, и не желай он им
На милость вынудить меня,
Рта б не раскрыл средь бела дня, -
Так объясняю ход я странный.
Увидев же, что под охраной
Я, в заключенье и в плену,
И не застать меня одну,
По площади ль иду иль еду,
По улице ли, он беседу
Повел таким манером здесь -
Бездушья и насмешки смесь».
Что ж, зря, выходит, был я смелым?
Нет, ибо все спешат, с уделом
Смирившись злым, в унынье впасть.
«Тем жгучей страх, чем жгучей страсть», -
Твердят. Мне страшно, так как страстно
Люблю, но счастье тем злосчастно,
Что не от дамы, а дано

Мне может быть словцом оно;
Пока ж я буду жить, как прежде,
В тоске, в желании, в надежде.
Влюбленный за одно лишь благо
Сто зол готов принять, бедняга».
Гильем весьма взволнован был:
То веселится, то уныл,
То наслаждений ждет, то бед.
Фламенка, дум его предмет,
Из церкви возвратилась, снова
И снова повторяя слово,
Что в сердце спрятала она,
И хоть была возбуждена,
Очаровательно снаружи
Сумела выглядеть при муже.
Эн Арчимбаут после обеда
Из башни вышел, непоседа,
Как повелось, и в зал вошел,
Где слугам накрывался стол.
Фламенка, глядя безнадежно
На свой удел, была тревожна.
Тоска гнетет ее, печаль,
Отчаянье, себя ей жаль,
Смочило сердце влагой очи.
Она страдает все жесточе
И, жизнь кляня, что так сурова,
Гильема вспоминает слово:
«Готова крикнуть я: „У, вы!“

Не болен молвивший *увы*!,
Не пленник; нет, благообразен
И крепок, но не куртуазен,
Раз поднял он меня на смех.
Я мучусь, и смеяться грех
Над тем, кто терпит муки ада.
Шутить над правдою не надо:
Насмешка, коль над тем она,
Что правда, – пусть всего одна,
А ста лжецов сильнее ранит,
Чего он ждет? куда он манит?
Иль не злосчастной я слыву?
Иль не для мук одних живу?
Каких моих грехов он ради
Там, боже, ждал меня в засаде?
И в странном месте выпад сделан,
Хоть громко говорить не смел он,
Боясь, что может быть народом
Услышан, и перед уходом,
Как я заметила, то ал,
То бледен был он и вздыхал,
Как те, кто в страхе, иль когда
Их в жар бросает от стыда.
Что это значит, не возьму
Я в толк: желанна ли ему?
Иль о любви меня он молит?
Сперва найти пусть соизволит
Любовь – моя любовь пока

Сплошная мука и тоска,
В ней все – страданье и забота.
Скорбь, вздохи, нервная зевота,
Рыданья, горести, печали,
Грусть и томленье сердца стали
Роднею и друзьями мне.
Эн Арчимбаут со мной в войне,
Не знаю почему, все ночи
И дни: моей он смерти хочет -
Армян иль греков плен милей:
Под грузом бревен и камней
На Корсике иль на Сардиньи
Я не была б в таком унынье.
Соперница б не принесла
Иль мачеха мне столько зла».
Алис не ведала причины,
Хоть слушала ее кручины.
Та обратилась к Маргарите:
«Дитя, и вы, Алис, придите,
Услышьте про мою беду:
Покой лишь в смерти я найду;
Жжет сердце горем безотрадным
Так, что паду я трупом хладным.
Сегодня некто – знать о нем
Не знала, он мне незнаком -
Меня обидел нарочито».
– «Кто, дама?» – молвит Маргарита.
– «Благословенье давший мне.
Что он сказал, могли б вполне,
Дружок, вы слышать, стоя с краю,

Но не слыхали, как я знаю».
– «Скажите, дама, нам, а что».
– «Дружок, хоть вспоминать про то
Мне больно, я скажу вам все же,
Негоже это или тоже:
Чтоб причинить мне боль и вред,
Он, хоть и знал, что в этом нет
Ни утешенья, ни отрады,
Но мук источник и досады,
Сказал: *Увы*! как если б он,
Он, а не я, был удручен.
Сказал он так, чтоб я уныло,
Кляня судьбу свою, «у!» выла».
А Маргарита ей в ответ:
«Но, дама, право, и примет
Нет злонамеренности – где же
Тут зло? Коль внешность не невежи,
То и не низок разговор.
Благословлял же до сих пор
Не он, но он милей, чем тот,
Читает лучше и поет
И видом благороден, но,
Как видно, сердце пленено
Красою вашей, а о встрече
Для объясненья нет и речи,
Он и пошел на этот ход,
Дав знать, что перекрыт к вам ход».
За ней Алис: «Спаси нас боже,
Пусть верно чувство в вас, но все же

Как, дама, выглядел он там,
Как вел себя, приблизясь к вам?»
– «Глаз не подняв». – «Ха! ха! в помине
В том, что сказал он, нет гордыни,
Он не был дерзок или смел
Или глумлив, но лишь робел».
– «Подружка, он вздохнул с опаской,
Шепнув мне, и залился краской».
– «Слова излишни: в том ни темп,
Что он влюблен в вас, нет сомнений.
Хоть мне он вовсе незнаком,
Но куртуазный долг ваш в том,
Чтоб сочинить ответ умело».
– «Легко сказать, дружок, но дело
Сложней: чтоб слово мне сказать
В ответ со смыслом и под стать
Тому, нужна нам подготовка.
Едва ль ответила б я ловко,
Когда б врасплох меня застали.
То, что на сердце, хоть вначале
Скрыть даме ото всех уместно,
Чтоб цель была им неизвестна.
Столь взвешена должна быть речь,
Чтоб и надеждой не увлечь,
И не казаться безнадежной».
– «Что ж, разобрались в этой сложной
Игре вы лучше моего
И не шепнете ничего

Того, в чем он бы радость мог
Найти. Его прислал сам бог,
Чтоб из тюрьмы он вас извлек.
И коль из дела выйдет прок
Плохой, кто станет вас жалеть?
Вам жалости не вызвать впредь».
– «Дружок, когда он мне толково
Расскажет все, за словом слово
(И месяца за два мы, в чем
Весь замысел, бог даст, поймем),
Коль он в тисках любви, сердечной
Не скрою ласки, безупречной
Став дамой и беспрекословной
Рабою прихоти любовной.
Понять нетрудно даме суть:
Хотят любить иль обмануть
Ее; и коль любовь верна,
А путь спешит сменить она,
Ее любовь низка и лжива,
И глуп, кто ждет ее призыва.
Любовь не любит, коль не прямо
Идут: чей путь не прям, не дама -
И чье не твердо слово. Кто же
Она? Обманщица, о боже!
Отсрочками она томит
Того, кто сердцем с нею слит,
Кто верно служит ей в угоду.
Злой дьявол та, кто ждать по году

Велит, чье милосердье туго
На дар любви – усладу друга -
Всего один, чтоб, как ни мал
Он был, в унынье друг не впал.
И, коль расщедрясь, опорочит
Дар перетолком, а захочет
Друг в этом месте, в этот час
Еще чего-то – даст отказ,
Пусть знает, что и в первый раз
Не искренним, а напоказ
Был дар, обманчивым и лживым,
И что влюбленный, хоть и жив им,
Умрет от злых ее забав.
Коль разойдется с ней, он прав,
Да и не бродит пусть окрест
Тех, где она бывает, мест.
Дракон, гадюка, лев, медведь,
Волк, зебра могут присмиреть
Настолько от усердной ласки,
Что подходи к ним без опаски.
Но эту тварь, с каким усердьем
Ни тешь – все зря, коль милосердьем
Не взять ее: а где слаба
Любовь, творящая раба
Из господина, или разум,
Им не в пример, добьется разом
Там милосердие победы.
На продолжение беседы

Меня подбить хотите вы,
Но чем ответить на *увы*!»?
– «Не сомневалась бы нимало
В ответе я, – Алис сказала. -
Он, дама, должен быть не вял,
Но точен. Вы, раз он сказал:
Увы! – не скажете ужель:
Увы! *В чем боль* твоя, в чем цель?»
– *«Увы! в чем боль?* Благословенна
Оказавшая столь совершенно!
Увы! В чем боль? – слова сродни
Друг другу». Повторять они
На тысячу ладов хотели
Увы! В чем боль? все дни недели
До воскресения, когда
Гильем на мессу, как всегда,
Пришел. В смятении Фламенка:
Готовится и ждет момента,
Чтоб он принес ей за ограду
Благословенье и отраду.
Пришло желанное мгновенье.
Куда нести благословенье,
Гильему ясно, но пути
К эн Арчимбауту нет: сойти
Он медлит с хоров, а берет
Его из рук соседа тот.
Тогда подходит деловито
Гильем к Фламенке: Маргарита

С Алис, вовсю следя за ним,
В том, что прислужник несравним
Красой ни с кем, клялись, но тихо -
Тут ни к чему была б шумиха.
Фламенка, чтя любви науку,
Придумала такую штуку:
Где н'Арчимбаут был, справа, край
Псалтири как бы невзначай,
Отгородись, приподняла,
Как в фехтованье, и дала
Другому краю опуститься.
Потом, исцеловав страницу,
Сказала слышное едва:
«В чем боль?» – и вот уж голова
Так поднята, чтоб перемены
В нем видеть в продолженье сцены.
Понятно ей, что ловок он,
И осторожен, и умен,
А как поет, а цвет волос…
Уж кто бы кто ей вред принес,
Скорей сама, но никогда
Не будет от него вреда.
Не знаю, кто из двух домой
Спешил сильней, чтоб жест любой
Другого вспомнить там неспешно,
Сочтя, что более успешно
Вел дело он; но был Гильем
Тем радостнее дамы, чем
Желал сильней. Ему не лень

В гостинице: *в чем боль?* – весь день
Твердить. Но первым за вечерней
Он в храме: в чтенье что вечерней,
Что утренней молитв – весьма
Был точен, все стихи псалма
Читая по порядку строго.
Направь он к милосердью бога,
А не к Амору мысль свою,
Иль к даме, быть ему в раю.
Заснуть, когда настала ночь,
Собрался он, но спать невмочь
Глазам, словно полно в них сажи:
«Нас, – говорят, – не ради сна же
Создали! хватит спать! вначале
Ты вспомни, что мы показали
Тебе с утра. Иль псалтыря
Был край для поцелуя зря,
Ты думаешь, приподнят милой
Твоей, господь ее помилуй?
Что ж, дамы уши, вы! вина
На вас за то, что не слышна
Все время песня та: *в чем боль?*
Нет ничего, что можно столь
Большой наживе предпочесть.
Такую оказавшим честь
А мором в рабство господин
Наш взят навек за день один.
Должна быть эта речь желанна
Для вас, ведь счастьем, безобманно
Сулимым ею, сердце пьяно:

Небесная не слаще манна [158],
Что падает росы нежней.
Однажды сказанных речей
Амор не повторит: за нами,
Теперь ответ, раз перед вами
На нас был этот мяч отбит
Тем, кто внимательно следит
За всеми и тому не враг,
Кто скажет: вот владыка благ».
Тут сердце: «Только б недостатка
Не знал он в Милосердье!» Схватка
Вскипела тотчас. Не стерпев,
В проклятье рот излил свой гнев:
«Глупец, ей богу, кто вас тронет,
Дон сердце. Будет вами донят
Тот и бесчестием покрыт,
Кого каприз ваш вдохновит.
Дрянное сердце, что ты ноешь?»
– «А ты, сеньор, меня что кроешь?»
– «Тебя не тронешь, как ни крой;
Но непонятен твой настрой:
Ты ничему совсем не радо,
В твоих речах всегда досада.
Не милости ли это знак,
Что обратились к нам хоть так?»
– «Тень милости. Что толку в тени?»
– «Из-за чего все эти пени?»
– «Что ж, рыцаря тут вспомнить впору,

Которым нашему сеньору
Был сокол с напуском в подлет
Подарен в самый день охот
Под Монтарди [159]. Как помнишь, он,
Сказали нам, давно влюблен
Был в даму, что других красивей
Казалась, доблестней, учтивей,
Нежней, прелестней и юней.
При этом обратиться к ней
Не смел он, к третьему лишь году
Влюбленности открыв, в угоду
Желаньям, сердце. Та в ответ:
«Прошу, чтоб на любовь запрет
Немедля вами был наложен,
Ведь прок с такой любви ничтожен».
– «Не ваше ль чувство под запретом?»
– «Ах, знать я не могу об этом».
Вступил Амор: «Что знать не может
Она, уже пусть обнадежит
Тебя: смиренным даме будь
Слугой, старайся повернуть
По-своему, забыв тугу,
Тебе во всем я помогу».
И время лучшее он тратит
На ту, которая не платит
Ничем, – все та же дребедень,
Все там же он, где в первый день.
Вот почему, раз вы в безделье,

То не пристало мне веселье.
Вас, очи, уши и уста,
Не занимает маета
Моя; мои тоска и мука
Ужаснейшие – вам докука.
Речами лучшие из дам
Понравиться желают вам.
Фламенка знала: не ответь
Она, могли бы усмотреть
В том спесь, иль что глуха она.
При чем же тут, что влюблена?
Не тешься на *увы* ответом
Пустым *в чем боль?*: любви нет в этом,
Ни обещания любви.
Сначала мысли обнови».
В таком борении и в ссоре
Был сам с собой Гильем, и в споре.
Фламенка, как и он, покоя
Не знала, лишь догадки строя,
Могло ль словцо достичь ушей
Того, кто вписан в сердце ей:
«Алис, мной нынче ваш совет
Исполнен; слышала иль нет
Ты, как предпринята попытка
Была?» – «Я – нет». – «Ты, Маргаритка?»
– «Нет, дама, как вам удалось?
Вы повторите нам: авось,
Узнаем, слышал ли он слово.

Хотите, дама? Мы – готовы».
– «Алис, стань служкой, сделай вид,
Что он сейчас благословит
Меня. Роман о Бланшефлор [160]
Используй». Шаг Алис был скор,
Когда роман тот от стола,
Чтоб им благословить, несла
Она к хозяйке, что, потеху
Устроив, не могла без смеху
На прыскающую подружку
Глядеть, играющую в служку.
Вверх справа поднятый роман
Опущен слева вниз, и дай
Для поцелуя край листа.
«В чем боль?» – шепнула тихо та:
«Ну, слышала?» – спросив тотчас.
– «Да, дама; если так у вас
С тем, кто латынь внушил мне [161], вышел
Сегодня номер – он услышал».
Вновь всю неделю им урок
Твердить, пока не выйдет срок
До встречи в храме; та же тема
Преследовала мысль Гильема.
Когда настал момент, понес
Благословенье он в обнос
Всех прихожан, стоявших в храме,
И быстро приближался к даме.
А та, вуаль прижав неплотно -

Чтоб было более вольготно -
Ждала. *«Умру»*, – промолвил он
Благословению вдогон -
И прочь: словно всегда был нем.
Договорись они пред тем -
Друг другу не были б слышны
Ясней. Никто со стороны,
Что есть меж ними связь, не скажет.

Амор их дело тонко вяжет:
При н'Арчимбауте сделал шаг
Гильем к жене, согласья знак
Ее, для мужа незаметный,
Встречая репликой ответной.
Как в Мон Мюзар [162] сеньор точь-в-точь,
Ревнивец, вздумав превозмочь
Все, что жена ему готовит,
Ничем ее не остановит.
Домой вернувшись, на кровать

Легла Фламенка отдыхать.
……………………………… [163]
Сказала, что не хочет есть,
Эн Арчимбауту – ни при муже
Лежать: пусть ждет ее снаружи.
Он в гневе вышел. «Этот лишь, -
Фламенка вслед ему, – барыш
Получат все, кто таковы,
Ревнивый грубиян, как вы».

Она, смеясь, тотчас вскочила:

«Ну, девушки, сюда, живей,
Коль добрых ждете вы вестей!»
– «Спешите, – молвят те, – поведать
Нам суть. Безумец, чтоб обедать,
Вот-вот вернется, не минуть,
Не опоздает он отнюдь».
– «Урок мне задан неотвязный,
И краткий он, и куртуазный:
Умру!» Алис на это: «Боже,
Да он в отчаянье! Негоже
Вам не покаяться в вине
Перед Амором: вы вполне
Поверили тому, что друг
Старался вам лишь больше мук
Доставить». Говорит открыто
О том же ей и Маргарита:
«Поклясться, дама, я могу,
Не опасаясь, что солгу:
Красивей не бывают люди,
Чем служка; но манерам судя,
Для всех он может быть примером,
Коль качеству под стать манерам.
Такого, что прелестней всех,
Внезапно полюбить – не грех.
Бог приоткрыл того вам суть,
Какие в нем желанья суть.
Не удивляйтесь, что хотим
И мы, чтоб увлеклись вы им:
Приятней речь вести о друге,
Чем о мучителе-супруге
………………………………[164]

Должны придумать вы ответ
Немедленно, чему причина -
Приход, и скорый, господина.
Но не ищите слов натужно:
Надеюсь, я найду что нужно,
Предложим – вы с Алис сперва,
А я потом – свои слова».
– «Зачем, подружка, если лучшим
То будет, что от вас получим?»
– «Так коль хотите, оглашу
Ответ?» – «Хочу ль? я вас прошу!»
– «Решайте, как оно меж тех:
Увы! – В чем боль? – Умру. – Чей грех?»
– *«Чей грех?* Словца удачней нет!»
– «Да, Маргарита, ход нашед
Такой, ты вышла впрямь в труверки [165]».
– «Да, дама, но по низшей мерке:
Всех лучше – кроме вас с Алис».
Меж тем, эн Арчимбаут уж близ
Их комнаты: как бык, взревев,
Вошел; вздувает кожу гнев;
Кричит: «Так где ж вы? Все вам худо?
Вас вылечит с едою блюдо».
Тон Маргариты смел: «Потребно
Ей то, что более целебно!» -
Язык высовывает: всех,
Хоть рты прикрыли, душит смех.
Гильем, не зная перерыва,

Свои ответы кропотливо
Исследует со всех сторон.
Уединенья ищет он,
От одиночества ждет прока:
Когда один – не одиноко.
Хватает одному вполне
Бесед с собой наедине.
«*Умру*, сказал, что ж, так и будет.
Страсть одиночку к смерти нудит,
Умру один, один любя.

Амор и сердце пусть себя
Винят: не нанося побоев,
Разят, но все к тому устроив.
Коль дан безумцу в руки нож,
И он убьет, преступник тож
И тот, кем нож вручен. Я прав,
Амор и сердце так назвав,
Ибо они убийцы, верьте:
Не прямо, но повинны в смерти.
Ведь и Дидону мог Эней

Убить, не прикоснувшись к ней [166].
Господь всемилостивый! жалость
В ней сыщется ль ко мне – хоть малость -
Чтоб исцелиться я сумел?
О нет! И смерть – благой удел.
Как станет больно той, кто доли
В моей иметь не хочет боли?
Нет милости в избегшей зла.
Коль ей моя б нужна была,
Я б так, что ждать ей не пришлось бы,

Сам предложил, еще до просьбы:
Я знаю путь добра и худа
И ждать нам милости откуда.
Источник милости – беда
Другого, также как нужда:
От боли чье-то сердце сжалось -
Тотчас в мое нисходит жалость,
И доброта, в повиновенье
У ней, течет по тонкой вене -
Так милость в нас пускает корни.
Внушает жалость все упорней
Затем, как будет мне, врачу,
Отрадно, если излечу, -
И это – милости расцвет.
Коль, не хитря, затем от бед
Спасает в случае нужды,
То это – милости плоды.
Она полна цветов и зерен,
И добрый у нее, знать, корень,
Коль милосердья, наконец,
Дает ростки – всех благ венец.
Сколь эти ценности все хрупки,
Являют мне мои поступки:
Где жалость, там и неизбежность
Любви – в любви родится нежность,
Чтоб болью заболеть чужой.
Столь сильно не болел душой
И не жалел я до сих пор
Других. Устроил так Амор,

Чтоб даму я жалел, доколе
Она под стражей против вола.
Стать на пути хочу у бед
Ее – пусть мне приносят вред,
А будь мое благо суждено,
Пусть ей достанется оно,
Ее пусть болью буду болен -
Вот что влюбленный выбрать волен.
Лишь на любви даст милость всход,
На ней она и в рост идет,
Что так людьми ценимо всеми;
В ней без любви не зреет семя.
Зазеленеет поздно нива
Моя, коль милости прилива
От дамы ждать за то, что пронял
Ее страданьем – хоть и понял
По виду, что благоволит
Она ко мне и значит вид,
Что долгим быть благоволенье
Должно и даст мне исцеленье.
Амор, забыли вы о долге:
Бедой я мучим, слишком долги
Недели, слишком речи кратки.
Уж скоро собирать початки,
А я несчастлив был, сажая!
Какого ждать мне урожая,
Коль два мюида лишь успел
Посеять! [167] Будет хлеб незрел:

К отаве впору быть побегам,
Чтоб мерзнуть подо льдом и снегом.
Не сгубят, впрочем, холода
И ветры нужного плода.
Но зря я дал себя тревоге
Увлечь: Бог милостив! в итоге,
Сколько семян, столько травы.
Семь дней ждало в земле *увы*,
К восьмому же взошло на ней.
Трудился новых я семь дней,
Чтобы посеять лишь *умру*,
А урожай свой соберу
С него через такой же срок:
Дай бог увидеть, чтоб росток
На радость мне поднялся выше.
Не видя знаков и не слыша,
Жить стану – как ни благ будь знак -
Коль он не из истока благ [168].
Таких больных не видел я,
Чтоб пили прямо из ручья,
Напротив, все, стремясь ко благу,
Пить жаждут ключевую влагу.
Цветок шиповника до роз
Садовых также не дорос.
Но ключ и роза вместе – та,
Чья орошает красота.
И так она желанна мне,
Что думой лишь – и то вполне

Доволен я: чем больше дум
О ней, тем вдумчивее ум.
О знали б вы, как мог прижать я
Ее к себе, раскрыв объятья,
Как льнул бы к ней, ее любя,
Как с ней свободно б вел себя!
Но слишком я болтлив, невежа,
Плету о том, как льнуть к ней, нежа,
А льнуть без позволенья – грех.
Не нужен вовсе мне успех,
Знай я, что дама не согласна.
Безумцем, столь желанье страстно,
Я стал, чем дерзкий мой напор
И объясним, – а все Амор:
Им посылалась среди сна
В объятья мне не раз она.
Но утверждать нельзя без спора,
В чем больше милости Амора,
Во бденье ли моем, иль в сне,
Молчать об этом надо мне.
Пусть мой язык, коль я отмечен
Амором, будет небеспечен,
Тая, что я попал в фавор,
Пока не повелит Амор:
В его я власти – не зазорно
Мне исполнять приказ покорно».
Рабочие, что в воскресенье
Пришли, все были в изумленье,

Когда велел он клясться им
Пред тем, как замыслом своим
Делиться с ними о работе.
Нехватки не было в охоте
У них, весьма искусных в деле.
Днем взаперти они сидели,
Трудясь при свете по ночам.
Чтоб не поднялся шум и гам,
Они умело заглушали
Скрип дерева и скрежет стали.
В семь дней вся сделана работа
Была: не верилось, чтоб кто-то
Заметил ход, был пол совсем
Как бы не тронут; сам Гильем,
Хотя все время был при том,
Вход различал с большим трудом.
Весь путь туда он и обратно
Прошел, сняв камни аккуратно,
Чтобы увидеть, все ль надежно
И что еще улучшить можно.
На день восьмой же мастерам
Идти домой, Гильему – в храм.
На службе он сосредоточен
И тем безмерно озабочен,
Чтоб вовремя благословенье
Подать, к чему в нем все и рвенье.
В удобный миг дает, уносит
С невинным видом. Произносит

Фламенка, между тем: *«Чей грех?»*
Он внемлет слову без помех
И опускает в сердце прямо.
Скрывается немедля дама,
В свой отступая уголок,
Где ей Амор дает урок,
Дескать, не так уж и жестока
Судьба, и ждать недолго срока,
Когда от казни им она
Вдруг будет освобождена.
Алис и Маргарита, глядя
На служку, млеют, и в их взгляде
Восторг от каждой в нем черты
И от столь полной красоты.
Домой вернувшись, все идут
Немедля в комнату и ждут,
Чтоб н'Арчимбаут ушел. «Сестрица, -
Так к Маргарите обратиться
Спешит Фламенка, – вате слово,
Придуманное столь толково,
Передала я по секрету».
– «Что ж, славу богу, если в эту, -
Ей Маргарита говорит, -
Минуту не был слух закрыт
Того, чьи ушки на макушке».
– «Ни для тревог причин, подружки,
Нет, ни чтоб страху в сердце вкрасться,
Готова вашей дружбой клясться,
Что мог он прежде, чем уйти,

Услышать, только захоти.
Не должен быть ваш ум смущаем
Тоской, мы все в четверг узнаем,
Ведь Вознесение вот-вот».
Алис в ответ: «Недостает
Нам праздников, и недочет
Такой исполнен лишь невзгод.
Набит в начале ими год:
То этот что ни день, то тот.
Жаль, к лету сякнет их запас!
Неделю пятую у нас
Нет праздников, лишь день воскресный,
Зато есть служка столь прелестный,
Что ждем мы встреч но дням воскресным
С творцом и служкою прелестным.
Благословен будь тот, кем он
Был прежде грамоте учен!
Неграмотный ничтожен столь,
Что хлеб ценней его и соль.
Удел презренный уготован
Тем знатным, кто необразован.
Взять даму: более она
Достойна, коль просвещена.
Вот вы: когда б, ответьте честно,
Не знали то, что вам известно,
То как в течение двух лет
Спасались бы от ваших бед?
Вы б умерли от этой пытки!
А так, глядишь, печаль в убытке -
Был чтением досуг ваш занят».

Фламенку и ответить тянет,
И девушку к себе привлечь:
«Умна, подружка, наша речь,
Я с вами полностью согласна.
Тому и сам досуг напрасно
Дарован, кто необразован:
В нем только смерти слышит зов он.
Едва ль найдется средь людей,
Хоть по земле ищите всей,
Такой ученый грамотей,

Чтоб знаний не желал полней.
Всяк неуч, хоть бы и дремучий,
Учился бы, представься случай.
А были б знания в продаже,
На них не пожалел бы даже
Скупец казны большой своей,
Ища товару поценней,
И мог быть только книгочей
Придумщиком таких затей».
Меж тем, Гильем, уединясь,

В порядке слов находит связь:
«Я лишь словцом *чей грех?* одарен,
Но ей премного благодарен
И за *чей грех?*, ибо на это
Ждет моего она ответа,
Спросить *чей грех?* благоволив.
Ответ же мой неприхотлив:
Недуг мой, что ведет ко гробу, -

Любовь, ибо в одну особу
Влюблен я; мук причина всех -
Та, кем я спрошен был *чей грех?*
В любви я счастлив, ибо понят:
Сколь голос мой ни тих, все помнит
Она, что молвил, наизусть.
В час добрый с ней случится пусть
То, ждет чего она и хочет,
Чего моя мечта ей прочит!
В ней вежество исподтишка
Рождает мысль, что столь тонка,
Чтоб речь ее связать с моею.
Чем больше смысла разумею
В ее словах, тем больший лад
В них виден: сам сказать бы рад
Был так. Иль в этой передряге
Не о моем печется благе
Она? Нельзя найти верней
Ответов к выгоде моей,
Не будь ей мило, не искала б,
А не ища – не отвечала б.
Так я сужу, и вывод мой -
Что мысль ее задета мной.
Пусть знает злой моей кончины
И моего *умру* причины».
Гильем с утра в день Вознесенья
Готовился. Благословенье
Дать не желая абы как,

Он рассчитал свой каждый шаг,
В миг должный молвил даме внятно:
«Любви», – и повернул обратно.
Эн Арчимбаут не стал зевать,
Он вышел раньше всех опять.
Не мог найти после обеда,
Чем бы заняться, привереда,
Но бог прислал к нему гонца,
С ним был весь день он до конца.
В столь необычном беспокойстве
Была Фламенка, что в расстройство
И размышленье на постель
Легла. «Где, дама, вы? Ужель, -
Пред нею встала Маргарита, -
Вам нынче не было открыто,
Дошел мной найденный ответ
До собеседника, иль нет?»
– «Вы ль, друг мой, не смекнете здравым
Умом, коль и не выдам я вам
Того? Ответ его не странен
Для вас: любовью, дескать, ранен,
Любовь винит он, умирая.
Подумать, из чужого края
И плачется, что в ту влюблен,
С кем и знаком-то не был он».
Алис не в силах, вняв рассказу,
Терпеть, и речь такую сразу
С одушевленьем повела:

«Но от какого ж был бы зла
Еще он в этакой печали?
Побили б или обокрали
Его, винить не стал бы вас.
Я в нем влюбленного тотчас
Узнала из-за этих жалоб,
Иначе вас смущать не стала б
Заране; не любви примет
Искать вам надо, но ответ».
– «Дружок, тут не над чем уму
Трудиться – я спрошу: *к кому?*
Знай я, *к кому*, так достоверно,
Как то, *с чего* ему так скверно, -
И будет у меня тогда
Сильней, чем в первый раз, нужда
В советах». Ей Алис: «Все благи
Советы, если в каждом шаге
Согласье нужно вам обоим.
Ничто не справится с настроем
Таким, как ваш, в стремленье к цели -
Лишь сами б вы не захотели
Дать знать, что сердце на замке.
Вы вспомните о муженьке -
Как дик он, как всегда он строг.
Но к вашему же благу бог,
Чтоб вкус придать особый счастью,
Вас одарил теперь напастью.
Чтоб впредь блаженней было, ныне

Удел ваш – быть при господине.
По воле бога, день придет,
Когда обилие невзгод
Должно приправой стать к усладе, -
Не плачьте, будущего ради!»
И вот, Фламенка в воскресенье:
«К кому!» – беря благословенье,
Шепнула, подгадавши к мигу,

Когда могла уткнуться в книгу.
Гильем чуть из себя не вышел,
Когда ее *к кому?* услышал;
Он думал: «Милостивый боже,
Сказать *к кому?* – с насмешкой схоже.
Иль сомневается она
В том, что любовь моя честна?
Ведь ясно, что по ней тоскую,
А не корю пред ней другую,
Я покорился ей одной,

Дав власть распоряжаться мной.
Но коль она заставить хочет
Открыть ей, что меня так точит,
Я все скажу: из-за нее
Страданье я терплю свое,
Из-за нее меня нещадно
Амор терзает, но отрадно
Настолько вместе с тем мученье,
Что не хочу я исцеленья».
Фламенка и ее подружки,

Отнюдь не дурочки-простушки,
Приятных множество бесед
Вели втроем: любой ответ
Припомнив, повторяли вслух,
Так что огонь любви не тух.
В день самый Троицы Гильем,
Благословенье дав, пред тем
Как к капеллану повернуть,
Успел: *«Да к вам!»* – дрожа, шепнуть;
Тогда она в душе сказала:
«Не просят на правах вассала
Так о любви, но знатен он.
Я, верно, первая из жен.
Которую так просят: речи
Поспешны, считанные встречи,
Любовь с молитвой вперемежку.
Супруг мой зря затеял слежку
За мной и держит взаперти!
Нашла того я, кто найти
Поможет из тюрьмы мне выход, -
Нет мужу от присмотра выгод».

Так дама молвит погодя
Девицам, в комнату войдя
И как бы мучась от удушья:
«Что говорить теперь? Нарушь я
Устав игры – а завтра дать
Ему ответ могу опять, -
Зло поступлю и неучтиво».
Вступает Маргарита живо:
«Коль вы откроете сейчас,

Что, дама, на душе у вас,
Совет дадим мы, не робея.
Каков ваш вывод и затея?
Иль не дадите вы сеньору,
Что вас увлек – за что Амору
Спасибо, – вам служить, любя?
Ведь не найдете для себя
Вы никого, кто так же хочет,
Как тот, кого Амор вам прочит,
Вас от тюрьмы и мук избавить».
Алис не может не добавить:
«А долгий ожиданья срок
Льстецам коварным только впрок,
Тому ж, кто силы тратить будет
Напрасно, это душу студит;
В затяжках корень многих бед.
И я такой даю совет:
Снять с сердца тайные покровы,
Дав знать ему, что вы готовы
Принять его дары благие,
Коль он сеньор куртуазии.
Изыскан столь и ловок он
В таких делах и так влюблен,
Что вас, как и себя, не сгубит,
Ничем не возбудив – что любит
Он вас, а вы его – молвы.
Когда ж соединитесь вы,
Не будет пары ни одной

Такой, хоть солнце взять с луной.
Для вас он – солнце: светел, зноен.

А мором ваш союз устроен -
Разрушить может осторожность
Его. Допустите оплошность,
Прервав ответом неудачным
Игру. Пусть будет он двузначным,
Чтоб слышал зов сеньор в словах,
Но чтоб в его любви был страх».
– «Дружок, поправится ли вам,
Коль я вопрос: *Как быть?* – задам?
Тут обиняк такой, что он

Не может быть ни убежден,
Что я люблю, ни безнадежен».
– «Так точно ваш вопрос изложен,
Что он не должен быть забыт», -
Ей Маргарита говорит.
– «Захочет бог, так удержу
В уме и завтра же скажу».
Назавтра, клятве той верна,
Благословенье взяв, она:
«Как быть!» – Гильему молвит глухо,

Но слышно все. когда у слуха
Желанье слышать есть. Немедля
Он удалился: «Благ ли, бед ли
Мне ждать от этих слов, бог весть:
В них как бы и надежда есть,
И страх невольный к ней примешан,

Раз остаюсь я не утешен.
Как быть! – ни блага, ни вреда;
Как быть! – тут нет ни нет, ни да.
Но при желанье добрый знак

В словах, которых смысл двояк,
Найти – в них больше да, чем нет.
Как тонко ею дан ответ!
Впрямь царственный у дамы ум:
Слов не бросает наобум,
Но в лад моим их подбирая.
Благой господь, во имя рая,
Что мне обещан, в соглашенье
Давайте вступим: приношенья
Мои все прежние в залог

Того пускай любой пророк
Или апостол ваш возьмет,
Что весь французский мой доход
На новые мосты и храмы
Я дам, а вы мне – милость дамы,
Но чтоб она того хотела,
Иначе выхожу из дела
И не приму от вас ее,
Как и даров……………… [169]
От нашей щедрости великой,

Стань даже я всего владыкой».
Неделя пролетела вмиг;
В *как быть?* находит он родник
Отрады, жизни: ни изъяна

В ответе больше, ни обмана
Не видит, ни клубка причин,
Но только добрый смысл один:
«Господь храни меня от зла!
Вместо *как быть?* она могла
Сказать впрямую: безотложно

Все сделаю я, что возможно.
«Хотеть» с «уметь» – себя примерно
Ведут, коль третье – «мочь» – мне верно».
По Троице, в день аккурат
Восьмой, ничтожный в смысле трат [170],
Когда был празднуем Варнава-
Апостол [171], не имела нрава
Фламенка, словно бы святой
Лишь исповедник был простой,
В храм двинуться из башни тесной,

Но он попал на день воскресный.
Она ж и не ждала, что вдруг
Ей предоставится досуг.
Гильем, Амором и истомой
В тот день учимый и ведомый,
Когда настал для слова срок:
«Лечить», – промолвил под шумок.
Фламенка тотчас думать стала
И в сердце этак рассуждала:
«Как я любовную тугу

Другого утишить могу?
Такой мне способ не знаком.

Чем больше думаю о том,
Тем меньше нахожу, посредством
Чего, каким целебным средством
Спасти того, кто болен мной,
Как убедил меня больной.
Что был он дерзостно отважным,
Из доказательств самым важным
Считаю я и безусловным
Того, что он в плену любовном.
И даже не скажи мне он,
Я б знала, что в меня влюблен,
Ибо не стал бы мой покой
Смущать из-за любви к другой».
Все, что на ум пришло ей в храме,
Девицам теми же словами
Рассказано: подход им мил
Ее, как и гильемов пыл.
Решают все на новый шаг
Пойти, задав вопрос: *«Но как?»* -
Ибо не видно им лекарств,
Чтобы избавить от мытарств
Любви тою, кто не выносит
Мучений – и леченья просит:
«Кто столько сделал до сих пор,
И дальше будет так хитер,
Что сыщет лучший способ, коим
Себе и вам помочь, обоим».
– «На то да будет воля божья, -

Фламенка молвит, – хода все ж я
Не вижу, чтобы услаждаем
Он мною, также как и я им,
Быть более, чем ныне, мог».
– «Труд бога мног и в малый срок, -
Алис в ответ. – Беду отвага
Сразит. Кто сделал, что бедняга
Ваш муж в незнанье был, тот впредь
Заставит многих окосеть -
Что окосеть! – он ослепит,

Невинный вид его слепит,
Как и смиренные манеры.
И он, в ком столько чувства меры,
Что мог свой замысел изречь,
Для всех неслышной сделав речь,
Однако внятной вам, к которой
Он и приходит, – выход скорый
Найдет, как встретиться свободно
Могли б вы, если вам угодно».
О том судили постоянно

До дня святого Иоанна [172],
Который выпал на субботу.
Гильем не зря свою работу
В тот делал день: он слух напряг,
Благословляя, и: *«Но как?»* -
Услышать смог, псалтырь беря,
Она ж, коснувшись псалтыря,
Ладонь его почти задела
Своею. Куртуазно дело
Вел Иоанн святой, коль так

Подать задумал явный знак
В свой день Гильему, знак удачи.
А тот любил его тем паче,
Что мог всем сердцем чтить святого,
Который прямо в сердце слово
Направил, путь открыв окольный.
На хоры он взошел довольный,
Лишь бы священник пел быстрей:
Не для его сейчас ушей
Полуденной молитвы [173] стих.
Но вот урок обычный их
Свершен: собрался второпях
Домой, обедать при друзьях -
Хозяине и дон Жюстине -
Решив. Поели; нет в помине,
Хоть и прилег в постель он, сна:
Все снова вспомнив, что она
Сказала, до *но как?* дошел он
И тут запел, восторга полон:
«О сладостная, захоти
Вы мне поверить, я б найти
Мог хитрую уловку скоро,
Чтоб вас избавить от затвора,
В котором держит злой супруг,
Себя же – от любовных мук,
Без коих не живу и дня.
Но если милостью меня
Вы так одарите, как вчуже
Сейчас радеете о муже,

Мы впредь на беды не возропщем,
Поскольку счастье будет общим.
Мной общим названо оно,
Ибо мы блага два в одно
Сольем, сказав: вот благо наше,
Все и мое оно, и ваше;
Воспримет каждый как свае
Его: я – ваше, вы – мое.
Быть надо в стачке компаньонам:
Что с сим случится, то и с оным».
В воскресный день по Иоанне
Святом всегдашнее старанье
Гильем выказывал во храме.
С благословением он к даме
Шел радостно – и не зазря
Сходил, успев шепнуть: *«Хитря»*.
Фламенка девушкам про это
Поведала, прося совета
Скорейшего, чтоб не застиг
Ее врасплох тот близкий миг,
Когда настанет в нем нужда.
Алис в ответ: «В том нет стыда,
Чтоб все открыть вам, что в душе
Найду, как делала уже.
Устроил бог вам встречу с милым,
Я думаю, ему по силам
К спасенью отыскать пути.
Вам в самый раз произнести:

Начни ж! – пусть будет он в заботе.
Сам не начнет – вы не начнете».
Ей Маргарита вторит в лад:
«Такой в ухаживанье хват
Имеет, верно, наготове
Лукавых средств для нужд любови
И хитростей большой запас.
Когда бы, уверяю вас,
Мы жили в древние века,
Найди такого я дружка,
Счесть за Юпитера его
Или другое божество
Влюбленное [174] могла бы. Смело
Начни ж промолвите; не дело
Влюбленных мешканьем ненужным
Томить, как свойственно досужным
То дамам: россказни в еду
У них идут, и про беду
Забыв, становится безгласен
Влюбленный, их объевшись басен.
Впоследствии они серьезно
Раскаиваются, но поздно.
Кто может сделать, но отсрочит,
Не сделает, когда захочет».
Фламенка, тяжело вздохнув,
Бледнеет. Тут Алис, чихнув,
Вступает: «Наше предприятье
Удастся; более чем кстати

Понадобилось мне чихнуть».
– «Алис, благословенна будь. -
Фламенка ей, – за то, как мило
Меня, утешив, вдохновила.
Я вижу, как подать, нашед,
Вы рады искренний совет,
И выполнить его готова.
Но, это выговорив слово,
Я на любовь согласье дам.
Не знаю, не навлечь бы срам
Тем на себя мне, что сдалась я
Поспешно, дав ему согласье».
Алис на то: «Не будет срама,
Ибо Амор так хочет, дама.
Вот если б, сердцем не любя
Его, так сделали, себя
Корить вы подали бы повод.
Но где в руках Амора повод
И доброй воли, с полным правом
Безумье верх над смыслом здравым
Берет. Но не безумен здесь
Амор, что подтвердит вам весь
Сонм умниц, храбрецов, учтивцев
И прочих, кто не чтит ревнивцев.
И все, чья жизнь полна печали,
Поверьте, это бы признали,
И даже сам наш господин,
Когда проник бы вглубь причин».

В четверг свершался праздник славных
Страстей апостолов двух главных [175],
Чья на небе всех выше сила
После святого Михаила [176].
В тот день благой настало время
Фламенке укрепить в Гильеме
Надежды: знать, что он любим,
Дала – момент был выбран им -
К сему прибавив куртуазно
И дар, исполненный соблазна:
Не сразу были ею скрыты
Уста и очи и ланиты,
Так что вперен был взгляд во взгляд,
Пока он не пошел назад.
Стоять, ее не видя ясно,
Подолгу – для него опасно,
Опасней всех – стоящий справа
Ревнивец дьявольского нрава.
Гильем обрадован: неложен
Знак, коим был он обнадежен,
Теперь он верит в свой успех,
Амором поднят выше всех
Влюбленных он – удел благой
Ждет давшую ему покой!
Хозяйку он к обеду просит
Придти, чем радость ей приносит,
Ибо и муж, и домочадцы
Могли застольем наслаждаться.

Позвал под свой вернуться кров
Он их, ибо вполне здоров
И надобности нет в дому
Жить в одиночестве ему,
Поскольку в мазях нет и пастах
Нужды, а также в ваннах частых.
В ближайший день, когда опять
Близ дамы был он, ей сказать:
«Есть план» – сумел: удивлена,
Взор нежный бросила она,
Так что, лобзаньем глаз – лица
Коснувшись, обнялись сердца.
И так лобзанье было сладко,
Что их утихла лихорадка.
Фламенка шепчет: «За три дня
Едва ль, чтоб вылечить меня,
Нашел он действенные меры?
Ах, как мне не хватает веры!
Сомненье тут – большое зло.
Не вдруг ему на ум пришло,
Но думал он, как осчастливить
Меня; и что нельзя строптиветь,
Его печаля, сознаю.
Но мне покажутся восьмью
Два дня, пока он мне откроет
Свой хитрый план и все устроит.
И я клянусь на этом месте,
Что если для того, чтоб вместе
Нам быть, он к хитрости прибег

И план по мне, я с ним навек.
Один пришел помочь – ему
Отдам любовь я одному.
От смерти спасшему врачу
Лишь одному служить хочу.
Знать, ниже рыцарей порода
В моей стране, коль за два года,
Что я горюю взаперти,
Сюда не порадел придти
Никто; и в этом никого нет

Краю, кто, видя, как хоронят
Меня живьем и как томят,
Помочь хотел, помочь был рад,
Когда совсем мне невтерпеж.
И вся их куртуазность – ложь,
Коль чужестранка смертно тужит
При них; но кто любви заслужит,
Так проявив себя, как он,
Не будет в сердце заменен
На подлого лгуна, чей рот

Твердит, что от любви умрет,
Душа ж исполнена коварства:
Пошли господь ему мытарства!
Где тот, кто б чтил таких людей?
Но захоти господь, чтоб сей
Всех тех как рыцарь превзошел,
Я б их избавила от зол,
Каких желаю с полным правом
Им, безучастным и неправым;
Тем больше этот мной любим:

Из-за меня висит над ним
Опасность смерти. Но доселе
Призор был божий в этом деле,
Молю всем сердцем, чтоб призреть
Бог пожелал за ним и впредь.
Он слышит, верю я, мольбу,
Зря скорбную мою судьбу».
Такие в храме ей не чужды
Мечты. Вернувшись после службы,
Когда из башни, дав досуг,
Ушел – ревнивый ли супруг
Сказать, ревнивец ли женатый, -
Фламенка молвила: «Чреватой
Тем ваша проповедь была,
Что сердцу стала тяжела
Мысль противостоять напору
Любви к столь славному сеньору.
Он мне, что хитрый план готов,
Сказал, но не сказал, каков».
Алис ей тотчас: «Так как дело
Хотите передать всецело
Вы нам, благодарим мы бога,
Поскольку в случае итога
Благоприятного – похвал
Достойны будем мы; провал
Означит то лишь, что мы слабы.
И тут любая предпочла бы
Наказанною быть жестоко,

Чем ждать за то от вас упрека.
Но знает любящий господь
Все ваши злоключенья вплоть
До содержанья взаперти,
Без прав и на цепи почти,
И вам, избавив от обид,
Дать благо соблаговолит.
И если будете вы верной
Тому, кто этот труд безмерный
Взял на себя, и безупречной
Любовью, пылкой и сердечной,
Одарите, клянусь, во всех
Делах вас будет ждать успех.
Так, верьте, план его слукавит,
Что и его, и вас избавит
От бед; спросите лишь: *Какой?* -
Едва ль тут дашь совет другой.
И если план по вам, должны вы
Довольны быть и нестроптивы
И дать согласье на него
Немедля». Мненье таково
И Маргариты: «Чтоб сеньору
Потрафить, вы, трудясь, дать фору
Тысячекратную трудам
Его должны, приятным вам.
Тут доказательство весьма
Несложно: у него тюрьма -
Одна, к тому же есть в ней радость:

Любви там вашей скрыта сладость.
У вас же две тюрьмы – в одной
Вас муж, от ревности шальной,
Весь день пугает грозным ревом
И не ласкает добрым словом.
Другая – сердце, чья мечта -
Так жить, как хочет красота,
Честь, юность, здравый смысл, учтивость,
И радость, и сладкоречивость.
Вы удовлетворить влеченья
Не можете – вы в заключенье.
Тюрьма – двойная, двойность эта -
От принужденья и запрета:
Запрет вас заставляет ждать,
А принуждение – страдать.
А у него лишь вас нехватка,
Ни в чем другом нет недостатка.
Как вы для мира, так для вас
Потерян мир, что вас не спас.
Вас доводом сражу я здравым:
Ведь вы, когда б сеньор стал здравым,
Быть перестали бы больной
Тем самым, победив двойной
Недуг, а не один, как он, -
Тот, коим вами заражен».
Фламенка ей: «Скажи мне, этот
Диалектичный мыслить метод -
Какого следствие урока?

Будь в арифметике ты дока,
Знай астрономию глубоко
И музыку – не много прока
Мне было б в том: но в медицине
Мастак ты! От тебя отныне
Нет тайн, и что таю в груди,

Ты знаешь все – руководи!
Вот, больше нет меня с Алис,
Но три души в одну слились,
А все из-за того, кто будет
Защитой мне и боль остудит,
Его вина, что так длинна
Неделя: тянет дни она».
Лишь в день восьмой случилось ей:
«Какой?» – спросить; чрез восемь дней
Ему шепнуть было удобно:

«Придти» – в ответ; сказать подробно,
Туда ль, сюда ли, он не мог.
Прошел до новой встречи срок,
И на святую Магдалину [177],
По установленному чину,
Могла Фламенка без труда
Гильему вымолвить: *«Куда?»*
– *«В дом ванн»,* – он ей назавтра. Значит,
В том месте что-то он мастачит,
Фламенка поняла, и ход

Какой-то, видимо, найдет,
Чтоб с нею повстречаться в ваннах.

Святых и бога в неустанных
Молитвах просит об успехе
Она и чтобы без помехи
Все сладилось; затем доклад
Подружкам делает. Те в лад:
«Хоть, дама, и приятна весть,
Купаться мы когда-невесть
Пойдем; ждать долго, вот беда».

– «Так что же, мне спросить: *когда?»*
– «Да, дама, место не уедет
От нас теперь, пусть день наметит».
– «О том вот-вот могу его
Спросить – большое торжество
Во вторник дарит нам седьмица:
Иаков Компостельский [178] чтится».
В тот день ей удалось: *«Когда!»* -
Спросить где нужно и когда,
Чем был он радостно всполошен,

Ибо о дне свиданья спрошен.
Он мог ответить сразу ей,
Но дал бы выстричь крест [179] скорей
На голове иль лоб прижечь
Железом, чем словцо изречь
Иль звук издать решился б прямо
После того, как смолкла дама.
Четыре дня он ждет; сошед
На пятый к ней и свой ответ:
«В удобный день» [180], – услышать дав,

Он удаляется стремглав.
«Что ж, у меня хоть выбор есть, -
Фламенка судит, – предпочесть
Тому, чтоб был недуг мой вечен,
То, чтобы разом был излечен
Мой дух больной, могу сейчас.
Приди туда я только раз,
И исцеление в Аморе
И в Радости найду от хвори,
Поняв, как жить мне не скорбя
И разом вылечив себя.
Лишь бы ответ найти достало
Мне времени, его так мало,
Ведь только завтра и полдня
Для подготовки у меня;
Священник объявил с утра,
Что мы во вторник чтим Петра [181],
Календы августа грядут.
Коль на себя Амор взял труд
Соединить нас, пусть готовым
Меня обрадует он словом».
Из храма выйдя, к госпоже
С вопросом, назван ли уже
День, Маргарита подошла;
Фламенка ей: «Как ты мила,
Подружка! День любой, зависит
От нас; но, я боюсь, превысит
Отраду новая тоска:
Как, свет дрожащий огонька
Гася, клубятся тучи дыма,

Так скорбь, которой я томима,
Клубится, горечью туша
Свет страсти, коей ждет душа».
Алис ей: «Милующий всех
Бог множество создаст помех
Тому, чтоб свет любовный, в вас
Лучащийся, от тягот гас!
Страсть лучшие теряет свойства,
Коль страха нет иль беспокойства.
Страсть очищает скорби: гот

Ей чужд, кто избегал забот.
Но страх, от коего б зачах
Восторг любви, – негодный страх,
А страх, от коего расцвет
Любви настал бы, – не во вред.
В том – дар цветка, в другом – листа,
В том – радость, в этом – маета.
И что вы любите – несложно
Узнать: вам страшно и тревожно».
– «Подружка, я и впрямь люблю.

И кто бы знал, какой терплю
Я боли и тревоги гнет.
Терзает, в свой черед, и гнет
Меня Амор, и Страх, и Стыд,
И кажется, что норовит
Любой из них больней воткнуть
Иглу мне в спину или в грудь.
Не оставляет Страх в покое,
От дел остерегая, кои

Мой господин признать бы мог
Худыми и меня бы сжег.
Стыд нудит делать все судом,
Да не столкнусь с людским судом.
А мор же учит, что в делах
Любви губили Стыд и Страх
И будут впредь губить отвагу.
Тот чужд любви, кто к ней ни шагу
Не сделал из-за сих помех
И сердце тем лишил утех.
Ведь как изрек Овидий встарь,
Амор есть господин и царь [182],
Всех в мире обложивший данью,
И моему он враг шатанью.
Коль лен [183] во мне утратит он,
Ему обида, мне урон:
Лен конфискуя, коль оброк
Ему не будет отдан в срок,
Он действует как сюзерен.
Его ж, имеющего лен
Во мне, не в силах выгнать я:
Чей лен, тех право и жилья.
Гонец им послан куртуазный
Узнать, как встречу: с безотказной
Приветливостью, иль сразив
Презреньем. Так гонец учтив,
Притом что требовать он вправе,
Что не сложить бы мне, раззяве,

Здесь головы, попав впросак:
На виноватых, знавших, как
Должно быть, больший, чем за тех,

Кто ни о чем не ведал, грех.
Я знаю от судящих здраво:
Амор на дам имеет право,
Не на какую-то из дам -
На всех; и знать полезно нам,
Что за своим в тринадцать лет
Приходит он; а коль, пришед
В шестнадцать, не получит вена [184],
Сей долг чреват отнятьем лена,
Коль не простит Амор того.

До двадцати же одного
Не могшая хоть половину,
Треть, четверть долга господину
Отдать – не полноправный ленник,
А откупщик-иноплеменник,
Гонимый с присными из дому:
Он рад беседе иль приему
Случайному, как благостыне.
Спасаться должно от гордыни,
Пока есть время, даме каждой:

Кто ошибется лишь однажды,
В другой раз дело сладить может,
Но ничего уж не поможет,
Когда перейдена черта
И не вернется красота

И юность. Снова б я и снова
Твердила: все решает слово
Одно: согласье иль отказ».
Тяжелый вздох ее сотряс,
Она зевает, стонет; мнится,
Что сердце перестало биться.
Слезами льется скорбь из глаз:
«Увы! в недобрый, видно, час
Я родилась и возросла,
Что жизнь теперь ко мне так зла.
Лишь в том я утешенья чаю,
Что скоро дни свои скончаю
От ран, о боже, наносимых
Любовью, тяжких, нестерпимых.
Амор, вы мучите обстрелом
Меня, и нет преграды стрелам,
И никогда ваш самострел
Не выпускал столь острых стрел.
Не знала я, что претерплю
Страданье, если полюблю!
Но так как ваши неизбежны
Удары и настолько нежны,
Что тем приятнее, чем жгучей,
То принимать их – выход лучший.
Сойдите же в свое жилье,
Вам подсказать должно чутье,
Что сердце верное мое -
Теперь приют ваш и жилье:

Вас ждет радушная там встреча,
Я все исполню, не переча.
Того же просьбу, кто от вас
Пришел, приму как ваш приказ,
По мне! – отвечу, чувств не пряча,
Ибо не выжить мне иначе».
Так кончив, впала в забытье,
И в обмороке том ее
Эн Арчимбаут застал; в руках
Алис ее держала, страх
Тая: вдруг та, очнувшись, скажет
Слова, которые он свяжет,
Поняв, что в забытьи она
Из-за того, что влюблена;
И, плача, крикнула во весь
Свой голос: «Господин наш здесь!»
Так был: «Здесь господин наш!» – крик
Силен, что сразу в слух проник,
Но прежде, чем раскрыть уста,
Ответ сообразила та,
Который даст, когда наскучит
Он ей вопросом: «Что вас мучит?»
Ревнивец мечется; прохладной
Воды принес; струей изрядной
Лоб спрыснул: веки разошлись,
Взор дамы устремился ввысь.
Он, после тягостного вздоха
Ее спросил, с чего ей плохо.

«Сеньор, томимая сердечной
Подагрой, злой и быстротечной,
Умру я, коль не получу
Совета, обратясь к врачу».
– «Я думаю, что лучше всех
Лекарств мускатный вам орех,
Коль принимать раз в день, поможет».
– «Сеньор, подагра сердце гложет
Уже слабей, но были б ванны
Мне в этом случае желанны,
Лечилась так я до сих пор,
И в среду б их могла, сеньор,
Принять: луны сейчас ущерб,
Но через трое суток серп
Начнет расти [185], хоть и украдкой,
И я избавлюсь от упадка
Сил, гибельного для сердец,
Ведь я решила, мне конец».
– «Коль, дама, лучше вам от ванн,
То случай выкупаться дан
Вам будет, о запрете речи
Не может быть. И ставьте свечи
Перед святыми: пред святым
Петром – он в этот вторник чтим -
Свечу длиннее всех и краше,
Пусть видят благочестье ваше».
– «Ах, ваша речь приятна мне,
Сеньор, но нас наедине
Оставить соблаговолите.

Заняться ваннами велите».
– «Исполню все я в лучшем виде», -
Он фыркает, на площадь идя.
Но прежде дверь закрыл, замкнул
На ключ и ключ за пояс ткнул.
Затем направил к Пейре Ги,
Что на крыльце сидел, шаги:
«Займитесь, – молвит, – чисткой ванн,
Принять их есть у дамы план,
К среде готовы быть должны,
Отсрочка – из-за фаз луны».
Пейре ответил образцово:
«Сеньор, все будет в срок готово».
Когда Фламенка от припадка
Оправилась и все так гладко
Сошло и н'Арчимбаут ушел,
Обеспокоен, мрачен, зол,
Она давай стенать, скорбя,
Вздыхать и злиться на себя
И жаловаться на Амора.
Меж тем, приходит вторник скоро,
И говорит она: *«По мне»* -
«Да» этим заменив вполне.
Причем, рукою левой тронув
Гильема правую, законов
Любви не преступила, жеста
Не выдав; и, пройдя на место,
Садится, чтобы скрыть волненье,
Ибо в душе ее смятенье
Великое, тоска и страх:

Ее любовь теперь в руках
Особы, столь ей непонятной;
Но все узнает, на попятный
Коль не пойдет, – причем ей правда
Откроется не позже завтра.

Гильем, как услыхал *по мне,*
Так рассмеялся в глубине
Души, столь был необычаен
Вкус радости. К ночи хозяин
Двум из помощников велит:

«Бароны, ваннам должный вид
Придайте: вымойте снаружи
И изнутри; пора, к тому же,
Слить воду – свежая вода
Пусть будет налита туда
До нужной метки: выбран дамой
Из дней быть может близкий самый».
Гильем ничем не показал,
Что слышал это, хоть и знал,
Что те ради него придут

И будет Арчимбаут надут
Женой, да так, что слушать жалоб
Не станут: шутка, что сыграла б
Она, была бы такова,
Чтоб повод дать для хвастовства
Шутнице. Утром в среду, плача,
Фламенка поднялась, тем паче,

Что провела всю ночь без сна,
И мужа позвала она,
Сдержав стенания и вздохи:
«Ах, ночью были вовсе плохи
Дела. Пойдемте, дайте руку,
Недолго вам терпеть докуку,
Освобожу вас вскоре – слабо
Мое здоровье, предпочла бы
Смерть этой жизни, полной мук!
Но знайте: если мой недуг
Не переборет эта ванна,
То упаду я бездыханна».
– «Не бойтесь, дама, не умрете,
Примите ванну вы в расчете
На лучшее, в себя поверьте,
Забудьте даже мысль о смерти».
По мненью двух ее служанок,
Уже одетых спозаранок,
Пуститься было б в самый раз
В путь, как решили, сей же час.
Берут тазы и притиранье
И все, что пригодится в ванне.
А муж-то! голова была
У н'Арчимбаута, как метла:
Что ни вихор, то укорочен,
Покрашен черным и всклокочен.
Из башни, на себя же зол,
Жену он за руку повел -

Куда? – влюбленному навстречу:
Нет толку в ревности, замечу.
Проверка каждого угла
Ничем ему не помогла,
Поскольку был заметен лаз
Не более, чем в прошлый раз.
Он дверку в ванну не преминул
Закрыть и ключ немедля вынул.
Но не дремали и девицы,
Меж стен, чтоб изнутри закрыться,
Уладив поперечный брус,
Как ни тяжел для них был груз.
О предстоящем вспомнив деле,
Враз друг на дружку поглядели
Они, сказав: «Ну, что теперь?
Через какую может дверь
Явиться тот, кто озадачил
Нас тем, что встречу здесь назначил?»
– «Не знаю, – им Фламенка, – нет
Того каких-либо примет,
Что отнести могла б я к плану.
Но раздеваться все ж не стану -
Не ради ванн мы здесь торчим,
А ради разговора с ним».
И так, безмолвно и угрюмо,
Стоят; вдруг каждая, от шума,
Донесшегося из угла,
Встревожась, тотчас поняла,

Что гость, сперва их озаботив,
Явился все ж; никто не против,
Но тронуть захотелось всем
Друг дружку: сияв плиту, Гильем
Вставал, словно из пола рос.
Коль кто-то мне задаст вопрос,
Как вышел и с каким он видом
Пред ними встал, – того не выдам.
В руке он нес свечу; у сшитой
Из реймсской ткани знаменитой
Рубашки тонкой и штанов
Покрой изящный был и шов;
Плащ, дорогим блиставший шелком,
Был скроен и присборен с толком
И сужен впродоль края ткани;
Затянутая же на стане
Тесьма тугого ремешка
Шла кверху до воротника.
Чулки сидели ладно, редкой
Цветочков вышитых расцветкой
Попав всему наряду в тон, -
Как будто в них родился он.
Он не затем явился в шляпе
Льняной, обшитой шелком в крапе,
Чтобы была тонзура скрыта, -
Но обеспечена защита
Волос от известковой пыли.
Хотя цвета Амора были

Бледны, но виду не во вред,
Природный оттеняя цвет:
Красу лишь выделяли тени.
Он стал пред дамой на колени:
«Будь тем, кто создал вас, но вам
Не создал равных среди дам
Ни в вежестве, ни в красоте,
Помилованы вы и те,
Кто с вами!» – и, земной поклон

Кладя, Фламенку слышит он:
«Сеньор, пусть Тот, кто чужд обмана,
Ваш здесь вожатый в охрана,
Спасет вас, удовлетворив
Желанья вашего порыв».
– «О дама, все, чего охота
Мне, мысль моя, моя забота
Суть вы: как дар хочу отдать я
Себя вам; в вашем же принятье
Его – желаний всех конец».

– «Сеньор, мне быть судил творец
Близ вас: не скажете теперь -
Раз я пришла, – что без потерь
Со мной расстаться бы могли вы.
Вы столь прекрасны и учтивы,
Столь тонко к цели шли и здраво,
Что ваша страсть, на сердце право
Имея, им давно владела,
Теперь сюда пришло и тело
Вас тешить множеством услад».

В ее объятиях он сжат,
Она, целуя, ласки множит.
Эн Арчимбаут, коль хочет, может
Идти под ясень в хоровод [186] -
Не думаю, что предпочтет
Фламенка позабыть о друге.
Объятия Гильема туги;
Моим друзьям прошу я бога
Пока дать радости немного
Такой, как этим дал двоим.

Гильем уверен, что любим:
«О дама, если вы согласны,
То ходом, сделанным негласно
Нарочно для меня и вас
И скрытом от шпионских глаз,
Могли бы в комнату пойти мы,
Откуда я неутомимо
Гляжу на башню с неких пор».
– «Как вам угодно, мой сеньор.
Пойду я по своей охоте

За вами, зная, что вернете
Обратно целой и здоровой.
В час добрый! путь откройте новый!»
Гильему первому идти.
Темно им не было в пути,
Ибо давали свет огни
Свечей. И к выходу они,
Придя скорей, чем ожидали,
В роскошной оказались зале:
Подбор на ложах покрывал

Такой, что королю пристал,
Пол устлан камышом, обои,
Ковры и многое другое.
Прошли на низкой сесть постели.
Алис и Маргарита сели
Среди подушек на полу:
Гильем им воздает хвалу
И милостью ответить просит.
«К чему, – Фламенка произносит, -
Друг милый, вам просить об этом?
Обязаны вы их советам
И такту тем, что не должно
Из наслаждений ни одно
Минуть вас». Поблагодарив их,
Вступает он на путь учтивых
Ухаживаний и бесед:
«О нежная, немалый вред
Вы причинили мне, но ныне
Мы вместе, жалоб нет в помине.
Не знаете, что за сеньор
Пред вами, вам открыл Амор
Лишь то, что искренно он предан».
– «Но мной характер ваш изведан:
Что благородны вы и знатны
И рыцарь, было мне понятно -
Вы стали другом мне; будь вы
Незнатны, вникнуть в суть молвы
О даме – были б неспособны».

Гильем ей рассказал подробно,
Кто он такой и путь свой весь
И как повел себя он здесь
Со дня прибытия в Бурбон.
Она же, услыхав, кто он,
Всем сердцем так повеселела,
Что отдалась любви всецело,
Приникла к шее, обняла,
Забыла все, нежна, смела,
Покорна стала, без опаски
Даря лобзания и ласки
И все, что ей велит Амор.
Не праздны губы, руки, взор,
В объятьях нежных их – упорство,
Друг перед другом нет притворства,
Нет скрытности ни в нем, ни в ней,
Чтоб радость их была полней.
Вознаграждает каждый друга
За дни томленья и недуга,
В которых был он виноват:
Их защищает от утрат
Амор, он лишь о том хлопочет,
Чтоб делали, чего он хочет.
И впрямь, любим один другим:
Амор услады дарит им,
Так распаляя и влюбляя,
Что бед чреда забыта злая,
Терзавших их все эти дни.

Что за любовники они:
Неслышно ни о ком таком
Сейчас – я лишь с одним знаком,
Что этих стоил бы, нет спора,
Найди он по себе партнера.
Гильем, зазря не тратя сил,
Не нудил даму, не просил,
Но ждал с готовностью порыва,
Она же не была ленива
В раздаче почестей и благ -
Едва ль сама бы Милость так
Могла, хоть ублажает всех,
Амор им вдоволь дал утех,
Так что о том, чтобы возлечь,
В тот день не заходила речь:
Довольно было им лобзаний,
Ласк и в объятиях слияний
И прочих игр любви, к которым
Есть вкус у призванных Амором.
Так радостно, им вспомнить снова,
Как к слову подбирали слово,
Что сил не хватит ничьему
Рту выразить, или уму,
Отраду ту, что дал им случай.
Никто на свете доли лучшей
Не знал; что – лучшей! знать бы ту же!
Что – ту же! в тысячу б раз хуже!
Гильем и на девиц призреть

Успел, их попросив и впредь
Друзьями в деле быть совместном,
И, одарив вниманьем лестным,
Дал перстни, пояса, сережки,
Оплечья, ожерелья, брошки
И мускус – все, что красоту
Их оттеняло, не сочту
Всего, даров было немало.
«Я жажду, – та и та сказала, -
Служить на каждом вам шагу
И почитать вас, как смогу».
Слез удержать не мог Гильем,
Прощаясь: думал – насовсем,
И нестерпимо было горе.
Но нет, он их увидит вскоре,
Ибо к тем дням, когда он хочет,
Фламенка ванны приурочит,
Недужной оказавшись вдруг.
Ему же мил ее недуг,
Живит его и сердце лечит,
А ей в неделю обеспечит
Четыре ванны, реже в храм
Пуская и к святым мощам.
Пока же слезы их сугубы,
И эту влагу сердца губы
Смешав, горчайшую из влаг
Пьют, хоть и слишком – плакать так:
В любви сердечной тут причина,

Сокрытой от простолюдина.
Ей чужд и наглый ухажер -
Жаль, что завел я разговор
О них, но столько их повсюду,
Что, вот, сказал, а впредь не буду.
Когда настал разлуки миг,
Друг к другу каждый вновь приник,
Припал, целуя горячо,
Не зная, сделать что еще.
Давалась тяжко им разлука,
Во вздохах прорывалась мука,
Рыданье слышалось и крик.
Слов вымолвить не мог язык.
К Фламенке все ж вернулся разум
Настолько, чтоб сложиться фразам
Таким: «Друг нежный, не со зла
Я ничего вам не дала,
Но с тем, чтоб дать потом зараз
Все, положась во всем на вас».
Ей выговорить это гладко
Не удалось из-за припадка
Рыданий; плач ее душил,
Но все ж сказать хватило сил
Так, что из этих понял слов он,
Как будет дар ему дарован.
Благодарит ее с поклоном,
Целует и плиту со стоном
Подъемлет, плача горько столь,

Что язычок пронзила боль;
Что боль? удар листка, не боле,
Коль вспомнить поводы для боли
У той, что в ванной – дабы вид
Был должный – все еще стоит.
Но вот чело слегка омыто,
За колокольчик Маргарита
Взялась – так с места сигануть
Сумел ревнивец, что чуть-чуть
Не растянулся по пути

И, дверь раскрыв, произнести
Не мог ни слова от задышки!
Жена ему: «Не понаслышке
Теперь, что ничего полезней
Нет ванн, мы знаем: от болезней
Избавлюсь я; уже сейчас
Мне лучше; но один лишь раз -
Ничто; ведь по табличкам судя.
Прок может быть от ванны, буде
Число всех омовений в ней

Равно числу недужных дней».
– «Что ж, дама, если вам не лень,
Купайтесь здесь хоть каждый день,
Смотрите сами, ваш каприз».
Тут громко говорит Алис:
«Сеньор, нужны купанья даме,
Ибо не выразить словами,
Какая нынче боль ее
Терзала, резь и колотье,
Какой озноб ее сотряс.

6070

Уж веры не было у нас,
Что выживет, но, слава богу,
Приходит, видим, понемногу
В себя – целебность этих вод
Одна ей пользу принесет».

Хитро вела она защиту,
Не упрекнуть и Маргариту-
Малышку: уложив в кровать,
Забыться даме и поспать,
Чтобы утихла боль, она
Велит; но даме не до сна,
Восторг любовный – сну помеха.
Ей замечает не без смеха
Алис: «Позвольте, а обед?»
Та, с сердцем радостным, в ответ:
«Иль не питье и не еда -
Тот миг, моя Алис, когда
Я приняла на грудь свою
Возлюбленного? Иль в раю
Ведут о пище разговоры?
Пир для меня – припомнить взоры
Его, в которых только страсть
Была и нега: ем я всласть
И, этой пищею чудесной
Полней, чем манною небесной
Сыны Израиля в пустыне [187],
Насытясь, укрепилась ныне.
Отрады сладкой я полна:
Так в сердце хлынула она,
Что рвется тесное, трепещет,
И через край веселье плещет.
Я голод лишь один терплю -
На близость с тем, кого люблю».

Меж тем, ревнивец подошел:

«Сесть не угодно ли за стол?
Ведь все давно уже готово».
– «Ах, дорогой сеньор, ни слова
Об этом, есть я не пойду,
А вы садитесь за еду»,
С тем и выходит он, кляня
День свадьбы, с коего ни дня
Себя не чувствовал счастливым, -
Вот что такое – быть ревнивым.
Исчезни ревность, он бы мог
Избегнуть множества тревог
И не должна была б жена
Прикидываться, что больна,
Но шла бы, как хотела, к цели,
И оба мук бы ее терпели -
Но то, что для него досада,
Ей только радость и услада.
Но – «кто не знает, тот не знает».
Пьяня, Фламенку наполняет
Такой восторг, что в результате
Ей не найти, где край кровати, -
Да посередке в сон-то с тем
И впала; мнится ей: Гильем,
Прося лобзаний, к ней идет,
Ее полуоткрытый рот
Дрожит: «Распоряжайтесь мной,
Лежу в рубашке я одной».
Ей снятся сны такого рода

До н'арчимбаутова прихода.
Тут, разбудив ее легко,
Алис ей шепчет на ушко:
«Ах, дама, более ни звука
О вашем друге! Подниму-ка
Я вас, поскольку на пороге
Сеньор, он из-за вас в тревоге».
– «Подружка, ты скажи ему,
Что я лежу и не приму
Его». Просить ее не надо,
Алис приказ исполнить рада.
Закрыв эн Арчимбауту вход,
Она такую речь ведет:
«Сеньор, избавьте от хлопот
Уснувшую: прямой расчет
Придти к ночи, когда она
Не будет так возбуждена.
Не надо бы шуметь теперь,
Закройте поплотнее дверь».
– «Вы правы, – говорит сеньор
Эн Арчимбаут, – будь тем, кто хвор,
Благословенной сон подмогой».
– «А вы, сеньор, своей дорогой
Идите, сон ей не во вред:
Чтоб с аппетитом съесть обед,
Пускай подремлет лишний миг».
– «И впрямь», – ответствует старик [188],
С которым так она судачит

И, выставляя в дверь, дурачит.
Пришлось убраться восвояси.
Смешно Фламенке, что в запасе
Слова, столь веские, нашлись
У девочки; она, Алис
Призвав, усаживает вместе
С собой: «Алис, скажи по чести,
Что думаешь о друге ты?»
– «Вы впрямь хотите прямоты?»
– «Да, именно, ответь мне прямо».

– «Ну что же, он прекрасен, дама,
Умен, достоин вас вполне.
О людях неизвестно мне,
Себя ведущих столь учтиво».
Фламенка, не сдержав порыва,
Подругу привлекла к груди:
«Никто, куда ни погляди,
Ни в чем равняться с ним не может.
Как год, отныне будет прожит
День каждый мною без него.

Есть, к счастью, рядом существо,
С кем говорю про боль я эту».
– «Скажите, дама, по секрету,
……………………………… [189]
Как целовал, в объятьях нежа!
Как он прелестно принял вас!
Как лился свет любви из глаз!»
– «Не вспоминаю ли? Еще бы!
Ты что? Не знаю, нет ли злобы
В том, что язык твой произнес

В сомненье глупый столь вопрос.
А что же вспоминать? Вот странно!
Мне на святого Иоанна
Тростинку незачем ломать [190]:
Друг другу мы в любви под стать.
Достигли мы одних высот
В любви, один пробил нас дрот.
Ничто ни умалить не сможет
Живой любви в нас, ни умножит,
Лишь утвердиться ей дано
В делах, чтоб знали, что одно
Нас сердце связывает туго.
Он друг мой, я его подруга,
Меж нас ни «если» нет, ни «но».
Коль хочет он, мне все равно,
При нем нагой быть, или в платье,
Не стану друга огорчать я.
Ибо обман и плутовство -
Любовника лишать того,
Что для него всего желанней.
И здесь источник гнева, браней,
Клевет, хулы, обид и злого,
Тупого, низменного слова -
«Нет». Правда, коль на «нет» запрет
Наложит бог, то «нет» – как нет.
Будь так! Я обхожусь с ним круто
С словцом, что спесью так надуто.
Другие же немало бед
Приносят другу этим «нет»,

Причем бросают «нет» нарочно:

Мы, мол, чисты и непорочны.
Проклятье той, чей рот отпор
Дает, душе наперекор!
Вид этой скромни лучезарен,
Ответ же резок и коварен.
Подобной, милые девицы,
Я не желаю становиться,
Напротив, на свою беду
Для рыцаря я не найду
Ни речи нежной, ни отрады

Хоть вполовину той награды,
Какую заслужил он, смело
В столь трудное ввязавшись дело
С тем, чтоб вернуть, тоску гоня
Искусно, к радости меня.
И грош цена пустым потугам
Гордячки – цену перед другом
Набить; он отдал сердце ей
……………………………… [191]
Почет ли ею будь предложен,

Расположенье ль – дар ничтожен:
Друг мучим так, что сколько благ
Ни даруй дама – все пустяк.
Пусть, если верит [192], бога молит,
Чтоб дал мечтать, что приневолит
Ее хоть силой сдаться кто-то.
Но ей, безумной, неохота

Ни в ум придти, ни молвить «да».
Меж тем, в учтивости вреда
Не находя, и, скажем прямо,
Поддавшись на приманку дамы,
Он только приглашенья ждет.
Коль дан подобный делу ход,
Пускай он дерзко то захватит,
Что ни хранит она, ни тратит [193],
Пусть после сговорится с ней
Чрез близких им двоим людей,
Пойдя к служанке, даме, другу,
Готовым оказать услугу.
Где сердце у нее, коль губит
Она того, кто чтит и любит
Ее и жалуется богу
И ей, что обошлись с ним строго?
Она же хочет сделать вид,
Что это блажь, и норовит
От друга даже спрятать руку.
Ну право ж, следовало б злюку
Схватить за шиворот, как вора.
Полна жестокости и вздора
Ее душа. Бог накажи
Исчадье гордости и лжи!
И не кичиться б красотой
Ей, с толку сбитой и пустой,
Коль милосердья и любви нет:
Пребудет милосердье – сгинет

Краса; и, как Овидий учит [194],
Для той, что нынче друга мучит,
Настанет день, когда она
В постели будет стыть одна,
Старея; та, кому теперь
Наносят ночью роз под дверь,
Чтобы, найдя их, ей проснуться, -
Тех не найдет, кто прикоснуться
Захочет к ней, как ни мани.
Пусть дама в молодые дни
Жестокость глупую оставит
И огорчений не прибавит
Тому, кто предан ей всецело
……………………………… [195]
Ибо сойдет ее краса
Быстрей, чем роза иль роса.
Погрязла дама, знать, в грехах,
Коль ей не страшно, что исчах
Друг от любви, а страшно сплетен,
И должен эту дурь терпеть он.
Того, что для подруги друг
Свершит, никто б не мог вокруг
Свершить, и вместе все – едва ли,
Хотя бы и весьма желали.
Когда б убийством мне грозили,
А мог бы друг отдать могиле
Себя и тем меня спасти,
Он пал бы, чтоб не понести

Урона мне, не ведать срама.
Ребенок разумом – та дама,
Для коей крик клеветников
Важнее, чем сердечный зов
Любви к тому, кто рад себя
Лишить всего, ее любя.
С клеветником же ей по силам
Бороться: коль, сражаясь с пылом,
Под крик его она вперед
Решит идти, то верх возьмет.
И та, что друга любит верно,
Смириться с тем, что ей всемерно
Все будут в том мешать, должна,
Зато когда-нибудь она
Сожмет в объятьях безоглядно
Того, чья близость ей отрадна.
Смирилась с тем и я сама,
Набравшись от любви ума!»
Так для нее весь день прошел:
Ни пить, ни есть не сев за стол,
Лишь к вечеру она сдалась,
Эн Арчимбауту подчинясь:
Сказав, что пусть вкусит-пригубит
Чего-нибудь она, коль любит
Его, а нет – и в ванну влезть
Не даст, уговорил поесть.
Гильема в этот день веселье
Не покидало; он с постели

Так и не встал, чтоб никому
Не вздумалось войти к нему,
Чем в мыслях сладких был бы сделан
Прорыв. Хозяину велел он
Пойти поведать дон Жюстину,
Священнику, что вновь в кручину
Он впал; что, обострившись вдруг,
В постель свалил его недуг;
Что, если место служки ценит,
Пусть ищет, кто его заменит;
Что новость примет пусть безгневно
И, как обычно, ежедневно
К нему приходит пить и есть.
Нести доверил эту весть
Гонцу надежному Гильем
И был весьма доволен тем.
В четверг Фламенка речь все ту же
С рассвета завела при муже:
«Сеньор, каков вага нынче план?
Здесь остаетесь, иль до ванн
Проводите? Я еле дня
Дождалась; ревматизм меня
Убьет; озноб всю ночь так тряс,
Что не могла сомкнуть я глаз».
Ревнивец ей: «Мне дал понятье
Господь, и сколько мог понять я,
Вы дурно спали в эту ночь.
По завтрак должен вам помочь,
Поешьте до того, как выйти».

– «Сеньор, скорей себя прервите.
Я знаю, стало бы совсем
Мне плохо; в полдень я поем,
Домой вернувшись после ванны».
– «Ну что ж, идем, коль так вы рьяны»,
Он длинный грубый плащ извлек
Откуда-то и без чулок
С женой пустился вперегонки.
Вновь ни известки, ни щебенки
Не обнаружив ни следа,
Решился он не без труда,
Дверь, как всегда, замкнув, уйти.
Вновь остается взаперти
Фламенка, и спешат девицы
Покрепче изнутри закрыться.
Короткий ожиданья миг,
И к ним, таясь, Гильем проник:
Из багряницы плащ на нем
Золотозвездным был шитьем
Украшен: вышивок и ткани
Прелестно было сочетанье.
Из шелка алого чулки,
Шаги изящны и легки.
Пред дамой первым сделал он,
Ее приветствуя, поклон.
Она, приблизясь, не сробела:
«Друг, коим дух, равно как тело
И все, владею чем, живет [196], -
Благословен будь ваш приход!»
– «О сладостная, в чьей я власти,

Господь наш радости и счастья
Дай вам и тем, кто близок вам,
По вашим вкусам и мольбам».
И, бросившись вперед, друг друга
В объятиях сжимают туго
Они и тотчас же идут
В прелестный, милый им приют.
К той убранной роскошно зале,
Где так приятно отдыхали
Недавно оба, их ведет

Знакомый им подземный ход.
И там с весельем неразлучны
Они, и им вдвоем нескучно.
Но взор Гильема не беспечен
Вполне и дамою замечен:
«Друг, вами дума овладела?»
– «О дама, коль угодно, дело
Впрямь у меня к вам с ночи есть.
Да как бы вам не надоесть».
– «Друг, расскажите мне о деле,

Добра бы вы иль зла хотели,
Умно будь это, или блажь,
Ничто меня – поскольку ваш
В том интерес – смутить не может.
Душа лишь благо вам предложит,
Лишь то, что ублажило б вас,
Согласье лишь, а не отказ».
– «Что ж, мной сюда кузены взяты:

Отон и с ним Кларис; богаты,
Знатны они, и мной должны
Быть в рыцари посвящены.
О чем для них мечтать мне, кроме
Как о благом у вас приеме!
Тому б я был безмерно рад.
Мне много выпало утрат,
Скорбей, опасностей, печали,
О коих ни они не знали,
Ни вы; бог счастьем захотел
Мой скорбный одарить удел:
Чтоб мной владело полновластно
Оно, должны ему причастны
Быть и они; мои дружки
Красивы, юны и ловки,
Подружки ваши таковы же.
Сойдись они с моими ближе,
На всех хватило бы утех.
А тронь любовь и тех и тех,
И мы б им сделались дороже».
– «Друг милый, я хочу того же.
Как надо, сделайте». И вот
Дверь открывать Гильем идет,
Чтоб их впустить. Улицезрели
Те двое даму, на постели
Сидящую: восторг с их лиц
Сойти не может; вид девиц
Усиливает изумленье.

И каждый, преклонить колени
Спеша, из куртуазных слов
Речь составляет: «Я готов
Ваш, дама, исполнять приказ.

Оруженосца два у вас
Отныне есть». Она на диво
Была радушна, их учтиво
Приветствуя; прием такой
Им мил; дотронувшись рукой
Открытой, подняла легко их,
Чем честь, достойная обоих,
При всех и тайно воздана
Была. Зовет девиц она:
«Послушайте-ка обе, что я

Скажу: их два, вас тоже двое.
Что должен быть у каждой свой,
Понятно всем само собой:
Велю вам и рекомендую
Их прихоть исполнять любую.
Ступайте в ванны, будет вам
Приятно пребыванье там».
– «Мы примем это, как подарок», -
Они в ответ. И вот, товарок
Те повели: Отон – Алис,

А с Маргаритой шел Кларис.
Уходят в ванны, где утех
Вкусить в уюте, без помех,
В охотку, и повеселиться,

Причем уже не как девицы,
Алис и Маргарита скоро
Сумеют: дар им от Амора
И Юности – одна игра.
Коль место есть, да и пора,
Ошибкой было бы печальной
Не разложить им стол игральный.
И столь удачен был состав
Игравших, что они, сыграв,
Вновь тянутся к друзьям прелестным,
И те клянутся словом честным,
Что никогда их не обманут
И, если рыцарями станут,
Не заведут других подруг,
А эти, даже будь супруг
У каждой, им лишь будут верны, -
И станет счастье всех безмерно.
В игру такую же, меж тем,
Играет пылко и Гильем
С партнером, что не меньше любит
Борьбу и в схватке не уступит.
Был в их игре большой подъем.
Не стоит говорить о том,
Каков был тот иль этот выпад.
Один лишь сделаю я вывод:
В игре такого нет приема,
К которому была б влекома
Душа влюбленная, чтоб им

Казался он неисполним,
Нелаком иль необсуждаем.
Лишь до того теперь нужда им,
Чтоб всех не упустить забав.
Меняли, все переиграв,
Они в тот день барыш и ставки
Не раз. Не принимал отставки
Амор и куртуазен был.
Фламенки непритворен пыл,
Она в игру играет ту
С возлюбленным начистоту,
За то и прибыль столь щедра.
Когда же подошла игра
К концу, то в выигрыше оба:
Ни раздраженья в них, ни злобы
Друг к другу нет – скорей бы вновь
Игру затеять. И любовь
Внушает им, что долгих много
Впредь будет игр у них, и строго
Фламенку гонит прочь, пока
Веля оставить ей дружка,
Но, чтоб не так страдал бедняжка,
Сперва сказать, вздыхая тяжко:
«О друг мой, истинный и нежный,
Разлука стала неизбежной,
Но – бога в помощь я беру -
Вернусь к вам завтра поутру».
Гильем не мог в ответ ни слова

Промолвить: сердце в нем готово
Истаять и распасться в муке
От близящейся с ней разлуки.
Она передает свою
Уверенность ему: «Даю
Вам слово, друг мой, что вдвоем
Весь день мы завтра проведем».
Очей касаясь и ланит
Устами, нежно так глядит
В глаза: и через этот взор,

Чтоб муку облегчить, Амор
Уносит боль из сердца друга,
И гот не чувствует недуга.
Так и должно быть: ведь услада,
Попавшая посредством взгляда
Вглубь сердца, слаще всех услад.
Амор на блага тароват:
Велит – два сердца бьются вместе,
Коль ум и сердце, в коих чести
………………………………[197]

Но рады уступить друг другу.
Услады этой вкус таков,
Что ни через одно из слов
Не может стать она понятна:
Ведь разум – маловероятно,
Чтоб понял, – коль осознан был им
Так мир, что слуху не по силам
Постичь, ни языку облечь
В слова. К тому веду я речь,
Что сердцу нега слаще та,

Чей вестник – взор, а не уста,
Она чиста, в ней смыслов много -
Ей, согласитесь, впрок дорога [198].
О том подумай каждый сам,
А я лишь направленье дам:
Нет, я сказал, такого слова,
Чтоб объяснить предмет толково,
Но могут образ и подобье
Быть в рассужденьях как пособье.
Коль нежный друг подруге прямо
В глаза глядит, и так же само
Она в его, то нет конца
Отраде, полнящей сердца,
И сердцу нега, разлитая
В отраде, дарит жизнь, питая.
Но пропустивший нежность глаз,
Сколь в сердце ни велик запас
Ее, ни капли у себя
Не хочет удержать, любя.
Уста же, сладость в поцелуе
Вкушая, трудятся не всуе,
Но остаются в барыше,
Чего-то не додав душе.
При том что поцелуй, которым
Рот насладится, дан Амором
Как высшей радости залог [199].
Итак, я подведу итог:
Кто любит истинно, к усладам
Стремясь таким, что только взглядом

Даются, чистым и простым,
Столь полным неги, что о том
Ни я судить не в силах толком,
Ни кто – хоть и в раздумье долгом,
Тот будет за меня всецело,
Когда, как я, он вникнет в дело.
А кто целует, беспокоясь
О том лишь, как бы сдернуть пояс,
Не впрок, да и не по плечу
Тем все, чему я здесь учу.
Но есть и те, влечет которых
Лишь нега, скрытая во взорах,
Они живут, по ней тоскуя
В миг ласки или поцелуя.
И все другие не указ им,
Коль Милосердье или Разум
И Совесть рассуждают так,
Что поцелуй есть только знак
Отрады, впущенной Амором
В дверь, называемую взором;
Она светла, чиста, блестяща,
Чтобы Амор гляделся чаще
В нее, внутрь идя и наружу,
Когда с душой связует душу.
Столь этих душ надежна связь,
Что гаснет каждая, боясь,
Что прежнего в другой огня нет,
И тотчас в зеркало их тянет

Взглянуть и, по его указке,
Объятья, поцелуи, ласки
Дарить и веселиться так,
Что чужды и забот и благ
Иных они, пока союз
Их длится. Тот же, кто про вкус
Сей неги думает иначе,
Видать, не знал в любви удачи.
Настолько нежности был полон
Гильем, что если не нашел он
Сил не пойти, когда был дан
Возлюбленной приказ из ванн
Позвать подружек с их друзьями,
То и прихода снова к даме
Дождаться не имел он сил.
Но в тот момент, когда входил
Он к ней, Фламенка встала живо.
Обняв, до ванн весьма учтиво
Подругу проводил Гильем.
Уходят юноши, пред тем
Ей благодарность изъявляя
За счастье и за то, какая
Фламенкой честь им воздана.
«Ну как, бароны? – им она. -
Ванн приняли, небось, помногу.
Препоручаю вас я богу».
Гильем идет за ними вслед,
А у девиц, что, подошед

К нему проститься честь по чести,
Стоят, – глаза на мокром месте.
Вдвоем благодарят его
За то подруги, каково
Им было, и за перемены.
С тех пор, как к ним пришли кузены,
Они не ведают забот,
Печали, горестей, невзгод,
Забыв тюрьму, от коей худо
Ревнивцу только, коль оттуда
Пришла к ним радость, а не зло.

Четыре месяца прошло
Таких: за августом сентябрь,
И весь октябрь, и весь ноябрь,
И так до праздника Святого
Андрея [200]. Счастлива, здорова,
Хвала творцу, и весела
Фламенка, всем вокруг мила,
К эн Арчимбауту безразлична:
И не встает уж, как обычно,
При нем [201], и не таит того,
Что ставит ни во что его.
И он, какой ни дурачина,
Заметил это, но причина
Ему неведома, и вот
Однажды к ней он пристает
С расспросами: «Я, дама, вижу,

Что цените меня вы ниже,
Чем прежде, только почему
Надменны стали, не пойму».
Фламенка живо в разговор
Вступает: «Дорогой сеньор,
На том, кто нас связал, вина.
С тех пор, как ваша я жена,
В вас добродетель убывала.

А ведь ценились до провала
Вы так, что крепнул хор похвал
И бог вам милость подавал.
Теперь вы стали столь ревнивы,
Что оба, вы и я, чуть живы.
Но договор связать бы нас
Мог при служанках хоть сейчас:
Клянусь святыми всеми [202] – впредь
Так строго за собой смотреть,
Как делать то доныне вам

Пришлось. Согласны – по рукам!»
……………………………… [203]
– «Пусть в храм [204] отправится Фламенка,
Взяв дам; пускай, набатный гуд [205]
Заслыша, рыцари придут;
Пусть горожан зовет кампан,
А малый колокол – крестьян;
Из созванных же не дерзнет
Пускай на площадь целый год
Никто ходить; и пусть без прений

Все, кто моей доволен пеней,
Ее приемлемой сочтут».
Единогласен общий суд,
Кричат: «Хотим того, да, да,
И в том поддержим вас всегда!»
– «Коль так, вернемся к разговору:
На Пасху, в радостную пору [206],
Хочу турнир устроить здесь -
Король, бароны, словом, весь
Цвет королевства будет в сборе,
Сойдясь с простершихся от моря
До моря областей, меж Роной
Раскинувшихся и Гаронной [207].
Я нынче голову помыл [208] -
Оставшийся потратить пыл
Хочу на праздник: пир закатим,
Утрачен вкус к таким занятьям
У нас, но позову я дам
И весь утехам день отдам».
И впрямь устроен праздник пышно:
Фламенка из затвора вышла
На радость рыцарям, чья цель -
При людях ли, наедине ль
С ней побеседовать свободно,
При этом каждый благородно,
Какой бы ни был в нем запал,
Другому место уступал.
Так что уловку иль обман
Придумать, чтоб дойти до ванн,
Весь день мешал Фламенке кто-то.

Да покидать и неохота
Ей было тех, меж кем сидела,
Кто множить радость то и дело
Старался, находя барыш
В том, чтобы даму видеть лишь.
И был безмерно счастлив тот,
Кого она не обойдет
Приветствием. Но утром рано
Одна у ней забота – ванна.
Эн Арчимбаут же ни ногой

Туда – есть в жизни смысл другой,
Чем ключ таскать, как сторожа,
Дом ванн и башню сторожа.
Взамен его зовет она
Семь дам, из коих ни одна,
Придя с ней к ваннам, в ванны сами
Не входит; просьба к каждой даме
По колокольчику придти,
Ибо недолго взаперти
Она пробудет; а кто хочет,

Пожалуй, пусть хоть кожу смочит.
В ответ – отказы иль оттяжки,
Все сторонятся ванн, столь тяжкий
Исходит запах от воды:
Чтоб их заставить без нужды
Влезть в ванну, нет такой приманки.
Они уходят, и служанки
Вход запирают, как всегда.
Будь воля их, из дам сюда

Едва ли бы пришла какая,
А то мешают, отвлекая
На болтовню и ерунду,
И страшно, если на беду
Гильем появится внезапно
……………………………… [209]
Но нет, он был настороже,
И, когда те ушли уже,
Возник, и два любимца следом
За ним. Предшествует беседам
Отменно ласковый прием:
Что не скорбеть пришли, о том
Их поцелуи говорят,
Даримые по сто подряд.
Фламенка приступает сразу,
Как в комнату прошли, к рассказу
Про то, что н'Арчимбаут притих
И жить, от низких а дурных
Слов отказавшись и манер,
На куртуазный стал манер:
«Так что, мой друг, благоволите
И вы из заключенья выйти.
Да, да, таков мой приговор,
Я не смогу, как до сих пор,
Сюда являться; будет нужно
Теперь ко мне пройти вам кружно,
Вернитесь-ка в свои края,
Тогда обратно буду я

Вас ждать к открытию турнира.
И пусть мне ваш гонец-проныра
Даст знать, жонглер иль пилигрим,
Где вы и с планом здесь каким».
Всех это слово болью жалит,
Тревожит, мучает, печалит.
Служанки с юношами, спешно
Вернувшись в ванны, безутешно
И долго плачут вчетвером,
Как будто им грозят битьем.
Они твердят прощай друг другу,
Под беличьей накидкой руку
С рукой сплетя; то там, то тут
Ласкают, стискивают, жмут,
Целуют, обнимают, гладят,
Но обойтись без боли ладят -
Весь бой их нежен и беззвучен:
Всяк живо то, чему научен
Амором, делает; и всяк
От друга получает знак,
Нося который, должен вспомнить
Любовь и множество исполнить
Тех клятв, что ими здесь даны
И ласк печатью скреплены;
Слез росчерком, когда повис он
На кончиках ногтей, подписан
Их свод; и тотчас же с лица
Все переписано в сердца;

Ведь запись клятв такого сорта,
Когда уже рукою стерта,
Цела в сердцах. Порядок слов
В сей сделке письменной таков:
– «Друг, помните меня повсюду».
– «О дама, как я вас забуду»!
– «Храните, нежный, страсть свою».
– «Подруга, слово вам даю».
Гильем же, сваленный припадком
Тоски, лежал в объятье сладком
Фламенки нем и недвижим;
Не знает та, как быть ей с ним:
Того, кто столь любим, не бросишь,
Но и на помощь не попросишь
Придти – нет выхода, хоть плачь.
И столь ее был горек плач,
Что слез, из глубины сердечной
Проникших в очи, бесконечной
Струей Гильему от чела
До подбородка залила
Она лицо, шепча: «За что вы
Мне не желаете ни слова
Сказать? В отказе от бесед
Куртуазии, право, нет».
Услышал стоны он и голос -
В нем сердце словно раскололось
От скорби и стыда. Чтоб в чувство
Придти, он все свое искусство

И силы все пускает в ход,
Но речь из уст его нейдет -
Чинят, пройдя из сердца в рот,
Ей вздохи множество хлопот.
«Приказ уйти мне, – все же начат
Чрез силу разговор им, – значит,
Что стать убийцей надо вам,
Деля мне сердце пополам».
В ответ Фламенка: «Друг мой милый,
Богатый вежеством и силой,
И благородством и умом,
Вы видите, я лишь о том
Забочусь, как вам больше чести
Служеньем оказать, и если
Решите вы, что дать еще
Могла б, то стану горячо,
Не зная лучшего занятья,
Желанья ваши исполнять я,
Безумны будь они иль здравы».
– «Столь рассудительны всегда вы,
О нежная, и добры столь,
Что можете любую боль
Снять, утешение даруя».
И тысячами поцелуи
Слетают на прощанье с губ.
Миг расставанья даже люб
Им стал бы, дай он сил надежде
На то, что видеться, как прежде,

В грядущие удастся дни.
Без дела не сидят они,
Но наслаждаются друг другом,
И мысль благая к их услугам:
Мол, Пасха ранняя грядет,
Коль поздней вышла в этот год.
Когда ж дошли до ванн, Гильем
Сперва покашлял громко с тем,
Чтоб свита, знаку вняв такому,

Была готова к их приему.
И новый круг прощанья начат:
Вновь оба безутешно плачут:
«Ну, с богом, с богом же!» – стеная;
Хотят, чтобы календы мая
Среди январских были дат.
Кто выйдет первым, не решат,
Боль неусыпна, неотвязна,
Но столь Фламенка куртуазна,
Что обращается, целуя,

Так к другу: «В этом поцелуе
Я в дар свое вам сердце шлю,
Взяв ваше, коим жизнь продлю».
– «Беру его, – спешит с ответом
Гильем, – сопроводив обетом
Считать своим, для вас храня,
Мое ж храните для меня».
На том и разлучились. Мыться
Пора оставшимся, чтоб лица
Не выдали недавних слез,

Да и укладкою волос
Заняться. В полдень Маргарита
Взялась за колокольчик: свита -
Семь дам, что ждали невдали
Их выхода и стерегли, -
Покинула свою стоянку.
В пути ни даму, ни служанку
Фламенка не зовет, пресечь
Стремясь возможную их речь.
Причем считать хотелось каждой,
Что вызвано молчанье жаждой.
Ей стало грустно, тяжело,
К отрадам прежним не влекло
Ее, но к бесконечным пеням.
Любовь того ей утешеньем
Служила после всех потерь,
Кто в сердце жил ее теперь.
Эн Арчимбауту думать мило,
Что от любви к нему уныла,
Не разделенной им, она,
При том что так ему верна.

Собрался вмиг и в путь готов
Гильем. Открыв, что стал здоров,
С кем надо он простился кратко.
Прошел отъезд внезапный гладко,
От розданного им добра -
Одежд, сосудов, серебра -
Пришли священник и хозяин
В восторг, столь дар необычаен.

А он, прибывши в край родной,
Узнал, что Фландрия войной
Объята, и, готовых к бою
Взяв триста рыцарей с собою,
Там бился, не жалея сил,
И приз победный получил
В конце – доказывать нужды нет,
Что с тем поход и был предпринят.
Фламенку навестить отец
Решил, узнав, что, наконец,
Эн Арчимбаут вполне излечен
От ревности. Приехав, речь он
О том наводит, что Гильем
Неверский, быв примером всем,
Приз выиграл цены немалой,
И, как ему известно стало,
Двор графа Фландрского решил,
Что тот, кто столь умел и мил, -
Бесспорно лучший рыцарь мира.
И сей, стремящийся с турнира
В военный ринуться поход,
Столь юн, что все еще растет.
Эн Арчимбаут в ответ: «Мы ждем
На наш турнир его, о чем
Вас передать ему прошу,
Коль раньше сам не приглашу».
– «Я передам; поклясться б мог,
Что он приедет к вам, и в срок:

С ним связаны мы тесной связью,
Препятствий нет его согласью.
И верьте мне, любезный зять,
Коль он за вас захочет стать, -
Кто против – запасись отвагой!
Он едет, в свиту, под присягой,
Тысячу рыцарей собрав», -
Внушал эн Арчимбауту граф.
И тот мечтает, как увидит
Гильема, если случай выйдет.
С ним хочет он сойтись заране,
Чтоб на турнире тог был в стане
Его, – о чем он зря хлопочет,
Поскольку этого же хочет
Без просьб эн Арчимбаута тот.
Теперь же он за честь сочтет,
Что просит помощи такая
Особа, дружбу предлагая.
Турнир – отрада; коль к тому ж
На нем есть гость, с кем близок муж,
Еще отрадней он, нет спора.
Но, как Фламенка, разговора
Не слушал с радостью столь явной
Никто о том, что в мире равной
Себе не знает красота,
Ни доблесть друга. До поста [210]
Шло время этак; вот уж год
Кончается; и тут дает

Брабантский герцог, хоть и краткий,
Турнир в Лувене [211], но для схватки
Сошлось риставших с двух сторон
Четыре тысячи; барон
Знатнейший н'Арчимбаут хотел
Поднять свершеньем ратных дел
Престиж и прибыл в снаряженье
Таком, что тотчас уваженье
Снискал: тремстам младым баронам
Дал место в свите он; был звоном
Бубенчиков заглушен шаг
Коней под чепраками; всяк -
С эн арчимбаутовым значком:
Цветы на поле голубом
Златые [212]. Вмиг сойтись сумел он
С Гильемом из Невера; сделан
Тем славный был ему прием;
Он потакал ему во всем,
Почетом окружил, и «да»
На просьбы отвечал всегда.
Теперь, держась бок о бок, блещут
Два всадника; турнир трепещет,
Когда они вступают в бой.
Безумцем должен быть любой
Дерзнувший выйти против друга
Хотя бы одного: кольчуга,
Шлем, гамбизон [213], железо лат
Его не лучше защитят,

Чем пара пуговиц, – герою
Быть сбиту суждено рукою
Гильема. Не один повержен
Эн Арчимбаутом и удержан
В плену бьи рыцарь. Но копей
И конных не копя, трофей
Любой в дар тем они приносят,
Которые усердно просят.
Чуть меньше, чем Гильем, похвал
В турнире н'Арчимбаут снискал
И, что турнир в его уделе
На Пасху, в сладостном апреле,
Назначен, объявил; особо
К Гильему обратился – чтобы
Помог ему. Гильемом дан
Ответ такой: «Сеньор, в ваш стан
Хочу попасть и быть готовым
Служить вам делом или словом,
Для вас приятным и полезным,
И другом сделаться любезным».
С турнира едет не один
Эн Арчимбаут в Намюр: Жослин,
Любимый шурин, был при нем.
Граф не скупился на прием,
Но пир искусно и богато
В их честь устроил, как когда-то.
Оттуда н'Арчимбаут в Вурбов
Спешит: пока в пути был он,

Проминовали две недели
Поста. С ним в дом вошло веселье.
Его кумир – Гильем Неверский:
Он хвалит каждый подвиг дерзкий
Его, даров разнообразность,
Беседы, храбрость, куртуазность,
Которые турнир узнал.
Был список доблестей не мал,
Но и не полон – ведь рассказчик
Любой бы дал лишь их образчик -
Когда устроила ловушку
Алис, взяв даму и подружку
В союзницы, а так о нем
Спросила, словно незнаком
Гильем Неверский ей: «А он,
Сей рыцарь доблестный, влюблен?
Такие храбрецы спесивы,
Как говорят, и неучтивы,
Их привлекает только сеча,
А не беседа или встреча».
– «Влюблен ли? Милочка моя,
Да он влюбленнее, чем я!
Нет дам богаче тех, к которым
Благоволит он ухажером
Придти. Чтоб в том уверить вас,
Достану из сумы сейчас
В стихах посланье: их списать я
Просил его, чтоб мне понятье
Иметь о том, как любит он.

Будь вами я вознагражден,
……………………………… [214]
Услышав, скажете, что вам
Среди посланий самых разных
Столь не встречалось куртуазных».
Ему Фламенка: «Э, сеньор,
Да вы завзятый ухажер -
Алис передаете ловко
Посланья, но сия уловка
Мне не претит, скорей мила,

Коль мысль вам в голову пришла
Открыть для нас стихом иль песней
Сезон, чтоб стал еще прелестней.
Прошу, чтоб вами вслух хвала
Посланья прочтена была.
Его прочтете образцово
Вы нам, ведь в нем любое слово
Вам, прежде читанное, ясно;
Коль, как сказали вы, прекрасно
Оно, мы, насладившись им,

Вас впрямь за то вознаградим».
Эн Арчимбаут не скрыл, что счастлив:
«Поверьте, дама, был опаслив
Тот, кто мне эту дал хвалу,
Четырежды просил, чтоб злу
Не послужила, чтоб ушей
И рук дурных случилось ей
Избечь. О лучшей среди дам,
Красавице Бельмонта [215], вам,
Как ровне, предстоит услышать:

……………………………… [216]

Две нарисованы фигуры
Там столь искусно, что могли вы
Подумать, будто обе живы.
Одна упала на колени
Перед другой, как бы в моленье.
Из уст ее торчал цветок,
Касавшийся начала строк.
Другим цветком переплетая
Концы их, поднесла другая
Фигура к уху весь узор.
К ней, в позе ангела, Амор
Склонился с видом, предлагавшим
Внимать словам, в цветок попавшим.
В последний раз здесь кратко скажем,
Что н'Арчимбаут уже ни стражем
Супруге не был, ни ревнив.
Фламенка, взор в стихи вперив,
Гильема узнает верней,
Чем если бы он был пред ней, -
Себя узнав в другой фигуре,
Как если б то была в натуре
Она. Посланье взяв, втроем
Они ушли, чтоб радость в нем
Найти, учили наизусть,
Вслух не читали, дескать, пусть
Не будет ни единый стих
Услышан кем-нибудь от них.

То развернут его, то сложат,
Их все помятости тревожат:
В рисунке и в письме, где сгиб,
Стереться линии могли б.
Фламенка вечером в кровать
Его берет, чтоб целовать
Гильема лик тысячекратно
И столько ж – сблизив аккуратно
Фигуры; ибо, группируя
Их так, чтоб словно в поцелуе
Сливались, лист она согнуть
Могла искусно. И, на грудь
Кладя его, шептала: «Друг,
Мил сердца вашего мне стук,
Мое сменившего в темнице,
Так пусть посланьем осенится
Оно и полнится одной
И той же радостью со мной».
А поднимаясь на рассвете
И лик Гильема на портрете
Узрев, с Амором в разговор
Вступала шепотом: «Амор,
Сейчас от друга далека я.
К нему, однако, приникая
Всем сердцем, взятым им в залог,
Вносить не стану выкуп в срок.
Стань больше стоимость заклада,
Была б я этому лишь рада,

Когда б ту радость дать могла,
Которая ему мила
И мне по вкусу я по силам.
Ни и чем таком, в чем дамы милым
Доселе угождать умели,
Ни в слове редкостном, ни в деле,
Не отказала до сих пор
Ему я. Вам о том, Амор,
Известно так же, как ему.
Его условья все приму
При встрече снова я. Не вы ли
Его так ловко научили
В запутыванье ремешка
Играть [217], что славно муженька
Бельмонтской дамой он морочит -
При том, что знать ее не хочет, -
За что спасибо вам, Амор».

Вели о милых разговор
Она, Алис и Маргарита:
Ворчали, кашляли сердито,
Что медленно к ним Пасха шла.
Лишь эта самая хвала
Им скрашивала пост, но дни
Ускорить не могли они;
Знать, деньги ими в долг не взяты [218]
И не назначен день оплаты
К Святой Субботе в договоре.

Турнир же после Пасхи вскоре
Эн Арчимбаут решил начать.
Змеиный рог на рукоять
К ножу (ведь может быть рогата
Гадюка) шлет из Монферрата
Маркиз ему: был рог покрыт
Черненым серебром. Спешит
Эн Арчимбаут его послать,

К посылке приложив печать,
В распоряженье короля,
Принять участие моля
В турнире, ибо без него
Неполным будет торжество.
Помчались в разные концы,
Чтоб рыцарей созвать, гонцы,
Всех, даже трусов, от Бордо
Вплоть до Германии, и до
Пределов фландрских от Нарбонны -

Эн Арчимбаутом все бароны,
Все лица знатные страны
На тот турнир приглашены.
Прошло от Пасхи две недели,
И гости, съехавшись, успели
Занять палатки и шатры.
С холма любого иль с горы
Товар торговцы предлагали,
Привезенный из дальней дали.
И рыцари со всех сторон

Стеклись: повсюду крики, звон,
Смятенье, суета, молва.
Я расскажу, какие два
Там были стана [219]: горд союзом
Эн Арчимбаут своим – к французам
(Их тысяча) пошли фламандцы,
Бургундия, Овернь, шампанцы -
Все с этой стороны; на ту -
Шли рыцари из Пуату
И из Сентонжа, лимузенцы,

Бретань, Нормандия, туренцы,
Берри, Керси и Ангулем,
Руэрг и Перигор, затем
Бедосцы некие и готы.
Хоть их считать и нет охоты,
Не меньше тысячи, замечу,
Пришло, в виду имея встречу
С Фламенкой, а не жди такой
Их приз, они бы ни ногой
Туда; но быть в одном с ней месте

И лицезреть – нет выше чести.
Впрямь, эту даму видеть – честь,
Ибо достоинств в ней не счесть,
Столь ласкова она, любезна,
Столь сладостна и столь прелестна,
И удержать [220] умеет тех
Дарением благих утех,
Кто обратит к ней слух и взор,
Так что стремились с этих пор
Они лишь с большим к ней влеченьем,

Что в даме мы особо ценим.
Не помню, слышал от кого,
Что сердце лживо и мертво
У дам, чье обаянье скудно.
Мужьям, привыкшим к ним, нетрудно
Хвалить их, но скупыми тот,
Кто куртуазен, их сочтет.
Не слишком много и не мало
Фламенка прелести являла!
Хоть сил не тратила она,
Но каждый получал сполна,
Однако никогда – сверх меры,
Так сладостны ее манеры.
Средь луга, где произойдет
Турнир, у городских ворот
Помост, чтоб открывался вид
На долы и поля, был сбит
В подарок дамам и досужим
Мужам, расставшимся с оружьем.
Туда – оружие примерить
Перед турниром и проверить -
Гильем Неверский прибыл. Так
И этак осмотрел бивак,
В лощине меж холмов разбитый,
Он с тысячной своею свитой:
Тех не с кем рыцарей сравнить -
Любой доспех, любая пить
Одежд их и прочны и новы.
За ним идти они готовы

Повсюду. Раздается зон
Ста труб и тысячи рожков
Оттуда, где Гильем живет.
В широком поле, у ворот
Поставил он свою палатку.
При этом выбрав так площадку,
Чтоб быть вблизи помоста, прямо
Напротив мест, где будет дама.
Хватало н'Арчимбауту дел:
Поздравил этих, тех успел
Обнять, других – принять, кому-то
Сказал: «Вы лучше бы приюта
Искали в городе, барон,
Поверьте мне». Но съездить он
К шатру Гильема выбрал время
При первом слухе о Гильеме;
С почтеньем каждый, быв замечен
Издалека, другим привечен.
Клариса видя и Отона,
Эн Арчимбаут сказал: «Бароны,
Решайте, рыцарями вас
Позднее сделать иль сейчас?»
– «Сейчас, – слова обоих схожи, -
Коль то угодно вам, нам тоже».
И препоясал их мечом
Эн Арчимбаут тотчас, причем
К ним сорок был прибавить рад
Других; те двое – пятьдесят,

Вот сколько рыцарей-то новых!
Доспехи, платье им, бойцовых
Коней, парадных лошадей
Под седлами, со сбруей всей,
Он перед их уходом дарит,
Прося считать, что все ж он скаред,
Коль в будущем его дары
Не будут более щедры.
Гильему говорит он: «С вами
Я должен – чтобы вашей даме
Представить вас – пойти скорей;
Коль вы не прочь, приблизьтесь к ней».
Король, и с ним бароны, в зале
Там, где Фламенка, пребывали.
Гильем вошел, и поднялся
Король, за ним и свита вся,
Единым движима порывом,
Встает с приветствием учтивым.
Гильем бежит к нему, моля,
Как сюзерена, короля:
«Помилуйте, прошу вас сесть.
Пришел я к даме. Что за честь!»
Она ему: «Я удостою,
Сеньор, вас чести сесть со мною».
– «Прошу, Гильем, – вступил король, -
Вас вслед за ней; искусна столь
Она, чтоб нас двоих приема
Здесь удостоить. Вы знакомы?»

– «Слух услаждала мне молва
О ней не зря, но такова
Она, что тщетны разговоры».
Тогда король сказал: «Сеньоры,
Мы здесь сидим уже давно;
Должно пришедшим быть дано
Ухаживать за нею право,
Оставим их, не злитесь, право».
Сказали все: «Будь так, сеньор!» -
И вышли, зашумев, во двор.
Чуть смолк король, случилась сценка
Такая: зубы сжав, Фламенка
Шепнула, поцелуй при всех
Гильему дав: «Один дать – грех,
Но раз на людях, то в цене
Он большей, чем наедине».
Король, уже прощаясь, ей
Сказал: «Во власти будь моей,
Гильема здесь я б не оставил,
Чтобы забыть он не заставил
Вас обо мне чуть погодя,
Искусно разговор ведя
При обаянии столь многом.
Но, поощряя вас и: с богом! -
Все ж на прощанье говоря,
Я знаю, слов не тратят зря
Те, кто имеет вкус к беседам,
Смысл коих лишь достойным ведом».

Король ушел, Гильем – при ней.
Фламенка другу тем сильней
Жмет руку, что любовный пыл
Желанья придает ей сил.
В смущении Кларис с Отоном:
«Скажите, дама, делать что нам?»
Она в ответ: «Вас ждет сюрприз».
И Маргарите и Алис
Велит: «В ларе, в моих пожитках
Есть две хоругви в алых свитках,
Причем одна другой под пару, -
Ступайте, будут рады дару
Друзья, взяв их из ваших рук».
Все понимают, что досуг,
Который мог бы ими с толком
Быть проведен в общенье долгом,
Она дарует им тем самым.
Как рыцари, лишь к милым дамам
Речь обращать могли они
При всех, к служанкам же ни-ни.
А на приеме больше ста
Собралось дам, чья красота
Равнялась щедрости на ласки.
Гильем спросил не без опаски:
«Что с сердцем, нежная, моим?»
– «Как со своим, живу я с ним.
Вы от себя не удалите
Мое, и ваше из укрытья

Тогда извлечь я не посмею.
Внушили эту нам затею
Любовь и лестная хвала
Друг другу; а чтоб впредь жила
Я с вашим сердцем, вы – с моим,
И каждый был мечтой томим
Оставить сердце у другого, -
Желание такое ново.
Оно посредством прочных уз
Скрепляет двух сердец союз,
Неразрушимый – коль не станем
Томиться мы другим желаньем».
– «О дама, будь во мне оно
Повреждено и сменено
Другим, то ждать, чтоб защитил
При надобности Михаил
Святой [221] иль кто другой, я вправе ль?
Пусть буду Каин я, вы – Авель [222],
Коль этих уз расторгну плен,
Хоть дали б мне весь мир взамен».
– «Тогда, о нежный друг, затроньте
Другой вопрос: когда в Бельмонте
Вы будете, чтоб видеть ту,
Чью все так ценят красоту?»
– «Благая, дамы из Бельмонта
Пригож и нежен вид, но он-то
Меня, – смеясь, сказал Гильем, -
Как раз не трогает совсем».
– «Мне это, нежный друг, известно,

Проверить было интересно».
– «Но какова же наша цель,
О нежная, коль мы досель
Любовь лишь разговором сладким
Питаем и лобзаньем, кратким
Настолько, что оно не в счет?
Желание меня убьет».
– «Вы раньше времени убиты -
Вернитесь к ночи, но без свиты
Такой: придут, как в оны дни,

Отон с Кларисом пусть одни.
Теперь мы на виду у всех,
Тогда ж приступим без помех
К беседам и делал! – с поклоном
Эн Арчимбаут пойдет к баронам,
Начав с визита к королю.
И я клянусь вам, что продлю
Лобзанье, коим вы сейчас
Так недовольны: десять раз,
И медленней, чем в первый раз,

Я повторю его для вас.
Будь только случай, я охотно
Исполню все, что вам угодно».
Так шла беседа. Живость та же,
Что прежде, уст, очей и даже
Перстов [223] – их тешит, сколь возможно,
Причем ласкают осторожно
Лишь потому они друг друга,
Что нет ни места, ни досуга,
А встреча, в общем, решена.

Все дамы, за одной одна,
Затем обойдены Гильемом:
Простясь сердечно, шлет он всем им
Пред тем, как тронуться в дорогу,
Привет и поручает богу;
Всем это было так приятно,
Как если б он тысячекратно
Учтиво подходил к любой
То с похвалою, то с мольбой.
Благодарят Кларис с Отоном

За дар, что милыми вручен им,
То бишь, хоругви и парчу.
Фламенка им: «За то хочу
Благодарить, что дар мой принят.
Жду вас назад, чуть вечер минет».
От короля к себе спешит
Эн Арчимбаут. Затем визит
К Гильему: только до шатра
Сопроводил его – пора
С Бургундским герцогом встречаться.

Чтоб честь воздать, готов он мчать «
Ко всем, чтоб знал любой барон,
Сколь предан и услужлив он.
Окончив ужин, ближе к ночи
Гильем провел, как мог короче,
Все сборы; был бы он не рад
Весьма, коль ночь и сон – услад
Его лишили б. В те минуты,

Когда раздеты и разуты
Бывают люди, нужным счел
Поддеть под алый он камзол
Кольчужку, острый, с твердым жалом,
Взяв нож. На этот раз был малым
Эскорт, лишь тридцать человек.
Шум от людей, коней, телег
Был громок. Танцы на виолах
И песен множество веселых
Бретонских всякий музыкант
Играл, словно вокруг был Нант [224],
Где эти песни сочиняли.
Гильем выходит, сенешаля
Санлиса [225] с ног едва не сбив
Вблизи шатра. Тот был учтив.
«Сеньор, – он начал разговор, -
Куда вы?» – «Во дворец, сеньор».
– «Я с вами». – «Я бы не хотел:
У вас поди немало дел
При короле, моем сеньоре;
А я со свитой, все уж в сборе».
Гильем Неверский не впотьмах,
Не пешим брел – в нем есть размах:
Все на парадных лошадях.
У первых – факелы в руках,
Он двадцать толстых и тяжелых,
По силе каждому, нашел их:
Один мог фунтов двадцать весить,

А фитилей в них штук по десять [226] -
Такими освещают дом.
Остановившись пред дворцом,
Жонглеров пенье услыхали

Они и шум сидевших в зале.
Сошли с коней, и всякий звук
Затих, остановились вдруг
Все танцы; каждый шепчет: «Благо
Тому, в ком знатность и отвага
Сошлись, кому так рады все,
Кто столь радушен при красе
Столь яркой, чья рука щедра
На дар и деланье добра.
Той благо, кто такого примет

Так, что при ней он платье снимет!»
Сидел с Фламенкой рядом граф
Оксеррский – как кузен заняв
То место. «Рыцарь столь отважен, -
Сказал он, – что туда посажен
Быть должен он, где я сижу», -
И встал. «Я честь вам окажу,
Сеньор, – прибавил он шутя, -
Закон любви блюсти хотя,
Здесь усажу вас, и кузину

За вас просить я не премину
И, думаю, уговорю».
Гильем в ответ: «Благодарю», -
И подошел к Фламенке близко.

Того ей мало, что без риска
С рукой сплестись могла рука,
Но столь любезница ловка,
Что, притянув его сначала,
Затем, нагнув, поцеловала.
И то не диво, что в толпе,
Где тот встает, другой к себе
Зовет того, льнет этот к даме,
Тот с тем меняются местами, -
Отыщет та, чей ум остер,
Коль скажут сердце и Амор,
Миг ублажить лобзаньем друга,
Чем тешит и себя, хитрюга.
Дам знаменито мастерство
В таких делах, ибо того
Блаженства, кое дама даст -
Коль есть желанье и горазд
Амор помочь – за полминутки,
Не сможет рыцарь дать за сутки.
Я объясню причину вам:
Уверенность прекрасных дам
В том состоит, что друг не сгинет
Внезапно и не отодвинет
Уст, коль с лобзаньем на устах
Она придет; тогда как страх
Мужчине свойственен, что та
Сбежит, иль не приблизит рта,
Или вспылит. В искусстве оном

Даст фору тысяче баронам
Она; сказал Овидий так,
Что дама в сих делах мастак [227].
Дворцовая сверкала зала,
В ней ярко красота сияла
Дам, чьи открыты были лица.
Меж них Фламенки лик лучится
Всех краше: близ Гильема сидя,
Она не знает, как бы, выйдя
Отсюда, увести его
К себе, покинув торжество
С Отоном и Кларисом вкупе.
Внезапно н'Арчимбаут к их группе
Приблизился: теперь шумиха
Ему претит, вошел он тихо
И со смирением таким,
Что был неслышим и незрим,
Ибо восстала куртуазность
В его душе на несуразность
Того, что должен был народ
Вставать на каждый выход-вход
Его. Гостей он не тревожит,
Его приветствовать не может
Никто – невидим он, пока
Проходит. Правая рука
Его, когда Гильем мгновенно
Хотел подняться, на колено
Ему легла, остановив

Так нежно и легко порыв,
Что защищающая тело
Кольчужка и не зазвенела.
И так же положив Фламенке
Другую руку на коленки
И перед ней с поклоном встав,
Сказал: «Есть, дама, новость: граф
Дю Бар, кузен ваш, с братом, имя
Чье – дон Рауль, и десять с ними
Других кузенов, им под стать,

Наутро рыцарями стать
Должны; вы встретите их завтра
……………………………… [228]»
– «Сокровищ в дар, – она ему, -
Нашла б я им, по не пойму,
Кому какие подойдут».
– «Коль на себя помочь вам труд
Сеньор Гильем бы взял, да вместе
Отон с ним и Кларис, по чести
Скажу, совет они умело

Вам дали б, ибо знают дело».
– «Просите ж их, сеньор: все трое
Пускай пройдут ко мне в покои».
– «О дама, – ей Гильем, – о том
Просить, к чему я сам влеком,
Не дам: для вас и для сеньора
Я б с удовольствием и споро
К труднейшим приступил делам,
Чтоб угодить ему и вам».
Проходят все в покои к даме,

И класть Фламенка пред гостями
Велит на пышные ковры
Сокровища, и столь щедры
Те были рыцарям подарки,
Что будь их тысяча, по марке
Всяк получил бы золотой.
Эн Арчимбаут, сей широтой
Сражен, сказал: «Дары свои вы
Распределите справедливо.
Я – к королю, а вас в покое
Оставлю: на троих вас трое,
И, значит, будет вам с руки
Делить между собой снурки» [229].
Затем Гильему: «Пусть обиду
Не причинит вам то, что выйду
Я ненадолго – и стремглав
Назад». И он исчез, сказав
Сии слова, В тот самый миг,
Как вышел он, Гильем постиг,
Из драгоценностей нужна
Ему какая, столь нежна
Та, что пред ним, и белолика
И статна; от нее он крика
Не ждал, иль что насупротив
Пойдет, его не одарив
Без просьбы тем, чего хотел он.
Ее он обнял, и проделан
К желанной цели путь был им,
Хоть и стоял он недвижим.

Желанье и Амор на страже

Стояли; с Маргаритой в стражи
Пошел Кларис, однако взор
Вперял он не в дверной запор.
Все трое, дам своих вначале
Обняв и нежа, целовали
И делом занялись затем
Еще одним – но тут я нем.
А были в нем они так прытки,
Что у рубашки иль накидки
Сил не было сдержать напор.

Вот угождает как Амор
Своим, к их благу все устроив!
Рассказ продолжим: из покоев
Шли, радуясь, они; вся зала
Дворцовая навстречу встала
Приветствовать Гильема. Пусть
Отбросит всякий рыцарь грусть
Любовную, пусть из-за ков
Помешанных клеветников
Он вежества не ненавидит,

Пусть влюбится, коль случай выйдет!
Собрался в путь Гильем со свитой.
Ни дамы не было забытой,
Ни рыцаря: всех обошед,
Покинул залу он – привет
Всем послан был. Фламенка рада
Тому, как ею все ж услада

Ему подарена была.
Едва ль другая столь смела
Была средь дам и мастерица
Такая, чтоб договориться
У целой залы на глазах
И на слуху, отбросив страх.
С любимым – чтоб он с ней возлег
И всем то было невдомек.

Наутро рыцарями стали
Те, что вкусить Гильему дали
Услад, неведомых досель.
Уложенный к жене в постель
Эн Арчимбаутом, он забаву
Устроил для себя на славу.
Несчастный же подумать – веря
Тогдашней клятве в полной мере -
Не мог, что спрятан смысл двойной
В софизме, сказанном женой [230].
Безумец, дурень и простец,
Под стать Боецию мудрец [231],
Тот муж, что мнит лишить супругу
Возможности потрафить другу.
Был как бы от стыда багров
Круг солнца, стих колоколов
Звон к утрене – и загремели
Литавры, барабан, свирели,
Фанфары и рога, те – глуше,

Те – звонче, но не по-пастушьи.
К турниру это был призыв,
Звучал он, всадников взбодрив
И лошадей: чтоб в срок прибыть,
Они во всю скакали прыть.
Тонуло в шуме все и звоне,
Трясли бубенчиками копи,
То издавая трель, то звяк,
Поскольку их менялся шаг:
То это был галоп, то рысь.
Себе на горе разрослись
Цветы и травы тут – все вяло!
Вот было каково начало!
Король и семь баронов пост
Свой заняли, став на помост,
Затем Фламенка со своими
Служанками, и дамы с ними.
Бароны держат над собою
В честь рыцарей, готовых к бою,
Один из знаков и эмблем,
Украсивших копье и шлем
И щит бойцов. Пообещав
Немедля вслух – отдать рукав [232]
Сопернику, кто первым в прах
Другого сбросит, – при словах
Последних услыхала крик
Фламенка общий; он возник
Из-за того, что выпад дерзкий

Уже свершил Гильем Неверский:
Рукав пора снимать с руки -
Граф до ля Марш был мастерски
С седла им ссажен, наземь сбит,
Захвачен конь, отобран щит.
Вмиг горожан полна арена,
К Гильему очевидцы плена
На случай, если граф в поруке
Нуждается, все тянут руки.
Гильем же говорит им: «С графа
Брать вовсе не хочу я штрафа,
Зато к моей пусть даме граф
Чрез дверку ту пройдет, сказав,
Что послан мной он и в обмен
На плен мой – ей сдается в плен».
Вернул доспехи и коня
Он графу, и верхом, тесня,
Толкая и давя народ,
К Фламенке устремился тот.
Сцепил он руки, на колени
Встал и поведал ей о плене
Своем: «На то, чтоб к вам идти,
Тот, кто являет во плоти
Цвет рыцарства, меня обрек.
Богат доход мой и оброк,
И, коль хотите, я сумею
Тем угодить вам, что имею.
Коль вольным я от вас уйду,

С меня получите вы мзду».
Ему Фламенка: «Мне угодно,
Чтоб стали вы, сеньор, свободны,
Но вас пленившему спасибо
За то должны сказать вы, ибо
Хотел того он. Так что, граф,
Прошу свезти ему рукав
В знак благосклонности, тем паче,
Что упустить ни в чем удачи
Не должен он. Когда рассвет

Настал, то, на помост взошед,
Чтоб весь турнир окинуть взором,
Пред королем, моим сеньором,
Послать рукав дала я слово
Тому из рыцарей, другого
Кто первым выбьет из седла.
Коль бог не хочет, чтоб дала
Я слово зря, и рыцарь знатен,
Мне сей исход весьма приятен».
– «Что ж, миссия не тяжела

Отнюдь для вашего посла.
То, что скажу я, не причуда:
Пусть бог не даст уйти отсюда
Мне и попасть в родной удел,
Коль вру, что я б сильней хотел
Упасть, чем сбить его с коня, -
Ибо послал он к вам меня».
Он дар берет: рукав так тонко
Свернуть служанка-компаньонка
Иль кто из дам других навряд

Могли б. Он знал, что будет рад
Гильем, и, спешась, произнес
Учтиво: «Я, сеньор, привез
Дар куртуазный. Той, кем он
Вам послан, я освобожден.
Дарительница рукава,
Благорассудная, слова
Такие шлет вам: час был ранний,
Когда, придя к началу браней,
Она при короле обет
Дала – на что не мог запрет
Наложен быть – тому рукав
Отдать, не ущемляя прав
Любви, кто первым наземь сбросит
Соперника; и преподносит
Бог, сделав так, что первым вами
Другой повержен, радость даме:
Та тотчас стала весела,
Чему в свидетельство дала
Рукав». Гильем нетерпеливо
Его берет, затем учтиво
Расправив, прячет внутрь щита,
Прижав при помощи и рута
Серебряного, чтоб, свисая,
Высовывался из-за края
Чуть-чуть, зато чтоб пред собой
Его он видел в миг любой.
Другим бы разве так пристали
Дары подобные? Едва ли.

Не тот ли может ждать поблажки,
Кто ни промешки, ни промашки
Не знал за дамою своей?
И это в ней всего ценней:
Даруется удел счастливый
Любовью дамы, не ленивой
Всегда на всякую услугу,
Но не на притесненья другу.
Насколько сладостно с такой,
Приятной самой и благой
И нежной и во всем примерной,
Настолько тягостно со скверной
Особой, нрав которой груб,
Дурны манеры, разум туп.
Те знают, кои претерпели
Зло это, не приблизясь к цели!
И я о том молчать не стану,
Как предана она обману
И счастлива, предлог нашед
Сказать возлюбленному «нет».
Столь неотесанную тешит
То, что никто ее не тешет,
До дня, когда, не видя в лоске
Нужды, забудут все о теске:
Коль «нет» такая произносит,
Когда ее хотят и просят,
То вовсе смысла нет, когда
Уже не просят, молвить «да».

Коль «некала» при просьбе всякой,
Быв юной, – в старости не «дакай»!
Своим не ублажить ей даром
Ни в юном возрасте, ни в старом.
Мне ясно, что когда б цепа
У красоты, как у вина
Иль золота росла с годами,
То, мучась, милосердья в даме
Вы не нашли б наверняка:
Хотя по всем статьям дика,
Служенья жаждет и почета,
А к ней придет за тем же кто-то -
Спесивой станет и бесстрастной,
Притом что грамота несчастной
Жалована на малый срок!
Краса иссякнет, как поток,
На краткий миг после дождей
Живей бегущий, чем ручей,
Водой обязанный ключу.
«Вы думаете, я шучу?
Нет, здравый смысл тому нас учит,
Что только зря влюбленных мучит
Задержка дамы иль запрет.
Пусть позабудет впредь о «нет»,
Пусть от привычки этой вредной
Скорей избавит ум свой бедный,
Ибо тому, кто уж привык
К дурному, не отвыкнуть вмиг.

Не шутки ради нам Гораций [233]
Оставил несколько нотаций:
Вкус, коим котелок пропитан
Сначала, до конца храпит он.
И все, когда нечист сосуд,
Скисает, что в нею нальют.
Но с дамой мучиться не надо
Гильему: все для друга рада
Сказать и сделать, что должна,
По слову первому она.
Меж тем, с лувенским Гонтариком
Бой в нетерпении великом
Тот начинает, кто доселе
Непревзойден был в ратном деле,
То бишь Альфонс, Тулузский граф.
Два славных рыцаря стремглав
Несутся; тот и этот щит
Смят; под ударами трещит
Нагрудник конский и подпруга.
Сбить наземь силятся друг друга,
И каждый не жалеет шпор.
Жесток удар, могуч напор.
Сбив седла, копья изломав,
Дерутся с помощью булав
И жезлов; шлем стремясь рассечь,
Лишь гнут его, зазубрив меч.
Не видел свет подобной рубки.
Никто не делает уступки,

Показывая, как он смел.
С арены уходя, успел
Гильем Неверский дать наглядный
Бойцам урок работы ратной.
Шестнадцать захватил коней
Кастильских он, со сбруей всей
И седлами, и всех поврозь
Хозяев их; не удалось
Тулузской стороне помочь им -
Граф спасся, плен достался прочим:
Джауфре де Блай средь тех рубак,
Граф, не риставший натощак;
Арнаут Бувильский – друг баронам
Благим и враг угрям копченым;
А третий – Юк де Люзиньян;
Средь сих владельцев замков рьян
И славен каждый был воитель.
Гильем спросил у них: «Хотите ль,
Чтоб плен не тяготел над вами?»
– «О да, сеньор». – «Сеньоры, к даме
Моей тогда направьте шаг,
К тому, где королевский стяг
Вы видите, ступайте входу,
Клянусь, вам даст она свободу».
– «Благодарим, сеньор, мы ей
Себя вручим как ваш трофей».
Доспехов и коней возврат
Недолог; все туда спешат,

Где возле узкого проходца
Фламенка шутит и смеется
И, как король и свита вся,
Вслух говорит, что удался
Турнир. Ей пленники пред всеми,
С почтеньем молвив о Гильеме,
Сдаются, говоря: «Благая,
Короной красоты блистая,
Соединяете в себе вы
Все из достоинств королевы.
Гильем Неверский куртуазный
Нас – бой ведя в разнообразной
Манере, – в плен забрал, и вот,
В дар, под начало ваше шлет».
Фламенка королю со смехом
Бросает: «Я рукав с успехом
Пустила в дело: возросло
Баронов, взятых в плен, число».
И тем: «Вас не хочу держать я
В неволе, не мое занятье.
Забудьте же, что вы в плену,
Я вас пленившему верну,
Его лишь и благодарите:
Взял в плен и даст из плена выйти».
Они, как только с ней простились,
На луг к Гильему возвратились,
Чтоб передать от той поклон,
Чьей щедростью возвышен он.
Эн Арчимбаут, все поле сечи

Объехав, рад был каждой встрече
С соперником. Вот дон д'Андюз
Схватился с ним, отнюдь по трус:
Так люто бьются, что пробит
У каждого тяжелый щит
И разъезжается кольчуга,
Но наземь им не сбить друг друга.
Граф де Сент-Поль стал в свой черед
Ристать, когда пред ним, в намет
Коня пустив, эн Аймерик,
Нарбоннский герцог, вдруг возник:
Так в этой схватке оба круты,
Что чуть не с первой же минуты
Пришлось им наземь соскользнуть.
Их кони сшиблись грудь об грудь,
Стремясь друг друга побороть,
И рухнули – расселась плоть.
К ним рыцарей два стана мчатся
……………………………… [234]
Как в деле лучше преуспеть,
Чтоб подвиг их считали впредь
Примером доблести и чести.
Держались в каждом стане вместе
Бойцы: копей вернув себе,
Столь многие спешат борьбе
Предаться с небывалым жаром,
Что глушится удар ударом.
Теснимы, сил лишась, приняв
Удары копий и булав,
Они, отъехав, ищут случай

Вновь показать в бою, кто лучший,
Чьи правильней приемы, чей
Удар точней и конь ловчей.
Сошлись Гильем де Мониелье
И эн Гарин де Реортье:
Бургундец [235] был обескуражен
Тем, что с седла два раза ссажен;
Лежит он, и никто нейдет
На помощь – этот стан и тот
Осмеивают исполина,

А он был больше Константина [236],
Соперник же, хоть ростом мал,
Когда к упавшему взывал,
То громко говорил и звучно:
«Сеньор, ну как внизу, не скучно?»
Свое ристание Туренский
Виконт и граф Готье Бриеннский
Вели на куртуазный лад:
К руке соперника прижат
Выл щит, рука уперта в боге.

Удар их копий столь жесток,
Что, щит пробив, пронзает руку,
Но это незаметно: муку
Терпя, они свой стойкий нрав
Являют, виду не подав,
Что ранены и терпят боль,
Меж тем, раненья тяжки столь,
Что без оружья, без турнирной

Борьбы придется месяц мирный
Прожить им. Графу де Родез
Шампанский граф наперерез
Помчался: оба в битве яры,
Великолепны их удары.
Пахва, нагрудник, удила,
Ремень стремян, лука седла,
Подпруга, трок, продетый в пряжки, -
Искромсаны; никто, промашки
Не сделав, не повержен в прах -
Устаивают на ногах,
Щит у груди, над головой
Копье: затеять пеший бой
Готовы, не жалея сил.
Но тут король провозгласил:
«Бароны, на сегодня хватит!
Пусть больше сил никто не тратит.
Все схватки славны; захоти
Придумать кто, не превзойти
Мечтам ристаний столь отменных».
Вот по домам коней и пленных
Разводят, но на зависть всем
Был тех, кого забрал Гильем
Неверский в плен, благой удел:
На них цепей он не надел,
И им не нужен поручитель,
Почтившим даму, чей учитель -
Благодеянье. Общий сбор

Трубит рожечник и жонглер
То там, то здесь. После обеда
Ведется про турнир беседа
Баронами при короле -
Сведя, мол, лучших на земле
Бойцов, другим он не чета:
«Но выше всех свои цвета
Тот носит, кто, его начав,
От дамы получил рукав».
Перед вечерней, на закате,
Тот, для кого Амор занятье
Найдет, к той во дворец идет,
Без чьих не может жить щедрот.
Весьма радушен дамы вид,
И он ее благодарит
За тот рукав из багряницы.
Поближе каждый стать стремится
К другому, чтобы, чередуя
С объятиями поцелуи,
Ласкать хотя бы ткань одежд,
И все; они полны надежд,
Чуть только будет то удобно,
Все показать, на что способны.
Вновь на турнир с утра спешил
Народ; Фламенку на настил,
Взяв за руку, король возвел.
Вновь отдан вмиг был узкий дол
Турнирным пляскам всевозможным:

Ни танец аббатисы сложным
Столь не бывал, ни пикомпан [237].
Считать не успевали ран,
Пленений, возвращений к воле,
Там – падали, там – встав, кололи.
С виконтом де Мелюн, верхом
Сидевшем на коне гнедом,
Сумел сеньор де Кардальяк
Управиться; дивился всяк,
На ход нежданный боя глядя:
Виконт был выше на две пяди
И силу большую имел;
Но предначертан сей удел
Любому, и весьма он част:
Чего природа не додаст
Кому-то в росте или в силе,
Вернет то в доблести и пыле.
Не может выглядеть убого
Тот, скрыто в ним достоинств много.
Есть поговорка: «Мозгу прок
Ничтожный от волос и щек».
Тот ростом взял, кто не удал,
Кто мужествен, тот ростом мал.
А с графом Фландрским, что пришпорил
Как раз коня, в ристанье спорил
Джауфре де Люзиньян, и лугом
Они скакали друг за другом.
Им удается на куски

Рассечь ударами щитки,
Пронзить кольчугу и вспороть
Камзол, под тканью ранив плоть.
Едва не падают на землю
…………………………… [238]

Дополнения [239]

Арнаут Даниэль

Когда с вершинки
Ольхи слетает лист,
Дрожат тростинки,
Крепчает ветра свист,
И нем солист
Замерзнувшей лощинки -
Пред страстью чист
Я, справив ей поминки.

Морозом сжатый,
Спит дол; но, жар храня,
Амор-оратай
Обходит зеленя,
Согрев меня
Дохой, с кого-то снятой,
Теплей огня, -
Мой страж и мой вожатый.

Мир столь прекрасен,
Когда есть радость в нем,
Рассказчик басен
Злых – сам отравлен злом,
А я во всем
С судьбой своей согласен:
Ее прием
Мне люб и жребий ясен.
Флирт, столь удобный
Повесам, мне претит:

Льстец расторопный
С другими делит стыд;
Моей же вид
Подруги – камень пробный
Для волокит:
Средь дам ей нет подобной.

Было б и низко
Ждать от другой услад,
И много риска:
Сместится милой взгляд -
Лишусь наград;
Хоть всех возьми из списка
Потремблький хват -
Похожей нет и близко.

Ее устои
Тверды и мил каприз,
Вплоть до Савойи
Она – ценнейший приз,
Держусь я близ,
Лелея чувства, кои
Питал Парис
К Елене, житель Трои.

Едва ль подсудна
Она молве людской;
Где многолюдно,
Все речи – к ней одной
Наперебой;
Передает так скудно
Стих слабый мой
То, что в подруге чудно.
Песнь, к ней в покой

Влетев, внушай подспудно,
Как о такой
Пропеть Арнауту трудно.

Бертран де Борн

О Лимузин, земля услад и чести,
Ты по заслугам славой почтена,
Все ценности в одном собрались месте,
И вот теперь возможность нам дана
Изведать радость вежества сполна:
Тем большая учтивость всем нужна,
Кто хочет даму покорить без лести.

Дары, щедроты, милость в каждом жесте
Любовь лелеет, словно рыб – волна,
Мила любезность ей, благие вести,
Но также – двор, турниры, брань, война:
В ком тяга к высшей доблести сильна,
Не оплошай, ибо судьбой она
Нам послана с доной Гвискардой вместе.

Пейре КАрденаль

Любовь я ныне славлю всласть:
Она дает мне спать и есть,
Меня не жжет, не студит страсть,
Я не блуждаю где невесть,
Вдаль не гляжу, зареван,
Не мучит душу мне разлад,
Я не унижен, не распят,
К посланцу не прикован,

Предать меня не норовят,
Дела мои идут на лад.

Против меня не ставят снасть,
Не страшно мимо стула сесть,
Не надо ни изменниц клясть,
Ни грубого ревнивца месть,
Никем не атакован,
Ничьей внезапностью не смят,
Не гнусь под грузом глупых лат,
Не гол, не обворован,
Не говорю, что я объят
Любовью, ни что в сердце ад.

Не говорю, что должен пасть,
Что мук любви не перенесть,
Встреч не ищу, не славлю власть
Той, что могла мне предпочесть
Любого, будь готов он;
Нет дела до ее наград,
До сердца, сданного в заклад;
Не бит, не ошельмован,

Любовью в кандалы не взят,
Напротив, ускользнул и рад.
Благую победитель часть
Избрал: его венчает честь,
А побежденного ждет пасть
Могилы, страшно произнесть.
Но высший тем дарован
Удел, кто из души разврат
Изгнал, кто армией услад
Не мог быть завоеван;
Победа эта им стократ

Важней, чем городов захват.

Хочу на тех охулки класть,
Чья речь – ручей, чьих чар не счесть,
Кто скор корысть красавиц красть,
Вливая ловко в ласку лесть;
Их раж и жар раскован,
Они о нас надменно мнят;
Визг розг и грязь грызне грозят,
Но зря тот арестован,
Чья явь – любовь, а яства – яд;
Плачь, коль оплачен оптом клад.

Курс волей облюбован
Такой, что чувства наугад,
А не куда хочу, летят.

А. Г. Найман. О «ФЛАМЕНКЕ» – старопровансальском романе XIII в.

В начале XIX в. новоназначенный префект департамента Од обнаружил в каркассонской муниципальной библиотеке рукопись in-octavo в деревянном переплете, с вырванным началом и концом и несколькими недостающими в середине листами. 139 сохранившихся листов были записаны с двух сторон в одну колонку стихами на старопровансальском языке, 25 позолоченных заглавных букв и 221 монохромная (синего или красного цвета) украшены богатым орнаментом, пергамент листов был в хорошем состоянии. Рукопись направили ученому эрудиту Франсуа Рейнуару, и вскоре, в составе первого тома словаря провансальского языка, он опубликовал несколько сотен стихов новонайденного романа [240], дав ему название «Фламенка», каковое за ним и закрепилось (подлинное заглавие навсегда утрачено для нас вместе с титульным листом рукописи). Первое полное издание романа вышло в 1865 г [241]. Новейшее издание, снабженное превосходным научным аппаратом, появилось несколько лет назад в Швейцарии [242].

В последние годы читатели, интересующиеся средневековой куртуазной литературой Западной Европы, нередко получали возможность знакомиться с новыми ее памятниками. В серии «Библиотека всемирной литературы» был выпущен том «Трубадуры. Труверы. Миннезингеры» (серия I, т. 23), Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» издала небольшую, но достаточно репрезентативную антологию старонровансальской поэзии [243], а в серии «Литературные памятники» вышли «Смерть Артура» Томаса Мэлори (1975), романы о Тристане и Изольде (1976), «Песни» Бернарта де Вентадорна (1979) и романы Кретьена де Труа (1980). К этому списку надо добавить и несколько выходящих в той же серии книг – итальянский сборник XIII в. «Новеллино» и собрание средневековых провансальских новелл, представляющих собой жизнеописания трубадуров. В том же ряду стоит и «Фламенка» – один из двух дошедших до нас провансальских куртуазных романов.

Как всякий выдающийся памятник литературы, «Фламенка», которой посвящена колоссальная научная литература [244], обросла несколькими устойчивыми характеристиками. Достаточно посмотреть на названия некоторых книг и статей о романе, постоянно именуемом «жемчужиной провансальской литературы», чтобы получить представление об основных подходах к нему: «У истоков психологического романа» [245]; «Фламенка», роман южно-французских нравов» [246]; «Провансальская „наука любви" XIII века» [247]; «Роман„Фламенка" как изображение куртуазной речи» [248], и даже «Фламенка, средневековая сатира на куртуазную любовь» [249]. Как видим, интерпретации «Фламенки» весьма колеблются, достигая противоположностей в широком спектре его истолкования – от «науки любви» в средневековой, восходящей к Овидию, традиций (развитой в XII в. близким ко двору Марии Шампанской северофранцузским клириком Андреем Капелланом, автором латинского трактата об искусстве куртуазной любви) – до сатиры на эту любовь. Для объяснения этого парадокса нам надо прежде всего сказать несколько слов не только о самой куртуазной любви, но и о том куртуазном обществе юга Франции, в котором зародилась и была развита ее концепция, определяющая культурные модели и модели сознания в Европе вплоть до сего дня. Здесь же заметим, что для русского читателя «Фламенка» представляет еще и особый интерес в связи с тем, что Александр Блок, специально изучавший этот роман, в большой мере использовал его материал в своей драме «Роза и крест», что было детально исследовано в специальной монографии В. М. Жирмунским [250].

Расцвет провансальской литературы связан с творчеством трубадуров – первых в Европе поэтов, сочинявших куртуазную лирику на народном языке юга Франции – Прованса. Зарождение поэзии трубадуров в конце XI – начале XII в. связано с феноменом «средневекового Ренессанса» – необычайным культурным взрывом, сопутствовавшим процветанию независимых южных феодально-аристократических дворов, издавна связанных (географически, исторически и династически) с соседней арабо-испанской культурой [251]. Выражением нового куртуазного идеала становится любовь к Даме. Не только самый уклад жизни средневекового замка, с той

огромной ролью, какую в нем играла его хозяйка-кастелланша, но и понятные ограничения, защищающие честь девицы в регламентированном средневековом обществе, сделали объектом куртуазного поклонения замужнюю даму – жену феодального сеньора. Любовь к Даме трубадура носит характер идеальный по преимуществу, являясь для него источником духовного постижения и совершенствования. Муж, поэтому, должен был проявлять величайшую терпимость, тем более, что в мифологизированном мире куртуазной любви его супружеские права не подвергались ни малейшей опасности. Напротив, ревность, как тенденция к эгоистическому обладанию, в мире куртуазии считалась тягчайшим грехом. Куртуазная любовь породила великолепную поэзию, оказавшую влияние на всю последующую европейскую поэтическую традицию.

«Провансальский Ренессанс» был, однако, сравнительно недолгим. Уже в начале XIII в., в ходе войн, которые более отсталый в культурном отношении Север вел против Юга, Провансу с его аристократической куртуазной культурой было нанесено поражение, и оправиться от него он уже не смог. В такую тяжелую для Прованса пору и был создан роман «Фламенка» [252], явившийся своего рода литературной ретроспективой провансальской куртуазной жизни [253]. В этом свете проясняется значение одного из отступлений в начале романа, которое Шарль Кампру, поэт и ученый современного Прованса, предлагает, за неимением не дошедшего до нас Пролога, считать таковым [254]:

Прием роскошно был устроен.
Тот званья богача достоин,
Кто больше тратит на гостей.
Быть хочет каждый всех щедрей
И всем, кто примет, что-то дарит.
Не нынешний он вовсе скаред:
Один раз даст, и взятки гладки,
Вот благородство и в упадке.
Тому едва ль кто изумится,
К единой цели мир стремится,
И ведомо ли вам, к какой?

Порок отправил на покой
Все то, что с Благородством схоже.
Скончалась Доблесть, Радость тоже.
– Но почему? – А потому,
Что Стыд сам при смерти. – Ему
От Знанья ждать ли исцеленья?
– Клянусь, что нет. Благоволенье -
Сегодня рыночный товар;
Простой совет, не то что дар,
Дается человеком, лишь
Когда приносит то барыш
Ему иль другу, иль когда
Врагу довольно в том вреда.
Чтить Юность – тоже, значит, грех.
Что спорить, коль стоит при всех
Любовь с поникшей головой.

(Ст. 223 – 249.)

Хотя оплакивание куртуазных ценностей в поэзии трубадуров встречается едва ли не с момента ее зарождения (особенно у раннего – и единственного в романе названного по имени – Маркабрюна), отрывок этот, под таким углом зрения, приобретает особое значение, придавая роману полемическую ноту, столь актуальную в эпоху северофранцузской агрессии, и устанавливая его действие в перспективе некоего идеального куртуазного прошлого, где равновесие, нарушенное некуртуазным поведением мужа-ревнивца, может и должно быть восстановлено усилиями куртуазных его персонажей.

Сюжет романа развивается просто и изящно. Владетельный сеньор Арчимбаут Бурбонский через послов делает предложение дочери графа Ги Немурского, юной и прелестной Фламенке. Граф согласен, немедленно начинает готовиться к торжественному приему, и на Троицу в Немуре играется пышная свадьба. Арчимбаут спешит вернуться к себе в Бурбон, намереваясь по случаю свадьбы устроить

небывалый доселе прием. На этом заканчивается экспозиция романа (ст. 1 – 301).

Праздник в Бурбоне удается на славу. Целыми семьями, в сопровождении оруженосцев и слуг, съезжаются на него все бароны страны. Король и королева, по просьбе Арчимбаута заехав в Немур, привозят с собой Фламенку. Столы ломятся от обильных и изысканных яств, сотни жонглеров показывают образцы певческого, танцевального, гимнастического искусства, слух гостей услаждается пленительными и поучительными историями, за пиром следует бал, за балом турнир, посвящение новых рыцарей. Веселье набирает силу, п когда королеве кажется, что ее супруг чрезмерно увлечен Фламенкой, первое впечатление такое, что эту слабо диссонирующую ноту рассказчик взял лишь затем, чтобы придать мажорному повествованию дополнительную пикантность. Однако топким ядом нескольких фраз королеве удается отравить сердце Арчимбаута. Внешне торжество заканчивается так же роскошно и радостно, как началось, но роман уже получил драматическую завязку (ст. 362 – 992).

От ревности Арчимбаут почти сходит с ума. Испытывая боль и бессильный гнев, он придумывает и осуществляет жестокий план: запирает Фламенку вместе с двумя ее служанками-наперсницами, Маргаритой и Алис, в тесной башне замка. Никому не доверяя, он сам становится грозным стражем жены. Ей разрешается выходить лишь по воскресным и праздничным дням в церковь, и время от времени принимать ванны (обладающие также и целительным действием). И то и другое, разумеется, под неослабным надзором ревнивца, который позаботился о самых строгих мерах предосторожности. Так проходит два года (ст. 993 – 1560).

Прекрасный и юный (хотя и успевший уже приобрести главнейшие достоинства рыцаря и ученого клирика) граф Гильем Неверский, услышав печальную историю Фламенки и заочно влюбившись в нее, отправляется в Бурбон, чтобы помочь ей. Прибыв на место, он останавливается в гостинице Пейре Ги, хозяина тех самых ванн, которые иногда в сопровождении двух своих служанок посещает Фламенка. Природное обаяние и щедро раздаваемые дары сразу же приносят ему расположение домохозяина и его жены, так же как – через некоторое время – капеллана бурбонской церкви дон Жюстина. Первый раз он видит Фламенку в храме (30 апреля), в продолжение

всей мессы – под вуалью, а в короткий миг, когда мальчик-прислужник Никола, давая благословение, подносит ей для поцелуя бревиарий, – часть лица. Ночью, во сне, ему открывается хитроумный план достижения цели. Все пружины сюжета взведены и начинают действовать (ст. 1561 – 2959).

Назавтра, вновь наблюдая в церкви момент благословения Фламенки, Гильем решает, что этого времени достаточно, чтобы успеть произнести короткое слово. Перед дневным сном он уже отчетливо формулирует для себя план действий: заставить священника взять его в прислужники, отпустив прежнего, и нанять камнетесов для рытья подкопа из ванн в его комнату. За обедом он делает первый шаг: договаривается с хозяевами о том, что они на время съедут, предоставив в его распоряжение весь дом; и со священником – о пострижении его в причетники. Тотчас на голове Гильема выстригают тонзуру. Он просит капеллана принять его в причет, отправив на его счет Никола учиться в Париж. Через три дня хозяева переезжают в другой дом, Гильем посылает гонца за рабочими, в конце недели уезжает Никола. Гильем становится прислужником (ст. 2960 – 3874).

В первое же воскресенье (7 мая), подойдя к Фламенке с благословением, в тот миг, когда она целовала псалтырь, Гильем успел незаметно для всех шепнуть ей: «Увы!» С этого дня и до дня святого Петра-в-веригах (1 августа), встречаясь по праздникам в церкви, они обмениваются в общей сложности двадцатью короткими репликами и, наконец, договариваются о том, что в ближайший удобный день Фламенка придет в ванны. (Ст. 3949 – 5721). Тем временем потайной ход уже вырыт (ст. 4731 – 4752). Приближается кульминация романа. Фламенке удается убедить мужа в том. что она тяжело больна и, чтобы вылечиться, должна принять курс ванн. Назавтра после последней реплики Фламенки в храме она, вместе с Алис и Маргаритой, приходит в ванны. Через несколько минут в помещение по подземному ходу проникает Гильем (ст. 5816). Вчетвером они отправляются в комнату Гильема, где и протекает первое свидание влюбленных. Назавтра новое, длительное свидание. И так продолжается до дня святого Андрея (30 ноября) (Ст. 5898 – 6060).

В этот день между Фламенкой и Арчимбаутом происходит объяснение, которое коренным образом меняем ситуацию. Фламенка обещает «впредь так строго за собой смотреть», как это до сих пор

делал муж, и взамен просит у него свободы. Не улавливая двусмысленности ее предложения (см. прим. 199), Арчимбаут соглашается (в этом месте рукописи утрачен лист, и переворот в настроении ревнивца случается без подготовки, вдруг). Начинается заключительная часть романа. Арчимбаут освобождает жену из заточения, сам освобождается от ревности и объявляет о намерении устроить весной турнир. Фламенка приходит на последнее тайное свидание с Гильемом и убеждает его уехать, с тем, чтобы вернуться затем в своем подлинном виде, в качестве турнирного бойца. После мучительного прощания Гильем уезжает. (Ст. 6765 – 6928). До Пасхи, к которой приурочено открытие турнира, Фламенка живет ожиданием вестей от возлюбленного. Одну из них – послание Гильема вымышленной даме, настоящим же адресатом имеющее в виду Фламенку, – привозит ей ни о чем по-прежнему не догадывающийся Арчимбаут, который на турнире в Лувене успел подружиться с Гильемом. (Ст. 6984 – 7171).

Турнир в Бурбоне собирает лучших рыцарей страны. Вновь, как на свадебном торжестве в начале романа, на нем присутствует король. Арчимбаут представляет Гильема Фламенке, даме турнира. Во время краткого свидания па людях им удается условиться о встрече ночью. Их задачу облегчает Арчимбаут, который уводит Фламенку и Гильема с вечернего приема во внутренние покои и оставляет их там одних. (Ст. 7182 – 7674).

Наутро – шумное и праздничное открытие турнира. Поединки лучших бойцов сменяют друг друга. Ристательным искусством, бесстрашием и силой Гильем превосходит всех. Он посылает к Фламенке плененных им соперников, она награждает его рукавом (см. прим. 66). Вечером они вновь встречаются во дворце. С утра турнирные схватки возобновляются с не меньшим, чем накануне, пылом (Ст. 7689 – 8095). На этом рукопись обрывается. Таков событийный сюжет романа.

Однако, помимо перечисленных главных героев, в романе есть еще один персонаж, принимающий самое живое участие и играющий решающую роль в важнейших эпизодах повествования, – это Амор. Персонифицированный образ всевластной любви, строгий, заботливый и насмешливый вожатый влюбленных средневековья, воспринявший основные черты своего античного предшественника, Амор становится

третьим собеседником и могущественным другом Гильема и Фламенки. Являясь во сне и наяву, он побуждает героя к действию, научает его хитрости, поощряет похвалой и поддразнивает. Ему жалуются, его поступки обсуждают наравне с поступками других действующих лиц. В системе куртуазных координат он – высшая из персонифицированных добродетелей, но не единственная. Выступающие в одном стане с ним Юность, Радость, Щедрость, Милосердие, Благородство противостоят Зависти, Скаредности, Страху, Низости. И это не аллегорическое только противостояние, но вполне живое: в свои отношения они втягивают действующих лиц, одновременно втягиваясь в отношения между ними. Гильем вступает в острый диалог с Амором (ст. 4013 и далее); Зависть и Скаредность обсуждают гостей на свадебном пиру, как их соседи по столу (ст. 750 – 77); дама Доблесть оказывается кузиной Радости и Юности (с. 748 – 9). Их самостоятельность столь естественна, что подобно им, «частям души», независимо от человека начинают действовать и части тела: глаза, уши. рот, сердце, затевающие между собой весьма невежливую (как и подобает низшим – по отношению к душе – элементам человеческой природы) перепалку, в которую они вовлекают и самого героя (ст. 4371 – 452). Амор проходит, как через зеркальные двери, туда и обратно через взоры влюбленных, связывая между собой их души, которые начинают вести себя, как сами влюбленные: дарят друг другу, не только радость; но поцелуи, объятия, ласки (ст. 6603 – 22).

Это взаимопроникновение метафизического и физического слоев повествования все время выводит сюжет романа из событийной плоскости в новое измерение, благодаря чему создастся впечатление не только широты, но и глубины происходящего. Если внешний сюжет сводится, как видит читатель, к столь популярному в позднейшей европейской литературе «любовному треугольнику», то не ссылками на требования доминировавшей в то время морали, а художественными средствами автор придает этому треугольнику весьма прочное этическое обоснование. Речь идет, разумеется, об автономной этике куртуазной любви – источника всяческого добра и совершенствования куртуазной личности. Если муж, чьи права не могут пострадать в куртуазной ситуации идеализированного ухаживания, доходит, как Арчимбаут, в своей необузданной ревности до прямого насилия, то он не только исключается вместе с другим

антикуртуазным героем – клеветником – за пределы куртуазии, – он сам себя наказывает тем, что становится реальным рогоносцем. Это и есть двигатель сюжета (известного по более ранним стихотворным провансальским историям «Наказание ревнивца» Раймонд Видаля де Безалу и «История попугая» Арнаута Каркасесского), превосходно выявленный в романе. Ревность, посеянная королевой в сердце безукоризненно до той поры куртуазного Арчимбаута, превращает его, молодого человека, в старика [255], шире – почти что в не-человека, обрисованного как какое-то полубезумное, всклокоченное, растрепанное, никогда не моющееся существо. В комическом изображении одичавшего Арчимбаута традиционная мораль нейтрализуется смехом (из чего отнюдь не следует, что она отменяется в жизни, ибо мы имеем дело с развивающимся по собственным законам куртуазным сюжетом литературного произведения). Именно Насилие, незаслуженно учиненное им над Фламен-кой, которую он лишает свободы, столь ценимой на юге Франции, приводит к ущемлению его законных супружеских прав. Заметим попутно, что мотив свободы мастерски вводится автором в завязке романа, когда отец Фламенки, не спрашивая ее согласия, отдает ее в жены Арчимбауту, на что она отвечает:

…Отдав
Меня так просто, сколько прав
У вас вы показали ясно.

Но жених куртуазен – и она добавляет:

Но вам угодно – я согласна.

(Ст. 277 – 280.)

В самом деле, именно весть о насилии над Фламенкой побуждает Гильема заочно ее полюбить (еще один мотив трубадурской лирики, воплощенной в легенде о Джауфре Рюделе, полюбившем никогда не виденную им триполитанскую принцессу и отправившемся искать ее на Восток) и начать добиваться ее любви. Но как только Арчимбаут

возвращает Фламенке свободу, – что самого его возвращает миру куртуазии (в финальных турнирных сценах романа он снова подчеркнуто куртуазен), – Фламенка удаляет от себя Гильема, посылая его «в мир», где он должен прославить свое имя подвигами. Тем самым и Гильем возвращается миру куртуазии. В системе куртуазных отношений свобода не может вести к злоупотреблению, тогда как ревность вводит в грех и затем наказывает самого ревнивца. Обуздывание страсти – будь то разрушительная ревность или то, что трубадуры называли «любовью чересчур» (sobreamar), составляет куртуазную фабулу романа, вписываясь в общее его построение, которое мы определили бы в терминах «восстановления куртуазного равновесия».

Таково трехмерное пространство романа. Гармонично устроенное, пронизанное сквозными ходами, тонко разработанное в подробностях, оно, вместе с тем, существует не в виде обособленной искусственной конструкции, но помещено в систему незамкнутого религиозно-культурного пространства. В координатах этой системы особым образом оцениваются побуждения и поступки героев романа. Совпадая в узловых точках, оба пространства проявляют тенденцию к независимому друг от друга существованию, отчего возникает выгодная для самораскрытия каждого из них перспектива. Результаты этого самораскрытия, однако, парадоксальны: власть духовного начала (церкви) над происходящим во «Фламенке» до поры всемогуща, но лишь потому, что оно владеет инструментом принуждения – церковным календарем, неумолимо распоряжающимся судьбами героев (и, заметим, временем романа): происходящее же, до поры вынужденное подчиняться, не упускает случая продемонстрировать выхолощенность содержания самих духовных понятий. Этот, глубинный, уровень романа, выходящий уже во внелитературное пространство, имеет свой сюжет, самостоятельный и самодостаточный, хотя и связанный с основным и определяемый им. Прежде чем исследовать ого, обратимся еще раз к времени и месту создания «Фламенки».

Точное указание дат церковных праздников, вокруг которых в течение части весны и всего лета сосредоточено действие романа, заставило некоторых ученых искать в них ключ к датировке самого

произведения [256], Исходя из этих дат (Пасха, по этой раскладке, приходится на 2Я апреля), исследователи пытались приурочить не только действие, но и время написания романа к определенному году, а именно, 1234. Возможно, что роман был действительно написан вскоре после этого года, церковный календарь которого был перенесен автором в роман, хотя такая хронология вполне могла быть искусственно высчитана автором по специальным пособиям, кстати, в романе упоминающимся: под видом того, что он якобы желает узнать, когда будет Троица, Гильем берет псалтырь, к которому прикасались уста Фламенки, и далее говорится:

Гильем же лунных фаз расчет
Или эпакту не стремится
Узнать: листает он страницы…

(Ст. 2580 – 2583.)

(речь идет как раз о вычислениях, необходимых для установления дат переходящих праздников). Так или иначе, принимая во внимание реминисценции во «Фламенке» из других произведений, даты которых нам известны (например, «Романа о Розе»; романа Кретьена де Труа), 30 – 40-е годы XIII в. представляются наиболее вероятным временем написания романа. Очевидно, автор, который был, несомненно, духовным лицом и безупречно знал церковную хронологию, воспользовался для романа календарем одного из недавно минувших лет, который у него еще был на памяти, лишь уточняя его по таблицам. Что же касается места написания, то оно было, несомненно, расположено в стороне от театра альбигойских военных действий. Возможно, что здесь ключом является отрывок романа, в котором восхваляется щедрость Гильема (ст. 1722 – 36). Высказывалось предположение, что в этих строках автор, имя которого Бернардет, говорит о себе и своем покровителе, сеньоре д'Альга, из рода Рокфейль, чьи владения располагались в Руэрге близ Нанта. Несмотря на близость их к Тулузе и Альби, где деятельность инквизиции была особенно активной, здесь было относительно спокойно в силу того, что владетели были вассалами короля Арагонского. Подобными же

обстоятельствами может объясняться сохранность в Каркассоне, в непосредственной близости от Каталонии, самой рукописи «Фламенки», пережившей другие, несомненно существовавшие провансальские романы, которые погибли в эпоху альбигойских войн и последовавшего небрежения памятниками куртуазной цивилизации.

Был автор участником драматических событий, или очевидцем, или знал о них только по рассказам (последнее, правда, трудно допустить применительно к трубадуру, который, по самой специфике поэтических турниров, и, судя по описаниям путешествий его героев, должен был много передвигаться по стране) – не так уж существенно для исследования религиозно-культурного слоя «Фламенки». Гораздо важнее то, что человек, столь свободно ориентирующийся в клерикальных тонкостях и в церковной жизни вообще, был, конечно же, в курсе и неоманихейской ереси катаров, и противопоставляемых ей доводов римской церкви. Отвергая и извращая основные положения христианства, катары проповедовали строгий аскетизм в практической жизни, Принятие мясной и молочной пищи считалось смертным грехом. Брак, узаконивавший плотские отношения, отрицался совершенно. В церковной жизни отвергались иконы и необходимость храмов. Богослужение состояло исключительно в чтении Евангелия и проповеди; канонической молитвой считалась только «Отче наш». Единственный обряд – «утешение» – состоявший в возложении рук на голову кающегося, заменял и крещение, и отчасти причащение. Катаризм внешним своим успехом (а эта секта, близкая балканскому богомильству, распространилась по южной и западной Европе уже с конца X в.) был обязан ревности проповедников и тому, что такие трудные для понимания теологические проблемы, как происхождение зла на земле, они объясняли народу в образах, доступных его фантазии. Причудливая космогония, баснословные рассказы о начале мира, эсхатология соответствовали сознанию, еще не отвыкшему от мифа.

До начала XIII в. католическая церковь, ограничившись объявлением катаров еретиками (после торжественного диспута 1165 г.), не предпринимала против них сколько-нибудь действенных мер. Но, сталкиваясь о растущим влиянием катаризма, с открытой враждебностью, попытками разрушения храмов и т. д., папа, после жестокого убийства его легата во владениях графа Тулузского, в 1209 г.

объявил крестовый поход, направленный на искоренение ереси, но также отличавшийся жестокостью. За первым последовали новые походы, получившие, по названию города Альби, где существовала известная на юге катарская община, наименование альбигойских войн. Политические вожди походов преследовали свою цель – захват богатых южных владений. Результатом войн был разгром катаров и перекройка карты Франции. Заменить новыми духовными ценностями те, что предлагались катарами, победителям не удалось, духовного подъема не произошло. Общество чувствовало усталость, владетельным сеньорам и окружавшим их баронам хотелось вернуться к куртуазным утехам [257] и поскорей забыть не только о кровопролитиях двух последних десятилетий, но и о религиозной их подоплеке. Религиозный индифферентизм стал нормой.

«Фламенка» была ответом на религиозный разброд умов. «Церковная» сторона ее сюжета – не только отражение сложившегося в этой сфере порядка вещей, но и живая реакция как на антихристианский безобрядный фанатизм катаров, так и на «земную» политику католиков. Отношения героев с церковью начинаются в романе с раздражения Арчимбаута на помехи, чинимые его желанию: сперва надо ждать воскресной службы, за которой должно произойти венчание, а затем конца самого обряда, слишком, по его мнению, затянутого (ст. 181 и 296 – 297). Этим как бы случайно оброненным замечанием задается тональность, в которой будет выдержана в дальнейшем вся «церковная» тема «Фламенки». На торжестве в Бурбоне дамы возмущены тем, что вечерня прерывает турнирные ристания (ст. 922 – 926). По приметам, восходящим к язычеству, ожидая на майские календы успеха в любовном предприятии, Гильем рассчитывает «сверх того» и на помощь апостолов, чтимых в этот день (ст. 2794 – 2796).

Но мере развития сюжета кощунственная линия становится все заметнее, кощунства все тяжелее: от обета не есть груш (ст. 2978 – 2982) до сравнения любовного наслаждения с небесной манной (ст. 6093 – 6096). Если в начале романа автор останавливает внимание читателя на бекасах, съеденных героиней в постный день (ст. 464 – 465; см. прим. 24), то об абсенте, который выпивают Гильем и его домохозяин прямо перед мессой, упоминается между прочим (ст. 3078 – 3079). Приурочение встреч Гильема и Фламенки в церкви к

воскресным и праздничным службам тонко обыгрывается автором все в том же кощунственном плане: реплика Гильема «Лечить» приходится на день святого Варнавы, почитаемого и в качестве целителя, исцелявшего прикладыванием Евангелия к голове и груди больного (Гильом, переодетый служкой, подает для поцелуя псалтырь Фламенке, томимой любовным недугом); реплика «По мне», которой Фламенка дает окончательное согласие на тайное свидание, падает па праздник святого Петра-в-веригах, когда церковь почитает цепи, упавшие с рук апостола Петра в темнице, откуда его вывел ангел; начало же диалога приурочено, выходя за пределы литургических ассоциаций, ко времени, следующему сразу за весенним праздником первого майского дня, с его известной языческой символикой [258].

Почти сразу с возникновением религиозной темы, за размытыми очертаниями соблюдаемых формально или прямо нарушаемых христианских заповедей и привил, в романе возникает картина, по ходу повествования становящаяся все более отчетливой и выступающая на передний план. Только однажды и мимоходом упоминается дева Мария, четыре раза Христос, но всегда в разговорной форме «клянусь Христом» (per Crist – в переводе эти вводные слова иногда опущены), несколько раз апостолы и другие святые, но только в кощунственном контексте – призываемые для клятвы пли как покровители рыцарей и влюбленных. Зато славословие, обращенное в Евангелии к богородице, хозяйка гостиницы произносит о матери Гильема (ст. 1920 – 1921), а евангельские слова о неведающих и потому не имеющих греха, оказываются отнесенными к согрешающим против Амора (ст. 5588 – 5590). Точно так же христианская проповедь о ничтожности земных ценностей перед царством небесным заменяется на куртуазную – о ничтожности их перед любовью (ст. 3324 – 3330). За то, что дама не сразу поверила своему другу, ей надлежит каяться перед Амором (ст. 4540 – 4542). Амору начинают молиться, как Богу, а даме поклоняться, как деве Марии.

Направь он к милосердью бога,
А не к Амору мысль свою,
Иль к даме быть ему в раю.

(Ст. 4366 – 4368.)

О Гильеме, прошедшем обряд пострижения, говорится с насмешкой: «Служенье господу взамен служенья даме» (ст. 3818 – 3819). Обращения к богу преследуют, как правило, одну цель: добиться от него помощи Амору (ср., напр., ст. 5056 – 5070).

Не следует, однако, как поступают некоторые интерпретаторы, искать за этим что-то специфически вольтерьянское: помимо конкретной исторической ситуации, диктовавшей подобного рода мировоззрение, сам идеализированный характер куртуазной любви, уже у поздних трубадуров смыкающийся с почитанием девы Марии, как раз оправдывал или, по крайней мере, сглаживал перенесение в храм куртуазного действия. Однако ключ к правильному пониманию этих подстановок, не несущих в себе, разумеется, ничего сознательно антирелигиозного – что, впрочем, для средневекового сознания вообще немыслимо – лежит не в этом. Обыденное средневековое сознание, вопреки, может быть, распространенным представлениям, по природе своей глубоко плюралистично. Евангельскую заповедь «отдавать кесарю кесарево, а божье богу» оно склонно истолковывать не в изначальном уступительном смысле (то немногое, что ему положено, отдайте кесарю, все же остальное богу), а напротив, в расширительном: богу отдается только божье, в остальных же сферах следует руководствоваться их собственными законами, военными на войне, карнавальными на карнавале, куртуазными в мире куртуазии. Такой плюрализм находит философское обоснование в аверроистской мысли, с ее теорией сосуществования «двух противоположных истин». Чрезвычайно интересно, что по тому же принципу строится упоминавшийся уже трактат «О любви» Андрея Капеллана, в первых двух книгах которого куртуазная любовь провозглашается источником всяческого совершенства и добродетели, в третьей же порицается как путь ко всевозможному греху («Прозвенел колокольчик, и дети с посерьезневшими лицами возвращаются в класс», – писал по этому поводу С. С. Льюис [259]). Решающее значение имеет точка зрения и акцент: для средневекового сознания уловки Гильема, немыслимые в духовной повести, какой является написанная веком позже провансальская «История Варлаама и Иосафата», вполне уместны, без

какого бы то ни было подрывания основ, в куртуазном – и в куртуазнейшем, каким является «Фламенка», – романе.

Гильем, решая – практически – в своем лице спор средневековых куртуазных казуистов о том, чья предпочтительнее любовь – рыцаря или духовного лица, – провозглашается в романе тем и другим одновременно: «И рыцарь ты, и клирик вместе» [260]. Как преданный церкви клирик он служит Амору и даме, однако церковь – вынужденное и, в конце концов, неподходящее место для такого служения. И едва только в ней отпадает надобность, он, как и его «набожная» подруга, охотно спускается в слегка инфернализованный, замкнутый подземными переходами и банями, с их традиционной символикой демонического, традиционный мирок, возникший как ответ на антикуртуазное поведение ревнивца.

«Фламенка», создававшаяся в эпоху заката трубадурской поэзии, вобрала в себя эту поэзию вместе с породившей ее куртуазной культурой.

Начиная роман в стихах протяженностью более 8000 строк, автор, должно быть, трезво оценил технические трудности предстоящей работы. Выбрав облегчающую читательское (или слушательское) восприятие парную рифмовку, он, однако, избежал вызываемой ею монотонности, отказавшись использовать в качестве элемента повествования законченное двустишие и постоянно варьируя интонационные приемы: смысловые единицы текста, как правило, распространены на несколько стихов, рифмующиеся строки смыслово разъединены и, наоборот, объединены с предшествующими или последующими, весьма часты анжамбеманы. Эти и некоторые другие приемы приводят к ритмическому разнообразию провансальского восьмисложника.

Отказавшись от обязательного чередования мужских и женских окончаний, автор добивается эффекта повествования, как бы освобожденного от всех формальных ограничений. Создается впечатление импровизационности, подкрепляемое порой прямым обращением к слушателю, как, например, «продолжить разрешите» (ст. 952), что дало некоторым исследователям повод утверждать, что «Фламенка» сочинялась для чтения перед аудиторией. Афористичная, насыщенная разговорными интонациями речь романа органично пользуется юридическим (см., например, ст. 5573 – 5580; 5591 – 5605)

и схоластическим словарем эпохи («диалектичный мыслить метод» – одна из самых сильных сторон автора, ср. ст. 5442).

Изощренный литературный ход, вынуждающий влюбленных обмениваться за встречу в церкви всего одним коротким словом, вкладывает в их уста серию убыстряющихся строк, которые, будучи сведены воедино, реминисцируют построенную по тому же принципу коротких диалогических реплик известнейшую (и вызвавшую к жизни дальнейшие подражания [261]) песню трубадура Пейре Роджьера:

– Увы! – В чем боль? – Умру. – Чей грех?
– Любви. – К кому? – Да к вам. – Как быть?
– Лечить. – Но как? – Хитря. – Начни ж.
– Есть план. – Какой? – Придти. – Куда?
– В дом ванн. – Когда? – В удобный день.
– По мне.

Эта изысканная литературная реминисценция в растянутом на сотни строк, как бы анаграммированном в тексте диалоге влюбленных, не единственная в романе. Большой интерес представляет в этом отношении описание выступлений на свадебном пиру трубадуров и жонглеров, – здесь дается длиннейший перечень исполняемых ими произведений и их сюжетов (592 – 709), своего рода конспект средневековой хрестоматии (см. прим. 37 – 63). Свобода, с какой рассказчик привлекает для иллюстрации или усиления своей мысли тексты Овидия и Горация, всегда равноценна искусству, с каким он без нажима, «без швов» включает их в повествование. При этом точность таких цитат дает право говорить о хорошем знакомстве автора непосредственно с античными произведениями, а не только с их франко-провансальскими переложениями. Авторская личная нота слышится за описанием покровительства, оказываемого Гильемом жонглерам:

Безвестный ли, иль знаменитый
Жонглер был под его защитой,
Не голодал, не холодал,
У многих он любовь снискал,

Даря им лошадей иль платье.

(Ст. 1717 – 1721.)

– описание это предшествует восхвалению собственного, по-видимому, покровителя поэта. Гильем, конечно, и сам поэт (согласно куртуазным представлениям любовь и поэзия – одно): в конце романа он посылает Фламенке послание в стихах (чисто провансальский жанр, введенный трубадуром Арнаутом де Марейлем). Описание миниатюры в рукописи послания (ст. 7100 – 7112) изобличает в авторе знатока книжного дела; другой отрывок представляет знаменательную хвалу чтению, которое помогло Фламенке скрасить двухлетнее заточение, а Гильему преодолеть препятствия {ст. 4803 – 4838). Последнее утверждение -

И мог быть только книгочей
Придумщиком таких затей -

является своего рода автометаописанием самого автора, заимствовавшего мотив переодевания в священническое облачение, чтобы увидеть никогда не виденную им прежде возлюбленную – из друг ого дошедшего до нас провансальского куртуазного романа «Джауффре», а мотив подкопа, через который влюбленный проникает в башню, где его дама сидит за восемнадцатью замками, заточенная ревнивым мужем, – из старофранцузского фаблио «Рыцарь мышеловки» (этот сюжет распространен на востоке с древних времен).

Наследник блистательных трубадуров, автор владеет богатым арсеналом искусных технических средств-, стихл полны аллитераций и каламбуров, нередко рифмуются омонимы, время от времени одной и той же рифмой оперяется по четыре последовательных стиха. Упомянем столь очевидно вписывающийся в поэтику трубадуров, с характерным для нее филологическим экспериментированием, следующий прием: автор, выразительно играя слогами в словах azimans – магнит а amans – влюбленный (в нашем переводе: «магнит» и «манит») и обращаясь к их латинской этимологии, добивается неожиданного смыслового результата: любовь прочнее стали (ст. 2065

– 2110). Очарователен перенос елова в ст. 3445 – 3446, когда Гильем засыпает:

…да. с вами, дама, с ва…!» -
«Ми» не договорил.

Фламенка вспоминает произнесенное прислужником «увы» и, негодуя, каламбурит: «Готова крикнуть я:,.У, вы!"» (ст. 4131) – и затем: «Сказал он та«, чтоб я уныло, кляня судьбу свою, „у!" выла» (ст. 4201 – 4202). К сожалению, в рукописи не хватает двух листов с текстом любовного послания Гильема (вполне вероятно, что их мог вырвать случайный читатель для передачи своей даме): можно предположить, что это была кансона, демонстрировавшая изощренную поэтическую технику автора.

Вернемся в заключение к некоторым другим оценкам романа, принятым в науке, обсуждающей, в частности, вопрос его «историчности». Среди персонажей романа немало таких, которые в тон или иной степени отождествляются если не с реально существовавшими историческими лицами, то, по крайней мере, с представителями тех или иных владетельных феодальных семей. Таков сам Арчимбаут, принадлежащий к семье Бурбонов (давшей впоследствии королевскую династию), шесть последовательных представителей которых носили это имя в ту эпоху; любопытно, что в конце XII в. Гоше Вьеннский, муж Матильды Бурбонской, из ревности заточил свою жену в башню, и эта история получила скандальную известность. Точно так же многие отпрыски рода графов Неверских носили в то время имя Гильем. Все это вряд ли, однако, дает основание считать Фламенку романом «историческим», как на этом настаивал один из его исследователей [262]. Прав, скорее, другой специалист, доказывающий, что «автор как будто специально постарался свести вместе тридцать персонажей, которые, с точки зрения хронологии, ни в каком случае не могли быть собранными на турнире или в другом каком-либо месте на протяжении всего XIII столетия» [263]. Что же касается других характеристик – «роман нравов», «психологический роман», то, если последнее определение кажется нам вполне приемлемым – автор достигает большого мастерства в изображении

психологии любовного переживания, которое в романе разворачивается во всей полноте своих красок – от любовного томления и ночных грез до торжества реализовавшейся страсти, – то первое может быть принято лишь с очень большими оговорками. Стихотворный средневековый куртуазный роман отнюдь не призван изображать некие реально существующие нравы – его действие развивается в пределах куртуазного универсума [264], существующего по своим собственным законам, совсем не совпадающим с житейскими. Ситуация, описанная в карнавальной песенке (ст. 3236 – 3247), когда дама, держащая в объятиях возлюбленного, велит «севшему на край кровати» мужу удалиться, может служить предельным выражением такой «нереальности», обособленности происходящего в куртуазном мире. В этом мы и склонны видеть ключ к так называемому «вольтерьянству» «Фламенки», которого, в сущности, на самом деле вовсе нет: подобно тому как романы бретонского цикла изобилуют чудесными приключениями и сказочными персоналками, в куртуазной поэзии и романе мы имеем дело с куртуазными приключениями, случающимися с куртуазными героями. Зато – и ото в огромной мере определяет совершенно особую прелесть романа – нарочитая фиктивность событий (переодевание в клирика, подкоп), которая послужила основанием наклеить на «Фламенку» еще один ярлык – романа сатирического – уравновешивается чрезвычайно выраженной в нем бытовой струей. Автор, нам кажется, с наслаждением описывает быт – от иглы, которой Гильем пришивает рукава к рубашке, и кубков, которые он дарит своему домохозяину, до блюд, какие подаются на пирах; средневековая жизнь трех сословий – замковой аристократии, духовного чина и городской буржуазии – выписана в романе с любовью и каким-то особенным вкусом к деталям и мелочам. Подобная влюбленность в быт, «вещность» вписывается в свойственную позднему средневековью более широкую перспективу видения мира, охарактеризованного Й. Хейзингой как «ощущение терпкого вкуса жизни» [265], который столь остро обнаруживает себя в сценах, изображающих празднование майских календ или слушание песни соловья Гильемом (ст. 2332 – 2353, 3308 – 3312, обе сцены, кстати, были перенесены Блоком в драму «Роза и крест»). Мы склонны воспринимать «Фламенку» во всей полноте ее богатейшей палитры,

вобравшей в себя красочное многообразие эпохи – от ностальгического – и потому чуть-чуть утрированного – изображения блестящей куртуазной жизни, с ее уходящими в прошлое пирами, турнирами и немыслимей любовной интригой, – до психологического, под стать роману XIX в., проникновения во «внутреннюю жизнь» героев; от аллегорических картин, рисующих отношения между куртуазными добродетелями и пороками, – до восхитительных зарисовок будь то куртуазного, будь то буржуазного, будь то клерикального быта; роман, где, по остроумному замечанию критика, «всесильный бог любви» выражает себя как «всесильный бог деталей».

Карта Франции в начале XIII в.

---

notes

Примечания

1

Единственная рукопись «Романа о Фламенке» (название позднейшее) хранится в муниципальной библиотеке г. Каркассона во Франции. Фрагменты ее были впервые опубликованы в 1838 г. Франсуа Рейнуаром (см. примеч. 1 к нашей статье). Первое полное издание было осуществлено молодым медиевистом Полем Мейером в 1865 г. (см. примеч. 2 к нашей статье); оно снабжено параллельным переводом текста на французский язык и глоссарием. Эта публикация подверглась суровой критике, и в 1901 г. в свет вышло второе, исправленное издание, вновь, однако, раскритикованное. Обещанный второй том этого издания, который должен был содержать статью и переработанный комментарий, не был опубликован. С тех пор «Роман о Фламенке» переиздавался целиком или частями несколько раз в ряде стран Европы и в США.

Настоящий перевод выполнен по последнему изданию Ульриха Гшвинда (см. примеч. 3 к нашей статье).

«Роман о Фламенке» переводится на русский язык впервые.

Переводчик пользуется случаем, чтобы принести глубокую благодарность редактору этой книги Г. В. Степанову, а также Ю. А. Гинзбург, А. Д. Михайлову, М. Б. Мейлаху, А. А. Наринской, К. П. Полонской, Н. А. Старостиной и Н. Н. Тараториной, безотказно помогавшим нам при работе над нею, и г-ну У. Гшвинду, любезно приславшему свое издание «Фламенки».

2

Начальные листы текста (по-видимому, два или три) утрачены. Повествование начинается со слов отца Фламенки графа Ги де Немур; он обращается к своему окружению за советом, кому из женихов дочери отдать предпочтение.

З

…эн (также: *энс, энц, н) (ст. -прованс.)* – господин.

4

...Арчимбаутом... (сочетание *ау* здесь и далее читается как *ау)* – Арчимбаут – традиционное имя графов Бурбонских; напр., Арчимбаут VII в 1150 г. С Арчимбаутом VIII, умершим в 1218 г., угас первый дом Бурбонов.

5

Здесь и далее – нумерация стихов

6

Дарение сеньором кольца (перчатки, шнурка) было знаком феодального оммажа: тот, кто принимал дар, свидетельствовал этим о согласии исполнять подданнический долг.

7

(от *ст. -прованс.* flama – пламя) – Фламенка – пламенеющая, сверкающая. О сиянии красоты героини, блеске ее волос и т. п. см. ст. 538, 1134 и далее.

8

...*король*... носящий имя *Эсклауса*(по другой транскрипции Эсклавон), что значит «Славянин», – король словенский (Хорватии и Словении).

9

…*король*… носящий имя *Эсклауса*(по другой транскрипции Эсклавон), что значит «Славянин», – король словенский (Хорватии и Словении).

10

Имеется в виду король Венгерский.

11

Пропуск листа.

12

Вероятнее всего, речь идет о подарке, сделанном посланцами Арчимбаута при отъезде.

13

Бурбон л'Аршамбо – город, расположенный в 26 км к сев.-зап. от Мулена, главного города Бурбоннэ (впоследствии провинции Сувиньи).

14

Приближенный Арчимбаута, глава его посольства в Немур.

15

Вежество (учтивость), юность – равно как благородство, радость, доблесть, щедрость, милосердие – обязательные требования куртуазии, противостоящие низости, зависти, скаредности и пр. И те и другие качества часто персонифицируются, ср. ст. 230, 748 и далее. См. также статью А. Наймана

16

Орифламма. – штандарт небольшого размера, воинская хоругвь владетельного сеньора.

17

Далее пропуск, по меньшей мере, одного стиха.

18

Город, расположенный в 33 км к югу от Мелюна (ныне департамент Сена-и-Марна); замок сохранился до наших дней. Некоторые исследователи полагают (впрочем, без убедительных доказательств), что речь идет о городе Намюре во Фландрии.

19

Сол – мелкая монета; марка – монета высокого достоинства, золотая или серебряная, весом – в 8 унций, т. е. примерно 240 г.

20

Ланьи и Провен – небольшие города в Шампани, в начале XII в. прославившиеся (также как Бар-сюр-Об и Труа) своими многодневными ярмарками, которые проводились регулярно четыре (по другим источникам шесть) раза в год.

21

Жонглеры – исполнители песен чужого, реже своего, сочинения, музыканты, плясуны, гимнасты.

22

Во время крестового похода 1147 – 1149 гг. Людовик VII и Конрад III безуспешно осаждали Дамаск.

23

Имеется в виду стол для игры в тавлеи, разновидность трик-трака.

24

Комментаторы находят здесь намек на место из Овидия («Наука любви», II, 215 – 216).

25

Имеется в виду король французский. С X в. графы Бурбонские ставились непосредственно им.

26

И далее до ст. 380: Берри, Пуату, Бордо, Блай, Байонна – города и провинции Франции (см. прилагаемую карту Франции).

27

Один из городов Лангедока (см. карту), известный производством пряностей, вин, тканей, выделкой кож и обработкой драгоценных металлов (см. ст. 3565 – 3566).

28

Бекас (и кулик) как водоплавающая дичь был разрешен к употреблению в пищу в постный день (торжество совершается в дни петрова поста).

29

Праздник рождества Иоанна Предтечи, 24 июня.

30

Евангелие от Матфея, XI, 9 и от Луки, VII, 26.

31

Т.е. чтобы король не мог дать приказа об отъезде.

32

Т. е. давать им видеть госпожу в столь непривлекательном виде.

33

Кансона – песня вообще, преимущественно любовная; этот жанр был преобладающим в творчестве трубадуров; провансальская кансона достаточно сложна по структуре и обычно содержит по 5 – 7 строф, в среднем по 5 – 10 стихов каждая, замыкаемых одной или двумя посылками (торнадами). Лэ – краткое стихотворное повествование любовно-авантюрного плана. Дескорт – жанр песни, в котором, в отличие от традиционной кансоны, метрика и музыка меняются от строфы к строфе.

34

(или «Лэ о Жимолости») – сочинение Марии Французской, излагающее историю Тристана и Изольды.

35

Вьелла – смычковый, как правило, пятиструнный инструмент, предшественник виолы и скрипки.

36

(или «Лэ о Тинтажеле»). – Тинтажель – легендарный топоним, с которым связаны многочисленные предания. В Тинтажеле протекает действие ряда рыцарских романов, основанных на кельтской мифологии, причем это название дано разным местам. В одном из них провел детство король Артур, другое – место любовной трагедии Тристана и Изольды. На северо-западном побережье Корнуэльса обнаружены развалины крепости, по преданию принадлежавшей то ли Артуру, то ли королю Марку.

37

О ком идет речь, неясно, возможно, ошибка автора или переписчика.

38

Жига – смычковый музыкальный инструмент наподобие маленькой скрипки. Рога (или крота) – струнный (от 17 до 3 струн) инструмент, корпус которого напоминает колесо.

39

Мюзета – разновидность волынки, мандола (мандура) – музыкальный инструмент наподобие лютни, с 4 струнами.

40

Псалтерий (псалтерион) – струнный музыкальный инструмент, имевший 10 и более струн па плоской поверхности; по струнам ударяли специальной палочкой (плектром). Монокорд – музыкальный инструмент (4 струны на подставке), использовался главным образом для сопровождения.

41

Приам – герой троянского эпоса, последний царь Трои. «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора, датируемый первой половиной XII в., пользовался большой популярностью у современников; Генрих II и его придворные выводили свои родословные от легендарных троянцев.

42

Пирам (см. Овидий, «Метаморфозы», IV, 55 – 166) – один из первых «совершенных влюбленных» (ср. ст. 601) в мировой литературе; сюжет последовательного самоубийства Пирама и Фисбы импонировал куртуазной идеологии, общим местом которой была декларация невозможности продолжать жизнь в случае смерти возлюбленного. Создание стихотворной повести «Пирам и Фисба» относится ко 2-й половине XII в.

43

Рассказ о любви прекрасных Париса и Елены, ее похищении и сопутствовавших этому приключениях содержится в предыстории Троянской войны в «Романе о Трое».

44

Улисс, Гектор, Ахилл – знаменитые троянские герои – в «Романе о Трое» (см. примеч. 37) обладают основными добродетелями куртуазных рыцарей, совершая подвиги в подлинно рыцарском духе.

45

История трагической любви Дидоны к Энею (Вергилий, «Энеида», кн. IV) пересказана анонимным автором «Романа об Энее» (60 е годы XII в.) в манере современных ему стихотворных повествований с несомненными элементами литературного новаторства.

46

Лавиния… – жена Энея. Упоминаемый в ст. 630 – 632 эпизод описан в «Романе об Энее» (см. примеч. 43). Любовная линия Эней – Лавиния, лишь намеченная в «Энеиде», разработана автором романа особенно подробно. См. также примеч. 165.

47

Брат Этеокла Полиник и Тидей – двое из семерых вождей, участвовавших в походе против Фив. В «Романе о Фивах» (середина XII в.), являющемся обработкой «Фиваиды» Стация, «поход семерых» изображается как крестовый, большое место занимает описание празднеств и турниров, любовные отношения трактуются в понятиях куртуазной эпохи.

48

Византийский роман II в. «История Аполлония, царя Тирского» (дошедший до нас только в латинском пересказе VI в.) оказал большое влияние на формирование средневекового романа о любви, преодолевающей многочисленные препятствия и торжествующей в конце.

49

Александр Македонский в «Романе об Александре», первая, так называемая франко-провансальская версия которого датируется I третью XII в., выступает как носитель главных рыцарских и куртуазных добродетелей.

50

Геро и Леандр – еще одна пара античных «совершенных влюбленных». Геро после гибели плывшего к ней на любовное свидание Леандра кончает с собой (ср. примеч. 38). Современниками упоминается утраченная впоследствии повесть XII в. «Геро и Леандр».

51

Кадм – основатель древних Фив, был послан отцом на поиски Европы, его сестры (Овидий, «Метаморфозы», III, I – 137). Описание его бегства и основания Фив содержится в нескольких рукописях «Романа о Фивах» (см. примеч. 45),

52

Язон – вождь аргонавтов – действует в «Романе о Трое» (см. примеч. 37) как достойный подражания рыцарь; любовь преданной ему Медеи (в частности, усыпляющей дракона, стража золотого руна, ср. ст. 642) развивается по куртуазному стереотипу.

53

Алкид – Геракл, любимейший герой греческой мифологии, совершивший знаменитые двенадцать подвигов, т. е. рыцарь «по преимуществу», по представлениям средневекового сознания.

54

Филлида и Демофонт – герои аттического круга мифов: Филлида погибает (превращаясь в масличное дерево), когда ее возлюбленный Демофонт не успевает прибыть к назначенному сроку (ср. Овидий, «Послания», II).

55

Миф о Нарциссе (Овидий, «Метаморфозы», III, 402 – 510) был обработан в стихотворной повести середины XII в. «Нарцисс».

56

Миф о попытке освобождения Орфеем Эвридики из подземного царства Плутона (Овидий, «Метаморфозы», X, 1 – -75) был сюжетом поэмы XII в. «Орфей», упоминаемой современниками, но впоследствии утраченной.

57

Трудно сказать, какой именно непосредственный литературный источник, повествующий о единоборстве Давида и Голиафа (Первая Книга Царств, XVII, 49), имеется здесь в виду. В «Романе об Истории Грааля» Роберта де Борона (начало XIII в.) содержатся, напр., краткие упоминания о событиях ветхозаветной истории.

58

Самсон – ветхозаветный судия, полюбивший филистимлянку *Далилу(Далиду)* и во сне ослепленный ею. В ст. 653 – 654 описан эпизод из Книги Судей (XVI, 19). Некоторые комментаторы видят в этих стихах намек на популярную в конце XII – начале XIII в. поэму Германа Валансьенского, пересказывающую ряд библейских сюжетов.

59

Иуда Маккавей (II в. до н. э.) – доблестный герой, борец за веру, погибающий славной смертью. Известны две поэмы XIII в. о Маккавее.

60

В ст. 657 – 660 упоминается эпизод, рассказанный Светонием в «Жизни Цезаря» (гл. 58) и Плутархом в «Александре и Цезаре» («Цезарь», XXXVIII). Вновь подчеркивается «рыцарская добродетель» героя – бесстрашие.

61

И далее до ст. 693 упоминаются персонажи и эпизоды легенд о короле Артуре и его сподвижниках, рыцарях Круглого Стола. В I трети XII в. эти легенды были обработаны сперва Гальфредом Монмутским (на латыни), а затем рядом франкоязычных поэтов (подробнее о возникновении и развитии бретонских сказаний см. в работе: *Михайлов А. Д.* Артуровские легенды и их эволюция. – В кн.: *Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1974, с. 793 – 828). Артуровская тема занимает существенное место в «Романе об Александре» (см. примеч. 45). Ее подробной разработке посвящены романы Кретьена де Труа «Ивейн», «Ланселот», «Персеваль», «Эрек и Энида» и «Клижес». *Гавен*(Говен) – популярнейший персонаж артуровских легенд, упоминается уже в «Романе о Бруте» Васа (I половина XII в.), а до него у Галь-фреда Монмутского. Эпический герой кельтского фольклора, он превращается в отважного, однако и легкомысленного рыцаря в куртуазной литературе. *Рыцарь со львом* – Ивейн – протагонист одноименного романа Кретьена де Труа, знаменитый герой артуровского цикла, один из ближайших приближенных короля. *Люнетта* – служанка и наперсница дамы Лодины, спасшая Ивейна с помощью кольца и способствовавшая его женитьбе на своей госпоже. *Ланселот* – один из центральных героев артуровских сказаний и рыцарских, романов (напр., одноименного романа Кретьена де Труа); в прозаических их обработках XIII в. его образ среди остальных рыцарей Круглого Стола занимает первое место. *Бретонка* – Вивиапна, возлюбленная Мерлина (см. ниже), фея и волшебница. *Персеваль* – еще один из главнейших рыцарей Круглого Стола, герой многочисленных романов, посвященных поискам чаши Грааля В ст. 671 – 672 упоминается эпизод, рассказанный в «Персевале» Кретьена де Труа; ст. 903 и далее. *Эрек и Энида* – герои одноименного романа Кретьена де Труа: Эрек – один из рыцарей Круглого Стола, добивающийся «совершенной любви» к своей жене Эниде исполнением рыцарского долга, изобилующего опасными приключениями и лишениями. *Угонет и Перида* (или *Угонет из Периды)* – вероятно, речь идет о персонажах малоизвестного и

утраченного романа артуровского цикла. *Гувернал*(Говернал) – воспитатель, а затем друг Тристана, одного из самых популярных героев артуровских легенд. В I половине XII в. большой известностью пользовался «Роман о Тристане» Тома Английского. *Фениса* – героиня романа Кретьена де Труа «Клижес». Ст. 677 – 678 упоминают об одном из центральных событий романа (ст. 5097 – 6247). *Прекрасный Незнакомец – Гинг-лен*, сын Говена и феи Блансемаль, – главный герой одноименного романа Рено де Боже, написанного ок. 1200 г. *Красный щит* – намек на роман «Рыцарь телеги, или Ланселот» Кретьена де Труа; речь идет о красном щите, который герольд находит у двери дома, где отдыхает герой. *Гифлет* (Жирфлет) – оруженосец короля Артура. *Калобренан*(Калогренан) – рыцарь Круглого Стола, кузен Ивейна (см. выше), своим рассказом побудивший его предпринять знаменитое путешествие, составляющее сюжет романа «Ивейн». *Кей-сенешаль* – домоправитель короля Артура и его молочный брат. О нем упоминают Гальфред Монмутский и Вас. Как правило, он изображается хвастуном-задирой, получающим по заслугам. *Ле Дельез* – некоторые комментаторы полагают, что существовал роман, ныне утраченный, главным героем которого был сенешаль Кей, и что в ст. 684 – 687 упоминается об эпизоде из этого романа. *Мордрет* (Мордред) – персонаж романа о Ланселоте; сын короля Артура и Моргаузы, его сводной сестры, впоследствии изменивший отцу, в поединке убивший его и сам погибший от его руки. *Вандры* – некоторые комментаторы полагают, что в бретонской обработке сюжетов валлийского эпоса племена пиктов и саксов были заменены на вандалов, или вандров. *Д'Ивет*– возможно, *Дивет;* герои с этим кельтским именем встречаются в двух валлийских сказаниях, входящих в «Мабиногион». *Король-Рыболов* – дядя Персеваля (см. выше), в чьем замке хранилась таинственная чаша Грааля. История, описанная в ст. 688 – 690, по-видимому, является бретонской переработкой валлийского сюжета, *Мерлин* – один и» главнейших персонажей артуровских сказаний; прорицатель и волшебник, содействовавший рождению Артура и затем много раз помогавший ему. *Старик-с-Горы* – мнения комментаторов о том, к какой истории восходит упоминание, сделанное в ст. 692 – 693, расходятся; показания о рукописи с таким названием сомнительны.

62

Карл Великий (742 – 814), король франков и римский император, после смерти которого государство было разделено тремя его сыновьями. Его деяниям и подвигам посвящены многочисленные произведения средневековой литературы. Культ Карла Великого отвечал политическим устремлениям французских королей XII в.: хроники, составленные при дворе Филиппа-Августа, полны восхвалений Карла.

63

Хлодвиг (466 – 511) – король из династии Меровингов, в войнах объединивший франкское королевство. Пипин Короткий (714 – 768) – отец Карла Великого, первый король из династии Каролингов, также предпринявший множество военных походов и объединивший разрозненные королевства и княжества.

64

Люцифер (Денница) – дьявол, вождь восставших на бога ангелов, низвергнутый в преисподнюю. (Кн. прор. Исайи, XIV, 12 – 16).

65

Ги Нантейлъский – герой «жесты» (героико-эпической песни). Оливье Верденский – возможно, знаменитый Оливье, герой «Песни о Роланде».

66

Маркабрюн (ум. в 1149 г.) – трубадур, основоположник «темного стиля», обличавший упадок куртуазии и воспевавший крестовые походы. Выбрав из множества трубадуров Маркабрюна, автор «Фламенки», возможно, хотел в его лице почтить «золотой век» провансальской лирической поэзии.

67

Описание этого эпизода восходит к «Метаморфозам» Овидия (VIII, 183 – 235).

68

Здесь, по всей вероятности, имеется в виду Англия (Большая Британия), в описываемые времена еще именовавшаяся просто Бретанью.

69

Лен – земельное владение, предоставляемое сеньором вассалу и наделяющее его всеми правами и обязанностями ленника (ср. ст. 5573 – 5580; 5597 – 5605).

70

Дама, в знак благосклонности к избранному ею рыцарю, дарила ему рукав. С этой целью рукава не пришивались к платью, а пришнуровывались (отверстия для шнура на рукаве и на платье обметывались). См. также ст. 7715 и далее.

71

Т. е., по-видимому, ее самое – если бы король взял рукав с ее платья без ее ведома.

72

Полный обряд посвящения в рыцари заключался в благословении обнаженного меча, передаче его посвящаемому, вложении меча в ножны, препоясании им, поцелуе и легком ударе по плечу, привязывании шпор и вручении знамени.

73

*Тибаут*Великий, граф Блуаский и II граф Шампанский) умер в 1152 г. Затем титул графа Блуаского наследовал Тибаут Добрый.

74

Т. е. еще не читали молитв 9-го часа, предшествующих вечерне. Часы – 1-й, 3-й, 6-й и 9-й – первоначально начинали четыре части дня (четыре стражи). В IV – Vbb. по этим часам были составлены часы церковные – краткие службы, заключающие в себе по три избранных псалма. Впоследствии 1-й час стал читаться после утрени, 3-й и 6-й – перед литургией, 9-й – перед вечерней.

75

Речь идет об обелиске, привезенном по приказу Калигулы из Гелиополиса в Рим, на арену большого цирка, и впоследствии перемещенном к собору Святого Петра. Следовательно в то время, когда сочинялась «Фламенка», он лежал на земле. (Колонна была поставлена на площади перед собором в 1586 г.)

76

Вершина в горной цепи с тем же названием, расположенной в сев. Оверни. В сходном контексте Пюи-де-Дом упоминается у Арнаута Даниэля (см. примеч. 90).

77

Н' (на) (ст.-praванс.) – госпожа (ср. примеч. 2).

78

Перечисляются самые популярные жанры куртуазных песен. Приведем куплет из анонимной баллады, тяготеющей к жанру chanson de mal-mariee («песня несчастной в замужестве»)

Убей меня бог, коль мне с ним чудесно:
И хороша я, да все мне постыло.
И мысль о любви к нему неуместна,
И хороша я, да все мне постыло,
Жить в доме одном с ним вместе мне тесно,
Пусть ранняя примет меня могила.
И хороша я, да все мне постыло,
Есть муж у меня, да жить с ним немило.

79

Болонская школа «свободных искусств», в которой в дополнение к курсу риторики преподавалось римское право, была знаменита уже в X – XI вв. К концу XII в. в Болонье был основан университет с ярко выраженным юридическим профилем: искусные бодонские юристы пользовались большой известностью в средневековой Европе.

80

Это замечание обнаруживает некоторую осведомленность героя (и, следовательно, автора) в современной ему астрологии и математике.

81

В Меце (Лотарингия) находилась известная в каролингскую эпоху школа писцов.

82

Дословно: «с миром». В конце мессы миряне получали благословение, целуя, как правило, дискос (небольшое блюдо на подставке, употребляемое при литургии), который подносил к ним прислужник. Однако, как мы увидим из ст. 2559 и дальнейших, благословение могло быть подано и через бревиарий (см. примеч. 115) или псалтырь.

83

Ite, missa est (лат.) – Идите, месса окончена (заключительные слова католической обедни).

84

Короткая заключительная молитва после мессы.

85

Сыновья царя Давида. Авессалом (Вторая Книга Царств, XIII – XVIII) был знаменит своей красотой, решительностью и воинственностью. Мудрость и красота Соломона воспета в Третьей Книге Царств (I – X).

86

См. примеч. 41 и 42.

87

Атлас (Атлант) – титан, в греческой мифологии изображавшийся стоящим на земле и держащим на плечах небо.

88

Преподававшиеся в средневековых школах науки, составлявшие так называемый «тривиум» (латинская грамматика, логика, риторика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия, музыка).

89

ср. ст. 889 – 894; 908 – 910 и примеч. 71.

90

С его женой Фламенка беседовала во время свадебного приема (ст. 844 – 51).

91

Гильем – частое имя в роду графов Неверских: Гильем III умер в 1148 г., Гильем IV в 1160, Гильем V в 1168 г.

92

Арнаут Даниэль (ум. ок. 1210 г.) – прославленный провансальский трубадур, выдающийся мастер «изысканного стиля».

93

И далее до ст. 1736 см. статью А. Наймана в наст, изд.

94

Персонифицированная Любовь, божество Любви (см. наст, изд., с, 269). Amors (=Любовь) – в старо-провансальском языке существительное мужского рода, Amors (= Амор) – женского.

95

Пропуск двух листов. В утраченном отрывке описывался отъезд Гильема Неверского в Бурбон. Местом его остановки, упоминаемым в ст. 1802, мог быть Фуршамбо-сюр-Луар (близ Невера), находящийся в 15 лье к сев. от Бурбона.

96

См. Овидий, «Лекарство от любви», 161 – 162. История соблазнения Эгистом Клитемнестры, убийства ими Агамемнона и мести Ореста описана в III кн. «Одиссеи» (253 – 310).

97

Ср. Овидий, «Лекарство от любви», 139 – 140.

98

Рамберга – персонаж северофранцузской пародийной эпической поэмы «Одижье», отталкивающий образ антикуртуазной дамы.

99

Граф Неверский, брат Гильема (см. ст. 1651 – 1653 и примеч. 88).

100

Безансон – главный город провинции Франш-Конте, находился, как и Невер, во владении графов Фландрских, затем герцогов Бургундских.

101

Текст поврежден.

102

Здесь имеется в виду латинская грамматика Элия Доната. В оригинале рассуждения, заключенные в ст. 2069-2101, относятся к словам «azimans» (магнит) и «amans» (влюбленный).

103

Перечисленные здесь святые проявили себя бесстрашными исповедниками христианства; святые Мартин и Георгий до исповедания христианства были воинами.

104

см. примеч. 75.

105

Об обычае пришивать и отпарывать рукава всякий раз при одевании или раздевании свидетельствуют разные авторы того времени. Ср. также примеч. 68.

106

Следовательно, храм или один из его алтарей (престолов) был освящен во имя апостола Климента, римлянина, обращенного в христианство апостолом Петром и впоследствии сотрудничавшего с апостолом Павлом.

107

Начало 114-го псалма Давида. Фрагментам молитв, приводимым в оригинале на латыни, найдено, где возможно, соответствие на церковнославянском.

108

Benda *(ст.-прованс.)* – завеса. Из дальнейших упоминаний о вуали (ст. 2520 – 2522) ясно, что она прикреплялась к воротнику и закрывала лицо снизу.

109

Asperges me *(лат.)*. Начало 9-го стиха 50-ю псалма Давида: «Окропиши мя иссопом…»

110

Domine *(лат.)* – Господи. Этим словом начинается несколько католических молитв.

111

Т. е. воду, освященную по специальному церковному обряду. По католическому обряду воду перед освящением солят (см. ст. 2484 и 3880 – 3881).

112

Иссоп – растение, употреблявшееся в очистительном обряде кропления с ветхозаветных времен. Капеллан – настоятель церкви или часовни.

113

Signum salutis(лат.), знамение спасения; но также и приветственный знак. Здесь кощунственно обыгрывается двойной – церковный и светский – смысл латинской формулы.

114

Confiteor (лат.), исповедую. Этим словом начинается исповедальная молитва перед началом мессы.

115

Т. е. время чтения Евангелия, которое все молящиеся должны выслушивать стоя (см. ст. 2513 и 2549).

116

21-й стих II гл. Евангелия от Луки, самое короткое евангельское чтение года.

117

Молитвенник римско-католических священников, состоящий из коротких (brevis, breve, *лат.,* отсюда название) отрывков из Священного Писания и других употребительных в богослужении текстов

118

Месяцеслов – календарь с указанием особого значения, церковного и гражданского, месяцев и дней, а также фаз луны по числам месяца. Святцы – церковный календарь с полным обозначением чтимых во всякий день святых и пасхалией (см. примеч. 120).

119

О расходах на праздник Троицы было (или Пятидесятницы) сложено несколько старофранцузских поговорок, использующих рифму Pentecoste (Пятидесятница) – coste (стоит).

120

Посредством вычисления фаз луны относительно лунного цикла (т. е. периода, по прошествии которого фазы луны возвращаются на те же дни года) составляется на каждый год пасхалия – таблица, по которой определяется дата Пасхи и других переходящих церковных праздников. *Эпакта*– рост луны на 1 января, т. е. число дней от последнего в минувшем году новолуния.

121

Обычай, берущий начало в языческом празднике возрождения природы. В первый день мая (т. е. в «календы мая», см. ст. 2790, 3231 – 3236 и примеч. 122) по улицам проносили так называемое «майское дерево», пышно разукрашенное, на площади втыкали («сажали») его в землю и водили вокруг него хороводы и танцевали.

122

Т. е. через слух, зрение, речь или прикосновение (см. ст. 2741 – 2743).

123

От *лат.* calendae – названия первых дней каждого месяца у римлян. В календы мая (1 мая) отмечался один из самых популярных праздников – начало весны (см. примеч. 120).

124

1 мая – день почитания памяти апостолов Филиппа и Иакова Алфеева.

125

Ср. ст. 1404 – 1409.

126

Этот стих и стих 2889 *(Смиренье ваше благородно…)* в рукописи написаны заглавными буквами, как бы подчеркивая смиренную просьбу и благосклонный ответ.

127

Стих 524 в I кн. «Метаморфоз» Овидия: «…господину не впрок, хоть впрок всем прочим искусство» (т. е. дар врачевания).

128

Agnus Dei qui tollis peccata mundi… *(лат.)* – Агнец Божий, берущий грехи мира… (29 ст. I гл. Евангелия от Иоанна) – начало молитвы, открывающей одну из заключительных частей мессы.

129

Начало 7-го стиха 121-го псалма Давида.

130

Пропуск нескольких строк.

131

В оригинале обыгрывается созвучие слов «amor» (любовь) и «mora» (тутовая ягода).

132

Т. е. стена башни и стена уныния героя, между тем как «закон влюбленных» – верить и надеяться.

133

Фивы и Фессалия – город и провинция в Греции, места действия главнейших событий эллинского эпоса. Смысл ст. 3483 – 3485 такой: сказочные ткани одеяний древних героев не идут в сравнение с подаренной Гильемом.

134

Камбре – город и крепость в провинции Артуа, столицей которой был Аррас (см. карту), принадлежавший герцогу Бургундскому. Камбре был знаменит производством тканей: батиста (кембрика), кружев, тюля, а также льняных и бумажных. Прево – высшее должностное лицо, в частности, верховный судья.

135

Пропуск строки.

136

Тонзура – остриженное место на макушке у католических духовных лиц, символ отречения от мирских интересов. Величина ее тем больше, чем выше духовный сан постригаемого: выдавая себя за каноника (см. ст. 3554 и примеч. 134), Гильем просит выстричь ему тонзуру пошире.

137

Каноник – церковнослужитель, внесенный в список соответствующей епархии. Перонн – крепость к югу от Арраса (см. примеч. 132).

138

См. примеч. 25.

139

Clerc *(ст.-прованс.)* – клирик, причетник – церковнослужитель, прошедший обряд пострижения и помогающий священнику в ведении службы (далее в переводе называемый «прислужник» и «служка»).

140

н'Изенгрин… – И далее до ст. 3690. Вероломный волк Изенгрин, хитроумный Лис и доверчивый барашек Белин – персонажи «Романа о Лисе» (XII – XIII вв.).

141

Послушник – готовящийся к принятию монашества, прислуживающий в церкви и по монастырскому хозяйству. Сито – деревня в Бургундии, где в 1098 г. был основан первый цистерианский монастырь (римское название Сито – Cisterium). Шартрез – большой монастырь в провинции Дофинэ, основанный в 1084 г., колыбель картезианского ордена.

142

Часто повторяемые в католическом богослужении молитвенные формулы.

143

Местечко в кантоне Нуайон, примерно в 20 км к юго-востоку от Бурбона (см. карту).

144

Пропуск строки.

145

см. примеч. 10.

146

Лик *(старин.)* – церковный хор, соответствующим песнопением отзывающийся на молитвы и возгласы священника.

147

По-видимому, прием, способствовавший лучшему запоминанию.

148

Патаренами называли катаров, первоначально только итальянских. Здесь «патарен» употребляется, возможно, только в том смысле, что Гильем стал демонстративно религиозен.

149

И далее до ст. 3856: кощунственно употребляемый пересказ 19 ст. X гл. Евангелия от Матфея: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать».

150

см. примеч. 72.

151

Евхаристический канон – строго по правилу установленный порядок собственно освящения хлеба и вина, главнейшая часть литургии. Проскомидия – дароприношение, приготовительная часть литургии.

152

см. примеч. 126.

153

см. примеч. 80.

154

Оборот игры в кости: т. е. дал меньшее вместо большого.

155

И далее до ст. 4022 диалог с Гильемом ведет сам Амор.

156

И далее до ст. 4039 пересказывается греческий миф о Тантале, жестоко наказанном за брошенный богам вызов (см. «Одиссея», XI, 582 – 592).

157

Имя этих мифологических существ (см. «Одиссея», XII, 181 – 201) ко времени написания «Фламенки» стало нарицательным для обозначения обольстительных женщин.

158

См. примеч. 185.

159

И далее до ст. 4421: такая ловчая птица, брошенная сокольником с руки вслед за остальными, подлетает к добыче низом и затем уже нападает на нее. *Монтарди*– небольшой город, расположенный примерно в равном отдалении от Невера и Бурбона. Направление многодневной охоты часто менялось. Некоторые комментаторы отмечают употребление терминов соколиной охоты в ст. 4043 («зов») и ст. 6250 («приманка»)

160

«Флуар и Бланшефлор», стихотворный роман неизвестного автора (ок. 1170 г.), повествующий об идиллической любви и связанных с ней приключениях. Возможно также, что имеется в виду Бланшефлор – возлюбленная Персеваля в одноименном романе Кретьена де Труа.

161

Т. е. с Гильемом: Алис изображает прислужника, держащего псалтырь, что предполагает знание ею латыни.

162

Комическое название вымышленного места, вроде города Глупова *(досл,* «простак», «бестолочь»).

163

Пропуск строки.

164

Пропуск строки.

165

Труверами называли северофранцузских поэтов (как трубадурами – южнофранцузских). Вероятно, это наименование происходит от *фр.* trouver – находить (т. е. находить поэтический сюжет, прием, слово), как нельзя более точно отвечающего «находке» Маргариты. Среди известных сочинителей песен были и женщины (см. «Песни трубадуров», М., 1979, с. 140 и примеч. на с. 238)

166

Дидона покончила с собой после того, как ее покинул Эней

167

Т. е. слова «увы» и «умру». Мюид – мера сыпучих тел и жидкостей, равная 274 л.

168

Т. е. будь даже знак и благим, но исходи он не от Фламенки, «истока благ».

169

Конец строки отсутствует.

170

Т. е. в сравнении с тратами на Троицу.

171

Варнава-Апостол… – сподвижник апостола Павла, чтимый также и как мученик, и, тем не менее, день его памяти считался праздником, недостаточно значительным для того, чтобы Фламенке разрешили пойти в храм (см. ст. 5086 – 5090).

172

См. примеч. 27.

173

См. примеч. 82.

174

Известно множество историй об изобретательности влюбленных греческих богов в достижении любовной цели.

175

Т. е. апостолов Петра и Павла; празднуются 29 июля.

176

Т. е. архистратига Михаила.

177

Т. е. мироносицу равноапостольную Марию Магдалину; празднуется 22 июля.

178

Иаков Компостельский... – (Сант-Яго де Компостелла), праздник перенесения мощей апостола Иакова в Комностеллу, 25 июля.

179

...выстричь крест... – и далее до ст. 5494: позорные наказания за воровство.

180

«В удобный день»... – (Jorn breu e gent). Единственная четырехсложная реплика Гильема (см. наст, изд., с. 283). Большинство исследователей, настаивая на необходимости двусложной реплики, читает ст. 5499-5500 как «Jorn breu» e gent/Pueis s'ostet d'avan lui corrent, т. е. *«Вближайший день». – и учтиво, (Хотя) и поспешно удалился* (в стихотворном переводе могло бы быть: *«На днях», – учтиво передав, / Он удаляется стремглав).* Мы, однако, присоединяемся к точке зрения тех специалистов, которые предпочитают более естественное прочтение «Jorn breu o gent». Это последняя реплика Гильема в храме и, как таковая, может быть исключением из общего правила. Принимая во внимание изысканный вкус автора «Фламенки» и его тяготение к поэтической игре, вполне можно допустить, что, «сочиняя» двусложный диалог, он под конец намеренно нарушил его монотонность удлиненной репликой и выделил таким образом последний, выражающий согласие, ответ Фламенки.

181

Праздник поклонения честным веригам апостола Петра, 1 августа (т. е. в календы августа, см. ст. 5517 и примеч. 121).

182

В оригинале – «госпожа и царица», так как Амор – женского рода. Эта мысль выражена Овидием в нескольких местах; ср., напр., «Героиды», IV, 11-12.

183

См. примеч. 67.

184

Вено – здесь: выкуп, платившийся феодалу.

185

Ср. ст. 3256 – 3260, в которых девятый день возрастания луны называется наиболее благоприятным для принятия ванн.

186

Вероятно, затем, чтобы искать себе возлюбленную.

187

См. гл. XVI Книги Исхода (ср. также ст. 4390). О вкусе манны говорится: «как лепешка с медом» (Книга Исхода, XVI, 31).

188

См. также ст. 1297, 1300. Фламенка гораздо моложе мужа; юным служанкам он, не следящий к тому же за своей внешностью, кажется стариком.

189

Пропуск строки. Из контекста (см. ст. 6187) следует, что смысл ее: «Не вспоминаете ли вы…»

190

На Иванов день (см. примеч. 27) влюбленные тянули, каждый в свою сторону, стебель тростника (камыша): если он ломался посредине, это означало, что они любят друг друга с одинаковой силой; если же на неравные части, то тот, кто оставался с коротким концом, считался менее влюбленным, чем другой.

191

Пропуск строки.

192

По мнению автора, дама, неверная Амору, может быть неверной и богу.

193

Вольный пересказ 664 стиха I кп. «Науки любви» Овидия.

194

Отсюда и далее до ст. 6283 пересказывается содержание стихов 69 – 72 III кн. «Науки любви» Овидия.

195

Пропуск строки.

196

Феодальная формула, входившая в клятву ленника на верность сеньору.

197

Пропуск строки.

198

Т. е. «дорога» через взор: нежность, прошедшая таким путем, чище и полнее той, которая исходит из уст.

199

Смысл этого и двух предыдущих стихов сводится к тому, что поцелуй, залог высшей радости, является второстепенным по отношению к главному залогу – взору.

200

Т. е. апостола Андрея Первозванного; празднуется 30 ноября.

201

Владелица замка должна была при появлении супруга в знак почтения вставать и снимать с головы капюшон.

202

Отсюда и далее до ст. 6690: Фламенка дает мужу клятву столь же двусмысленную (т. е. следить за собой так, как он того хотел, – и так же безуспешно, как это у него выходило на деле), сколь и кощунственную.

203

Пропуск листа. Из дальнейшего текста можно восстановить содержание лакуны: Арчимбаут верит жене, соглашается на ее предложение и, в результате происшедшего в нем переворота, перестает быть ревнивым.

204

Текст на новом листе открывается речью Арчимбаута. обращенной к собранию – во всяком случае, приближенных, а может быть и горожан.

205

Отсюда и далее до ст. 6701: Арчимбаут завершает речь (начало которой было на утраченном листе) о пожаловании, которое он сделал подданным в знак раскаяния в прежнем своем поведении и по случаю радостных перемен. *Нампан*– церковный колокол. По мнению некоторых комментаторов, пожалование, сделанное сеньором, столь значительно, что он запрещает вассалам просить о новом в течение, по крайней мере, года (ст. 6697 – 6699). Между 1145 и 1206 гг. сеньоры Бурбона пожаловали хартию вольности нескольким городам; напр., в 1195 г. Арчимбаут VIII – городу Бурбону.

206

Устойчивое клише средневековой поэзии, зачин (т. н. «весенний») многих лирических песен. Ср. ст. 7024, а также 7081 – 7082.

207

Т. е. с севера и юга, с запада и востока. Рона и Гаронна – крупные реки Франции (см. карту). Более подробное перечисление областей, откуда прибыли на турнир рыцари, сделано в ст. 7214 – 7223.

208

Это замечание Арчимбаута, не мывшегося несколько лет, содержит намек и на более существенное – нравственное – очищение.

209

Пропуск строки.

210

Т. е. до великого поста, предшествующего Пасхе. С начала XII в. год кончался в последний день великого поста (см. ст. 6983 – 6984).

211

Лувен – город в Брабанте (см. карту); в 1190 г. Генрих I, из рода графов Лувенских, получил титул герцога Брабантского.

212

Это место вызвало споры при датировке романа. Золотые лилии, в сочетании с червленым поясом, появились в гербе Бурбонов лишь после 1272 г., вследствие брака наследницы Бурбонского дома и сына Людовика IX. Однако желтые цветы, о которых говорится в оригинале, совсем не обязательно золотые лилии, червленый же пояс не упоминается вовсе.

213

Гамбизон… – толстый стеганый зипун, поддевавший под кольчугу.

214

Пропуск строки. Очевидное ее содержание: «Я бы доверил его вам».

215

Бельмонт – название двух небольших городов в Бретани и на р. Луаро. Однако эта дама, как выясняется в дальнейшем, вымышленный адресат послания: называя ее 1a bella de Belmont, Гильем использует двойной смысл этих слов *(доел,* «прекрасная прекрасного мира»)

216

Пропуск двух листов.

217

По-видимому, эта игра заключалась в том, что ремешок заплетался таким сложным образом, чтобы его мог распутать только ведущий или же искусный игрок.

218

Святая (или Страстная) суббота – последний день великого поста, канун Пасхи. Ср. с северофранцузской поговоркой: «Возьми взаймы до Пасхи, и поет покажется тебе коротким».

219

И далее до ст. 7223. О том, соперники из каких областей объединились в один стан и из каких – в другой, дает представление прилагаемая карта (см. выше). Комментаторами делались попытки (не до конца убедительные, хотя и достаточно основательные) определить, по разделению па соперничающие станы, время, в которое происходит действие романа: такое разделение Франции почти точно соответствует эпохе между 1152 и 1205 г., когда сеньоры западных провинций были вассалами английского короля, а восточных – французского. *Французы – г.* е. жители непосредственно доменов французского короля. *Бедосцы*– в оригинале: Bedos *(ст.-прованс.)* – заика, или шепелявый, – насмешливое прозвище лангедокцев и гасконцев. *Готы* – возможно, намек на Аквитанию, где в V в. было основано первое вестготское королевство.

220

...*удержать*... – (retoner), термин, перешедший в куртуазный словарь из феодально-юридического, в котором значил «удержать рыцаря на вассальной службе».

221

См. примеч. 174.

222

Т. е. пусть я заслужу проклятие как убийца невинного; см. Книгу Бытия, IV, 1 – 16.

223

В тексте, очевидно, описка: iras (носы) вместо mas (руки).

224

Нант – крупнейший город Бретани.

225

Санлис – город в 40 км от Парижа. *Сенешаль* – наименование (со времен Меровингов) высшего придворного чиновника, заведовавшего внутренним распорядком при дворе и отправлявшего судебные обязанности.

226

Факел состоял из 10 плотно соединенных одна с другой восковых свечей, причем каждая имела свой фитиль. Застольный факел составлялся из четырех свечей.

227

По-видимому, автор имел в виду не какое-то конкретное, но общее место в стихах Овидия, напр., в «Науке любви».

228

Пропуск строки.

229

Шелковый шнурок (обычно украшенный мелкими драгоценными камнями), также как кольцо, ожерелье, перчатка, рукав, локон, дарился избраннику в знак любовного расположения. См. также примеч. 4, 66.

230

См. ст. 6687 – 6690 и примеч. 200.

231

Стих иронический. Боеций (ок. 470 – 525) – римский государственный деятель и философ. Древнейшим памятником провансальской литературы является поэма (отрывок в 857 стихов) конца X – начала XI в. с содержанием, заимствованным из книжного школьного предания о Боеций, утешительницей которого в темнице является философия в аллегорическом образе женщины (аллегория, в свою очередь, заимствована из самого известного сочинения Боеция «Об утешении философии»)

232

Отсюда и далее до ст. 7720 см. примеч.68.

233

Отсюда и далее до ст. 7870: пересказ трех стихов (69 – 70 и 54) «Послания» (I, 2) Горация.

234

Пропуск строки.

235

Т. е. Гарин де Реортье (ст. 7984): Реортье входило во владения герцога Бургундского.

236

По-видимому, имеется в виду византийский император Константин Великий (274 – 337 гг.): автор обыгрывает эпитет к его имени.

237

Приемы турнирных бойцов сравниваются с фигурами самых сложных танцев того времени.

238

Конец рукописи утрачен

239

Выбранные нами кансоны дают представление о творчестве самых известных предшественников и современников автора «Фламенки» и о поэтическом контексте, в котором роман читался в XIII в. Номера песен по указателю Пиллэ – Карстенса (Pillet Л., Carstens H. Bibliographie der Troubadours. Halle, 1933) соответственно – 29, 16; 80, 1; 335, 7.

Арнаут Даниэль (см. примеч. 90) упоминается в ст. 1709 – 1710. «Осенний» зачин кансоны (ср. примеч. 203) создает контрастный фон для выражения любовной радости трубадура. *Потрембльский хват…* – возможно, один из маркизов Маласпина, славившихся любвеобильностью: Понтремоли – город в Апеннинах, недалеко от Пармы. *…Парис/К Елене…* – см. примеч. 41.

Бертран де Борн (ум. ок. 1215 г.) – перигорский сеньор, прославившийся преимущественно песнями на темы политики и морали (сирвентами), отличающимися образной насыщенностью и замечательной изобразительной и языковой суггестивностью. Сквозной мотив его поэзии – любовь к войне и рыцарским браням, воспеваемая с тем же пафосом и в тех же понятиях, что и куртуазная любовь к даме. Приводимые здесь две дошедшие до пас строфы составляли, несомненно, начало целой песни, сочиненной, как поясняет средневековый комментатор, на приезд из Бургундии в Лимузин доны Гвискарды де Боже, где она вышла замуж за Арчимбаута VI, виконта Комборна.

Пейре Карденаль (ум. в 1272 г.), по словам жизнеописания, «порицал зло этого мира и неверность клириков». Пародируя куртуазные формулы, трубадур восхваляет в кансоне Амора за то, что тот оставил его в покое, и перечисляет, исходя из привычных куртуазных клише, все, чего ему не надо больше делать. Последняя, «игровая», строфа характеризуется настойчивой аллитерацией, причем аллитерирующие согласные меняются от стиха к стиху.

240

Raynouard F. Lexique roman, ou dictionnaire de la langue des troubadours, vol. 1. Paris, 1838, p. 1 – 47.

241

Meyer P. Le Roman de Flamenca. Paris – Bezicrs, 1865.

242

Gschwind U. Le Roman de Flamenca, – Romanica Helvetica, vol. 86 A – B. Bern, 1976.

243

Песни трубадуров. М., 1979.

244

Полная библиография может быть найдена в указанном издании Гшвинда. Наиболее интересные работы отмечены в дальнейших примечаниях.

245

LavaudR., KelliR. Aux origines du roman psychologique: Examen du Roman de Flamenca, – Cahiers du Sud, 44, 1956/1957, p. 192 – 202.

246

Suguy F. Flamenca, Roman de Moeurs du Midi. – Revue de l'Universitй d'Okoyama, dec. 1956, p. 13 – 26. Эта традиция восходит к П. Мейеру, который в предисловии к своему изданию называл «Фламенку» «романом современных нравов, прекрасно изображающих блестящую жизнь дворов в XIII веке-.– Op. cit… p. 1.

247

Nelli R. Le Roman de Flamenca: Un art d'aimer occitanien du XIII siecle. Toulouse, 1963.

248

Der Flamencaroman als Darstellung eines parlamens fis. – In: *Steeger H.* Ascиse und Amour courtois, Diss. Heidelberg, 1954.

249

Shedd G. M. Flamenca, a medieval satire on Courtly Love. – Chaucer Review, II, 1967, p. 43 – 65.

250

Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники. Л., 1964. – Перепечатано в его «Избранных трудах». «Теория литературы. Поэтика. Стилистика». Л., 1977. В пьесу перешел из романа вместе с его именем образ ревнивца Арчимбаута и множество деталей – от описания выступления на майском празднике жонглеров или мотива рыцаря под цветущей яблоней и до диалогической сцены, которую разыгрывает героиня драмы Изора и ее камеристка Алиса в «Башне неутешной вдовы», пользуясь вместо молитвенника романом о Флоре.

251

См. *Bezzola R.* Les origines et la formation de la litterature courtoise en Occident, 5 vols., Paris, 1944 – 1962.

252

Проблемы становления французского куртуазного романа, актуальные и с точки зрения предыстории романа провансальского (представленного, как сказано выше, лишь еще одним дошедшим до нас вместе с «Фламенкой» романом бретонского цикла), исследовались недавно в монографии: *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман. М., 1976.

253

Действие романа недаром происходит между двумя великолепными куртуазными празднествами – свадебным пиром и турниром Арчимбаута. См.: *Schwarze Ch.* Pretz, Amor, Gelosia. Zur Struktur dos altprovenzalisehen Flamenca-Piomans, – Zeitschrift fur romanische Philologie, 83, 1967, p. 280 – 305.

254

Camproux Ch. Preface a Flamenca? – Melanges de linguistique francaise et de philologie et litterature medievales offerts a M. Paul Imbs. Strasbourg, 1973, p. 640 – 662.

255

См., напр., ст. 6158. Куртуазная Юность и некуртуазная Старость – в мире куртуазии этические, а не возрастные понятия, что позволило трубадуру Бертрану де Борну дать в одной из своих песен настоящий каталог признаков истинных Юности и Старости, а трубадуру Аймерику де Пегильяну говорить о том, что любовь делает его в старости молодым. Такое этическое наполнение термина Юность имеет глубокие мифологические корни.

256

См., напр.: *Revillout Ch.* De la date possible du Roman de Flamenca. – Revue de langues romanes, 8, 1875, p. 5 – 18. Ср. также *Lejeune R.* Le calendrier du Roman de Flamenca. – Melanges offerts a Charles Rostaing, Liege, 1974, p. 605 – 609.

257

В этой связи интересно рассмотреть картину турнира в конце романа: не являются ли красочно описанные поединки сведением счетов между недавними военными противниками?

258

Примеры указаны: *Lejeune R.* Op. cit.

259

Lewis C. S. The Allegory of Love. Oxford. 1946.

260

Ст. 1799. Ср. ст. 1626 – 1627:

Читать и петь он наравне
Мог в церкви с братьей клерикальной.

Из духовного звания с его привилегией на образованность происходили многие трубадуры, самым знаменитым из которых был Монах Монтаудонский. Гильем, соединяющий в своем лице рыцарские доблести и интеллектуальные достижения (он учился в Париже, превзошел семь благородных искусств, знает латинскую литературу и философию), тяготеет к ренессансному образу гармоничного человека – позднейшему идеалу Франсуа Рабле.

261

Ср. в самом романе диалогизированные внутренние монологи Гильема и его диалога с Амором (напр., ст. 4011, 4013 и др.).

262

*GrimmCh.*Etude sur le Roman de Flamenca. Thtse de l'Universite de Paris, 1930.

263

Millardet G. Le Roman de Flamenca. Paris, 1936, p. 21.

264

См.: *Мейлах М. Б.* Структура куртуазного универсума трубадуров. – Труды по знаковым системам, т. 6. Тарту, 1973, с. 244 – 264. Ср.: *Он же.* Язык трубадуров. М., 1975.

265

См. одноименную главу в его книге «Осень средневековья». – *Huizinga J.* Le declin du Moyen age. Paris, 1934.